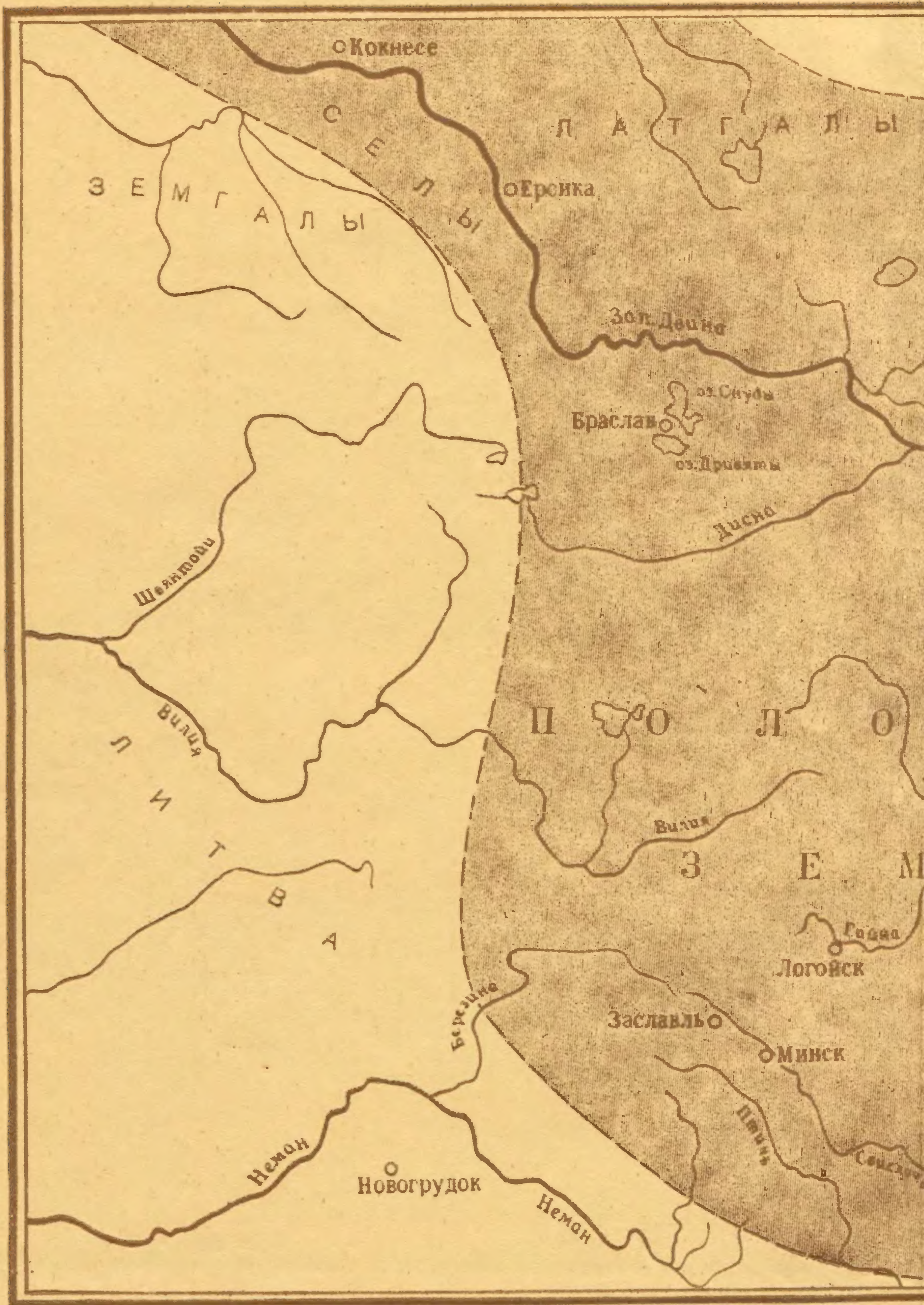
Г. В. ШТЫХОВ

ГОРОДА ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

«НАУКА И ТЕХНИКА»

Кокнесе
СЕЛЫ
ЛАТГАЛЫ
ЗЕМГАЛЫ
Ерсика
Зап. Двина
оз. Снуды
Браслав
оз. Дривяты
Дисна
Шеянтойи
Вилия
ЛИТВА
П О Л О
Вилия
З Е М
Гайна
Логойск
Березина
Заславль
Минск
Птичь
Неман
Новогрудок
Неман

Великая
Ловать
Зап. Двина
Межа
Усвяты
Дрисса
оз. Неклочь
Полота
Оболь
ПОЛОЦК
Зап. Двина
Витебск
Каспля
Ушачь
Улла
оз. Стрижево
Лучеса
Ц К А Я
Лукомль
Днепр
Орша
Л Я
Друцк
Копысь
Борисов
Друть
Днепр
Сож
Березина
СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Г. В. ШТЫХОВ

ГОРОДА ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

(IX—XIII вв.)

Научный редактор
доктор исторических наук
В. П. ДАРКЕВИЧ

МИНСК
„НАУКА И ТЕХНИКА“
1978

Рецензенты:
кандидаты исторических наук А. П. Грицкевич, М. А. Ткачев,
кандидат архитектуры Т. И. Чернявская

Штыхов Г. В.
Ш 87 Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.).— Мн.: Наука и техника, 1978.— 160 с., ил.

Материалы многолетних археологических раскопок дали возможность автору осветить в книге вопросы возникновения и становления городов Полоцкой земли, их размеров, исторической топографии, социального состава и занятий населения. Рассмотрены также памятники прикладного искусства, письменности, архитектуры.

Ш $\frac{10602-139}{М316-78}$ 17—78 9(С)1

ВВЕДЕНИЕ

Древние города Полоцкой земли (княжества) привлекают внимание исследователей своей богатой событиями историей и яркой материальной культурой. Разработка этой темы необходима для более полного изучения хозяйственного, социального и культурного развития западных земель Киевской Руси, основная часть которых находилась на территории современной Белоруссии.

В дореволюционной историографии история городов Полоцкой земли освещалась односторонне, на основании письменных источников без надлежащего их критического анализа. По существу излагалась история одного города — Полоцка. Вследствие крайне отрывочных сведений древнерусских летописей далекое прошлое других городов Полоцкой земли не нашло отражения в обобщающих трудах историков дореволюционной России. Отдельных фактов этой темы касались В. Н. Татищев в «Истории Российской», Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», С. М. Соловьев в многотомной «Истории России с древнейших времен».

То же можно сказать о специальных работах по истории Белоруссии и Полоцкой земли, появившихся во второй половине XIX в. В книгах А. М. Сементовского «Белорусские древности» (СПб., 1890), А. П. Сапунова «Река Западная Двина» (Витебск, 1893), М. В. Довнар-Запольского «Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия» (Киев, 1891), В. Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» (Киев, 1896) много внимания уделено Полоцку, значительно меньше говорится о Витебске, Минске, Друцке и лишь упоминаются другие города на территории Северной Белоруссии. Археологические данные об этих городах почти полностью отсутствовали, ибо научных раскопок в них не производилось.

Впервые археологическое изучение городов Полоцкой земли было запланировано Институтом белорусской культуры в 20-е годы, по поручению которого А. Н. Лявданский в 1926 г. произвел небольшие раскопки в Заславле, а в 1928 г.— в Полоцке и Орше. Кроме того, А. Н. Лявданский обследовал археологические памятники в Витебске и Борисове [1]. Результаты этих исследований привлечены М. Н. Тихомировым в его книге «Древнерусские города» (1946).

Большой размах археологическое изучение городов Полоцкой земли приобрело после окончания Великой Отечественной войны. На протяжении 12 лет раскопки производились на Минском замчище (В. Р. Тарасенко, 1945—1951, 1957; Э. М. Загорульский, 1958—1961) [2]. По изученности городских напластований Минск до сих пор занимает одно из первых мест в Белоруссии.

В Полоцке проводил археологическое изучение культурного слоя М. К. Каргер (1957), А. Г. Митрофанов (1958—1960), В. Р. Тарасенко (1960—1962), автор на городище (1960—1962), Верхнем замке и других

местах (1963—1968). Архитектурно-археологические исследования осуществляли М. К. Каргер (1961—1964, 1967), П. А. Раппопорт и В. А. Булкин (1975—1977).

Л. В. Алексеев предпринял археологические раскопки в Браславе (1955—1956) и особенно крупные — в Друцке (1956—1962, 1965, 1967). Исследования производили в Копыси Л. А. Михайловский (1950, 1962), Э. М. Загорульский (1972), в Орше Ю. И. Драгун (1965—1968).

Важным вкладом в изучение истории Полоцкого княжества явилась книга Л. В. Алексеева «Полоцкая земля в IX—XIII вв.» (М., 1966), в которой много места отведено городам. В этом труде представлена древняя история Полоцка, Минска, Витебска, Друцка и Браслава, упомянуты другие города, данные о которых тогда были незначительны. Л. В. Алексееву принадлежит заслуга в разработке политической истории Полоцкой земли, интерпретации летописных сообщений, оценке отношений между полоцкими и южнорусскими князьями. Он уточнил границы Полоцкой земли, предпринял попытку определить территорию удельных княжеств периода феодальной раздробленности, исследовал ряд художественных изделий.

Городам уделено много внимания в книге Э. М. Загорульского «Археология Белоруссии» (Мн., 1965). Общая характеристика социально-экономического развития западных земель Руси в IX—XIII вв. приводится в пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР» (т. 1, Мн., 1972), однотомнике «История Белорусской ССР» (Мн., 1977).

Наряду с успехами необходимо указать на недостаточную разработку проблемы. До начала 60-х годов по существу не предпринимались сколько-нибудь значительные раскопки в Витебске, Лукомле, Заславле, Логойске, Копыси, а действительное местоположение древнего Борисова не было известно. Изучение этих городов было задачей Полоцко-Витебского археологического отряда Белорусской экспедиции Института истории АН БССР, производившего раскопки с 1963 по 1974 г.[3] В Витебске работы велись в 1963, 1964—1966, 1972 гг. Наиболее значительные исследования осуществлялись на городище и селище в Лукомле в 1966—1971, 1973, 1974 гг. В эти же годы раскопки производились в Заславле, Логойске, Копыси, Борисове.

В 1974 г. был сформирован Минский археологический отряд для продолжения изучения древнего Минска и его окрестностей. В верховье Птичи особое значение имеют городище и селище на речке Менке, где нами проводились раскопки широкими площадями в 1975—1977 гг. (еще не закончены). Ныне археологические данные служат основными источниками знаний о древних городах Полоцкой земли, значительно расширяют возможности исследования многих аспектов их истории[4].

В настоящей работе вводятся в научный оборот новые материалы археологических исследований городов Полоцкой земли и в совокупности с данными летописей и других источников воссоздается история их возникновения в раннефеодальный период и последующего развития во время феодальной раздробленности. Ввиду того что большинство материалов ранее не публиковалось, много внимания пришлось уделить источниковедческому анализу, описанию культурного слоя.

Археология городов представлена здесь в хронологических рамках от IX в. до рубежа XIII—XIV вв., т. е. до того периода, когда Полоцкая земля была включена в состав Великого княжества Литовского.

Древнейшие города, как теперь установлено, находились в Подвинье, в северных районах Полоцкой земли. При учете этого фактора, отража-

ющего исторические процессы, определена последовательность рассмотрения городов и структура книги, в соответствующих главах которой характеризуются две их группы. В монографии изложена древняя история Полоцка, Витебска, Лукомля, Усвят, Браслава, Кукенойса, Герсике, Минска, Друцка, Заславля, Логойска, Копыси, Орши, Борисова в связи с поставленной задачей проследить развитие каждого из 14 городов в бассейнах рек Полоцкой земли — в Подвинье и Верхнем Поднепровье, показать основные черты хозяйственной жизни, быта и культуры горожан, а в необходимых случаях и события политической истории.

Истории и археологии Полоцка — «старшего» города Полоцкой земли-княжества нами ранее посвящена отдельная книга (1975). Сейчас мы касаемся этой темы для освещения становления других «младших» городов, по тогдашней терминологии «пригородов».

Ремесло и торговля городов, монументальная архитектура нашли отражение в коллективном труде «Очерки по археологии Белоруссии» (ч. II, Мн., 1972). Во избежание повторения данные вопросы в предлагаемой монографии освещены кратко.

Иллюстрации для книги выполнил М. Н. Федосеев. Карта Полоцкой земли с обозначением ее городов и границ (по А. Н. Насонову и Л. В. Алексееву) помещена на форзацах.

Глава I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОРОДОВ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

1. К ПРОБЛЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН В СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ

Северную Белоруссию в VII в. до н. э.— IV в. н. э. населяли аборигенные восточнобалтские племена днепро-двинской археологической культуры и культуры штрихованной керамики [1]. Четких границ между этими культурами не было [2].

В раннем железном веке разложение первобытнообщинных отношений, столкновение между родами и племенами нашли отражение в характере укрепленных поселений. В Северной Белоруссии городища небольшие по площади — от 0,1 до 0,5 га. Были также неукрепленные, открытые поселения. К V в. н. э. основной формой населенных пунктов повсеместно становятся неукрепленные поселения, что связано, видимо, с переходом от родовой общины к территориальной. Не все городища были заброшены. Они продолжали использоваться как убежища во время военной опасности вплоть до IX в. Старые городища перестраивались, усиливались их оборонительные сооружения. Иногда городища-убежища VI—VIII вв. возводились заново на необжитом месте.

На территории Северной Белоруссии в третьей четверти I тыс. н. э. располагались городища-убежища, известные в археологической науке как памятники типа «верхнего слоя Банцеровщины, Тушемли, Колочина». Большинство исследователей считают их балтскими [3]. Встает вопрос, когда возникли древнейшие города Северной Белоруссии — в начальный период расселения славян или на заключительном его этапе.

В окрестностях Витебска в радиусе до 25 км зафиксированы городища близ деревень Старое Село, Лужесно, Бороники, Мяклово, Зароново и при впадении Витьбы в Западную Двину. Почти все они появились в раннем железном веке и принадлежали племенам днепро-двинской культуры. Возле городищ в Старом Селе, Лужесно, Зароново, Витебске выявлены селища третьей четверти I тыс. н. э. с керамикой типа Банцеровщины и Тушемли [4]. В это время старые городища стали использоваться как убежища, жизнь на селищах прекратилась примерно к концу VIII в. Одновременно перестали использоваться близлежащие городища в качестве убежищ. Только на поселениях при устье Витьбы жизнь продолжалась в IX—X вв. и в последующие столетия. Очень возможно, что сюда переселилось население из опустевших поселков.

Число городищ разных периодов в Витебской области и прилегающих районах Минской области требует уточнения, но уже сейчас их соотношение может быть представлено следующим образом: городищ раннего железного века здесь 200—300, городищ-убежищ VI—VIII вв. несколько десятков, примерно столько же селищ, синхронных им, немногие городища относятся к IX — началу X в. (Полоцк, Витебск, Лукомль,

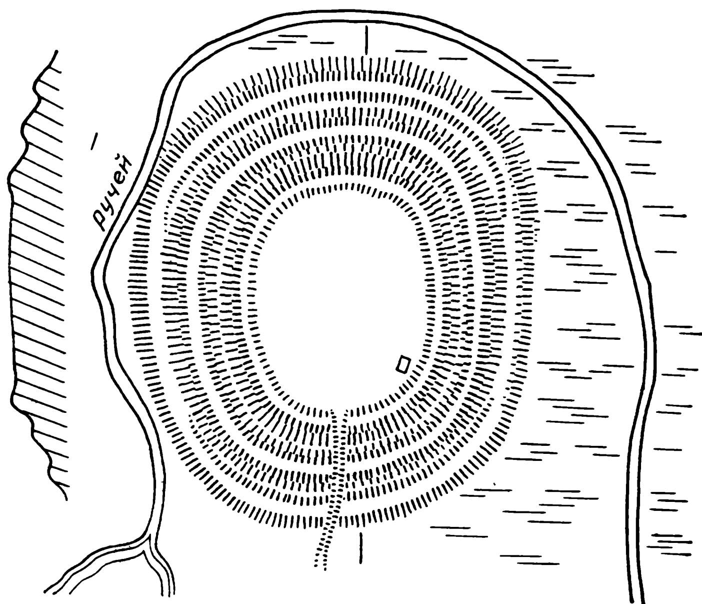

Рис. 1. Городище-убежище VIII—IX вв. возле д. Свила Первая

Браслав) [5]. Как мы полагаем, памятники третьей четверти I тыс. н. э. (городища-убежища, селища, а также длинные курганы) появились на данной территории в период расселения славян в среде потомков балтского населения днепро-двинской культуры и в одних случаях могли принадлежать балтам, в других — славянам, в третьих — смешанному населению из тех и других. Подтверждением причастности славянского населения к памятникам типа верхнего слоя Банцеровского городища служит то, что на них и на соседних селищах встречаются сосуды, по своим пропорциям близкие к общепризнанным формам славянской керамики [6].

На крайнем севере Белоруссии, где известны курганы третьей четверти I тыс. н. э., по нашему мнению, существовал локальный вариант банцеровско-тушемлянской культуры [7].

Для дальнейшего решения проблемы истории населения существенное значение имеет выяснение этнической принадлежности так называемых «позднезарубинецких древностей», установление того, действительно ли они перерастают в раннесредневековую славянскую культуру [8]. Что же касается влияния этих древностей на формирование культуры типа верхнего слоя Банцеровщины, то такое обстоятельство находит все больше подтверждений.

Городища-убежища второй половины I тыс. н. э. известны как у западных и восточных славян, так и у балтов и иных племен. Почти синхронные памятники возникли в сходных исторических условиях и их появление в немалой степени обусловлено опасностью, которой было подвержено население со стороны иноплеменников. Такие городища обычно круглые в плане и имеют кольцеобразную систему построек, примыкающих к внутреннему склону вала.

Городища-убежища заселялись временно на случай военной опасности. Здесь укрывался скот, пряталось имущество. Убежища свидетельст-

Рис. 2. Лепные горшки. *1* — третьей четверти I тыс. н. э.; *2, 4* — VIII—IX вв. (Лукомльское городище); *5* — IX — начало X в. (селище в Лукомле); *3* — VIII—IX вв. (Полоцкое городище); *6* — VIII — начало X в. (селище на р. Менке)

вуют о коллективном характере обороны, когда основной формой войн были неожиданные набеги с целью грабежа. Во время неприятельского нападения сюда собиралось окрестное население с неукрепленных поселений [9].

Интересный памятник VI—IX вв. исследован в Глубокском районе близ д. Свила Первая. Городище овальное (100×80 м), высота холма 15 м. Его оборонительная система — 3 кольцевых вала, 2 глубоких рва (рис. 1). Городище принадлежало кривичам и существовало до конца IX в. [10] Такие городища-убежища потеряли значение с возникновением государственных образований.

По сообщению «Повести временных лет», примерно в IX в. полочане являлись самостоятельным «княжением». Подобные образования генетически восходят к политическим организациям эпохи военной демократии [11]. Полочане были частью кривичей — самой большой этнической группировки в Восточной Европе. Процесс формирования кривичей был длительным. Он происходил в среде славян и местных балтоязычных, а также финноязычных племен, которые находились в процессе ассимиляции и славянизации [12]. Известия о кривичах содержатся в древнерусских летописях при изложении событий IX—X вв. Византийский историк X в. Константин Багрянородный именует кривичей славянами. Кривичи занимали Смоленское Поднепровье, верховья Волги, верхнее течение Западной Двины и Псковщину. Примерно в конце I тыс. их огромное объединение распалось на самостоятельные группы — полоцкую, псковскую,

смоленскую. С территорией Северной Белоруссии связана история ответвления кривичей-полочан.

В Витебской области и соседних районах известны курганные могильники второй половины I тыс. н. э., состоящие из длинных, удлиненных и круглых в плане насыпей высотой 1—3 м, содержащих захоронения по обряду трупосожжения с жертвоприношением животных и птиц. Они изучались нами близ деревень Янковичи (Россонский район), Борки, Рудня, Глинище (Полоцкий район), Дорохи, Бескатово, Смольки (Городокский район). В верховье Ловати в окрестностях Дорохов на берегу оз. Сенница раскинулись курганные могильники, насчитывающие свыше 150 курганов трех периодов: третьей четверти I тыс. н. э. с трупосожжениями и сосудами типа керамики верхнего слоя Банцеровского городища под Минском; VIII—IX вв. с трупосожжением и керамикой, подобной горшкам с плечиками, известным по раскопкам длинных курганов Смоленщины, а также X — начала XI в. с трупоположениями и инвентарем, обычным для древнерусских курганов этого времени [13]. Разнообразие погребального ритуала, лепной глиняной посуды, вещевого инвентаря курганов с трупосожжением служит археологическим подтверждением своеобразного процесса формирования кривичей.

Древнерусским городам в лесной полосе Восточной Европы предшествовали дославянские поселения первобытнообщинного времени, и существует трудный научный вопрос этнической принадлежности населения в канун образования Древнерусского государства во главе с Киевом. Имеются определенные основания рассматривать его исходя из того, что в VII—VIII вв. славяне расселялись на территории Северной Белоруссии в землях, где проживали балтские племена.

2. ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДОВ

Историческими предпосылками возникновения средневековых городов было увеличение сельскохозяйственной продукции и улучшение техники обработки земли, отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие классовых отношений.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс указывают, что само отделение города от деревни и возникновение противоположности их интересов было итогом отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого» [14].

На территории Северной Белоруссии почвы в естественном виде не отличаются высоким плодородием, но они вполне пригодны для земледелия [15]. Важна находка зерен озимой ржи на городище у д. Свила Первая в слое IX в.[16] Озимая рожь — наименее прихотливая, самая морозоустойчивая среди зерновых культур, хорошо противостоит сорнякам. Ее возделывание оказало огромное влияние на весь строй земледельческого производства, положив начало паровой системе земледелия [17]. Другим не менее существенным доказательством развития земледелия служат железные наконечники пахотных орудий VIII—X вв. (рис. 52, *2*), обнаруженные на поселении на Менке в верховье Птичи. В X—XII вв. в Северной Белоруссии уже находилось много старопахотных участков, очищенных от леса, о чем можно судить на основании изучения семенного материала из раскопок городов [18]. Роль подсечного земледелия, связанного с коллективным трудом, постепенно уменьшалась.

Дальнейшее развитие земледелия и скотоводства подготавливало отделение ремесла от сельского хозяйства. С распространением паровой

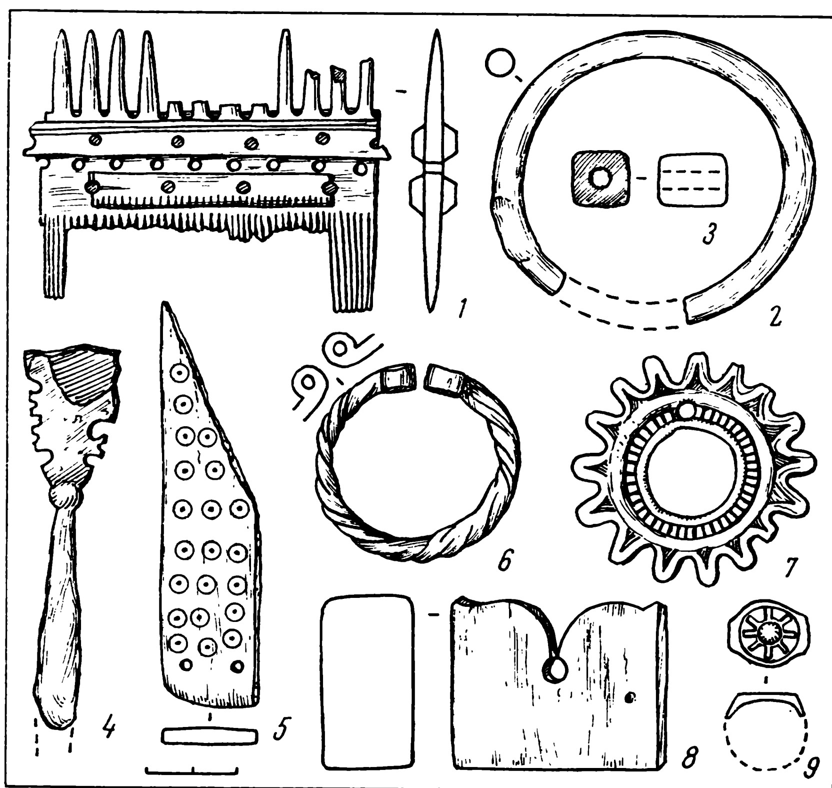

Рис. 3. Находки XII—XIII вв. из Копыси. *1* — костяной гребень; *2* — стеклянный браслет; *3* — стеклянная бусина синего цвета; *4* — железное писало; *5* — костяная накладка; *6* — железная фибула; *7* — бронзовая пряжка; *8* — костяная шахматная фигура; *9* — бронзовый перстень

системы земледелия росла производительность труда в сельском хозяйстве. Увеличивалось количество его продуктов, сокращалось время их производства, становился более высоким прибавочный продукт, производимый крестьянами. Появилась возможность обмена части продуктов сельского хозяйства на изделия, которые изготовлял специалист-ремесленник.

Главной предпосылкой возникновения городов было отделение ремесла от сельского хозяйства. Ремесло все более концентрировалось в отдельных населенных пунктах, имевших выгодное географическое расположение. Производство ремесленных изделий превращалось в особую сферу трудовой деятельности, которая отличалась от сельскохозяйственных занятий — земледелия и скотоводства.

Новым шагом в общественном разделении труда было появление в городах купцов как нового общественного слоя, сферой деятельности которого являлся обмен товаров. Хорошо известно, что так называемому «дружинному периоду» истории Киевской Руси (IX—начало XI в.) сопутствовало установление торговых связей восточнославянских земель с иными странами. Это было время расцвета «пути из варяг в греки», который не мог не влиять на хозяйственную жизнь земель, через которые он проходил. Киев, Новгород, Смоленск располагались на этом водном

пути, а на его западнодвинском ответвлении возникли Полоцк и Витебск [19].

Города — центры обмена, торговли. Свободные городские ремесленники производили изделия для торга. Город не мог быть изолированным от своих окрестностей, ибо в пределах соответствующей округи возникала и давала себя знать его хозяйственная роль. Город феодальной эпохи был центром товарного производства и обмена, какой бы ограниченный характер это производство и обмен ни имели [20].

О новых явлениях в социально-экономических отношениях в IX—X вв. говорят изменения в характере погребальных обрядов у полоцких кривичей. В археологической науке принято считать, что длинные курганы являются коллективными родовыми усыпальницами. Среди таких погребальных памятников, бедных по инвентарю, в VIII—IX вв. появляются индивидуальные погребения с трупосожжением под небольшой круглой в плане курганной насыпью. Некоторые курганы имеют в погребениях остатки многих вещей. Так, близ д. Борки Полоцкого района нами раскопано захоронение, в котором содержалось около 200 поврежденных огнем украшений: свыше 10 изящных костяных уточек-подвесок, 20 бронзовых трапециевидных подвесок, спиральки, массивная шейная гривна. Если в более ранних курганах VI—VII вв. встречаются, как правило, большие горшки, то в курганах кривичей IX—начала X в. посуда малая по размерам [21]. Видимо, это означает, что отдельные семьи выделились как производственные единицы, разорвав древние родовые связи.

В XI—XII вв. жители сельских поселений продолжали хоронить умерших в курганах, но уже не сжигая их. В большинстве курганных погребений немногочисленный дешевый инвентарь (нож, пара колец, глиняный горшок). В отдельных случаях инвентарь богаче. Есть разноцветные стеклянные, золоченые, сердоликовые бусы, мелкий бисер, бронзовые и серебряные украшения, монеты. В мужских погребениях — боевые топоры-чеканы, наконечники копий и стрел, пряжки [22]. Бедные и более богатые захоронения выявляются по материалам Заславльского курганного могильника. Археологические данные свидетельствуют о процессе социальной дифференциации внутри сельской общины.

Основная масса сельского населения Киевской Руси жила в неукрепленных открытых поселениях — селищах. Селищами могут быть и остатки деревни со свободным крестьянским населением, и владельческие села с полузависимым и зависимым населением. В Древней Руси сельские поселения назывались «погост», «село», «весь» [23].

Селища Полоцкой земли исследовались мало. Располагаются они по берегам рек, озер и никаких наземных признаков в отличие от городов не имеют. В 1965 г. нами изучалось селище близ д. Горовляны (Глубокский район), где обнаружены два монетно-вещевых клада XI в.[24] На пашне на площади до 2 га повсеместно встречались обломки посуды XI—XII вв., найдено шиферное пряслице. Культурный слой беден находками, что характерно и для других подобных памятников. Селище таких же размеров располагается рядом с курганной группой возле д. Плусы на берегу оз. Суя южнее Полоцка. Курганные могильники, их размещение могут дать приблизительное представление о количестве сельских поселений. В Витебской области зафиксировано до 650 курганных групп [25].

В IX—XI вв. формировались антагонистические классы раннефеодального общества в Киевской Руси, включая Полоцкое княжество. По-

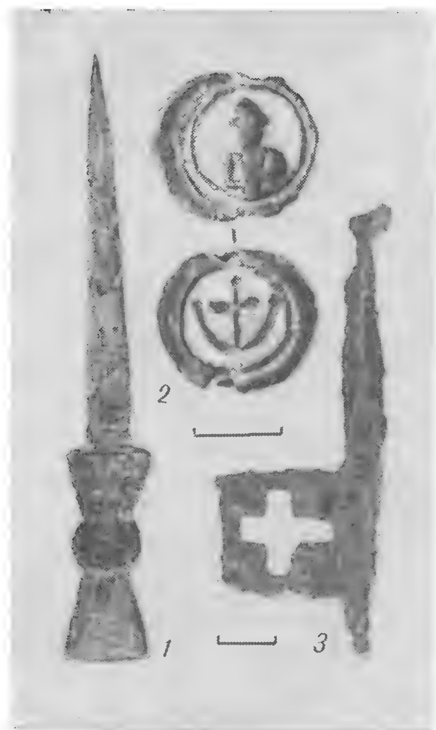

Рис. 4. Предметы конца XI—XII в. из Минска. *1* — бронзовая деталь подсвечника; *2* — свинцовая пломба; *3* — ключ

явились дружинники—одна из групп господствующего класса. По сообщению «Повести временных лет», князь Рюрик, утвердившись в Новгороде, отдал Полоцк одному из своих «мужей» (дружиннику-вассалу) в 862 г. Примерно в 70-е годы X в. в Полоцке обосновался князь Рогволод, несомненно, с дружиной. После убийства его вместе с двумя сыновьями великий князь киевский Владимир Святославич все же вынужден был восстановить «отчину» Рогнеды Рогволодовны, отдав ей и сыну Изяславу город Изяславль, а затем «посади... Изяслава Полотьске» [26]. Тем самым Владимир возобновил династию полоцких князей, им самим ранее уничтоженную. В Полоцке княжил сын Изяслава Брячислав (1001—1044 гг.). Его сменил наиболее известный в истории Полоцкой земли Всеслав Брячиславич (1044—1101 гг.), имевший шестерых сыновей, которые упоминаются в летописях в связи с событиями первой половины XII в. и политической историей городов (Давыд, Борис, Глеб, Роман, Святослав, Ростислав) [27]. О дружинниках полоцких князей неоднократно говорится в летописи: «Глеб же вышед из города (Минска.— **Г. Ш.**) с детми и с дружиною» (1116 г.), «а Глеба Ростиславича выгнаша (из Друцка.— **Г. Ш.**), и двор его разграбиша горожане и дружину его...» (1159 г.)[28].

Первое упоминание об эксплуатируемой части населения (челяди) в Полоцкой земле мы находим в «Поучении» Владимира Мономаха, где он, описывая разорение Минска и его окрестностей (около 1084 г.), говорит, что не было оставлено «ни челядина, ни скотины» [29]. В летописях при изложении событий, происходивших в XII в., «челядь» упоминается неоднократно. Князь Глеб Ростиславич, будучи изгнан из Полоцка и с дружиной возвращаясь к брату Володарю в Минск, «много зла створи волости Полотьскои воюя и скоты и челядью» (1159 г.) [30].

Особенно красноречивы такие факты. Минский князь Глеб Всеславич дал для нужд Киево-Печерского монастыря 600 гривен серебра и 50 гривен золота (1108 г.). Самым щедрым подарком княгини были отданные монастырю 5 сел с челядью [31].

«Челядь» — наименование зависимого населения в Древней Руси. В IX—X вв. это были рабы. В дальнейшем термин «челядь» стал применяться к более широкому кругу феодально зависимого населения. С середины XI—начала XII в. его постепенно сменяло наименование «холопы» [32]. В грамоте полоцкого князя Изяслава (около 1265 г.) говорится о выдаче бежавших поручников, должников, холопов [33].

О социальном составе населения Полоцкой земли в период становления феодализма можно судить по следующему перечню в житии Евфросинии Полоцкой: «князи и силнии мужи, черноризици и черноризцы, и простие людие». Или еще названия: «силныя честныя мужа», они же «бояри», были еще «служанины». Упомянута «доилица» (кормилица) княжны Предславы и слуга Михаил. Есть и название «гражане» («И вси гражане выидоша проводити ю») [34].

В каком положении находились «простие людие», свидетельствуют слова полоцкого князя Константина: «Тиун неправду судить, мьзду емлеть, люди продаеть, мучить, лихое все дееть». Однако назначает тиуна сам князь «абы князю товара добывал, а людий не щадить» [35].

Население городов пополнялось выходцами из деревни. В древнерусских городах, как показал И. И. Смирнов, были беглые холопы — тати и, что особенно важно, холопы, легально действующие в различных областях городской экономической жизни. При этом он ссылается на договор Смоленска с Ригой 1229 г. [36], который распространялся на Полоцк и Витебск.

В Полоцкой земле в IX—XII вв. формировались феодальные отношения и существовали объективные предпосылки для возникновения и развития городов.

3. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДОВ

Определяя время возникновения древнейших городов, следует иметь в виду, что город мог появиться только при наличии частной собственности, т. е. в классовом обществе. Поскольку начало феодальной формации на Руси обычно относят к концу IX в. [37], то городов в социально-экономическом понимании не могло быть ранее. Это полностью применимо к Полоцкой земле и находит подтверждение в летописных и археологических материалах.

Письменные источники называют на территории Полоцкой земли в IX—XII вв. следующие населенные пункты, большинство из которых были городами: Полоцк (IX в.), Витебск, Заславль (X в.), Усвяты, Лукомль, Друцк, Браслав, Минск, Логойск, Копысь, Орша, Голотическ (XI в.), Борисов, Стражев, Городец (XII в.). Судя по документам, появление городов в основном приходится на XI в., что подкрепляют археологические данные.

В «Повести временных лет» названы: Полоцк — 9 раз, Минск — 4, Друцк — 2, Орша — 2, Копысь и Голотическ — по одному разу; в «Поучении» Владимира Мономаха: Полоцк — 3 раза, Друцк — 2, Минск—2, Лукомль, Логойск — по одному разу [38]; в Ипатьевской летописи: Полоцк — 10 раз, Минск — 8, Друцк — 9, Витебск — 6, Изяславль — 3, Логойск — 2, Стражев — 2, Городец — 1, Неколочь — 1, Борисов — 1.

Прямые летописные известия об основании городов касаются очень немногих пунктов, поэтому, как правило, первое упоминание города в письменом источнике — условная дата при определении возраста населенного пункта.

Опираясь на «Повесть временных лет», Лаврентьевский и Ипатьевский летописные своды, почти не учитывая других письменных источников, М. Н. Тихомиров назвал для 16 городов Полоцкой земли их первоначальные даты [39]. Исследователь не объяснил, почему он не принимает во внимание более ранних сведений «Поучения» Владимира Мономаха о трех городах Полоцкой земли (Лукомле, Друцке, Логой-

ске). Ценность и достоверность памятника общеизвестна. Мы считаем необходимым привлечь его при решении вопроса о первом упоминании населенных пунктов в источниках. Мономах, рассказывая о событиях без обозначения лет, сообщает, как он, борясь с полоцким князем Всеславом, «пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска та на Дрьютьск воюя та Чернигову» [40]. Поход в Полоцкую землю произошел зимой 1078 г. [41]

Вопрос о датах первого упоминания городов в источниках усложняется тем, что в Древней Руси применялось несколько систем летосчисления (мартовский, сентябрьский, ультрамартовский стили), что необходимо учитывать при обозначении года большого похода, организованного киевским князем Мстиславом Владимировичем в Полоцкую землю, когда назван ряд ее городов (по Лаврентьевской летописи 1127 г., по Ипатьевской 1128 г). Согласно исследованию Н. Г. Бережкова, более правильная дата указана в Лаврентьевской летописи [42].

Происхождение городов Полоцкой земли может быть представлено следующим образом. Предвестниками древнейших из них были укрепленные пункты славян, возникшие при их расселении на территории Подвинья в IX в., а может быть, и несколько ранее. Среди них выделяется Полоцк как главный племенной центр полоцких кривичей, в котором с началом развития феодальных отношений обосновался князь с дружиной. В связи с колонизацией и установлением даней в Подвинье почти одновременно с Полоцком создавались другие укрепленные пункты (Витебск, Лукомль) [43], зависимые от Полоцка в административном и военном отношении (прообраз будущих «младших городов»). Зарождавшиеся города были, видимо, центрами сбора дани и сбыта какой-то ее части в Византию, страны Востока и Европы, откуда привозились предметы роскоши. Княжескую дружину и других представителей знати обслуживали ремесленники. Появились купцы, оказывавшие услуги для сбыта собранной дани и продуктов натурального хозяйства в другие страны. Постепенно укрепленный населенный пункт, обрастая посадскими поселениями, становился центром ремесла и торговли в связи с необходимостью переработки и реализации феодальной ренты, о чем писали В. Л. Янин и М. Х. Алешковский применительно к Новгороду и Пскову [44].

Города могли возникать на основе укрепленных пунктов, построенных для обороны рубежей формировавшегося княжества. Появление городов содействовало ассимиляции местного неславянского населения, намного ускоряя этот процесс.

Размещение городов находилось в соответствии с заселенностью земель. Население на территории Полоцкого княжества жило отдельными сгустками среди огромных безлюдных пространств лесных массивов и болот [45]. Осваивались в первую очередь более благоприятные в сельскохозяйственном отношении районы. Важное значение имело наличие рек и озер, используемых как транспортные магистрали. Водоемы, которых насчитывается огромное количество в Белорусском Поозерье, давали возможность заниматься рыболовством. Реки и озера поили и кормили население деревень и городов.

Л. В. Алексеев уделил много места путям сообщения на территории Полоцкой земли и пришел к заключению, что «сравнительно ранним возникновением и интенсивным развитием Полоцкая земля более всего обязана торговым путям, связывающим Южную Русь, Византию и арабский Восток с Северной Русью, Прибалтикой и Скандинавией». Среди

конкретных обстоятельств появления городов Л. В. Алексеев называет торгово-транспортный путь, обеспечивающий ремесленнику бесперебойный сбыт товаров, и наличие укрепленного пункта, гарантирующего его безопасность [46].

Пересечение торговых путей могло определить расположение города в этом месте. Полоцк находился в том районе Западной Двины, где с севера в нее впадает Полота, а с юга Улла и Ушачь, берега которой были густо заселены в IX—XII вв., о чем свидетельствуют многочисленные курганные могильники [47]. Выгодное географическое расположение занимал Витебск. Здесь в Западную Двину впадает Лучеса, близко подходят верховья Ловати и недалеко лежит устье Каспли. Город Усвяты возник там, где начинался волок между Ловатью и Усвячей, впадающей в Западную Двину [48]. В водоразделах Западной Двины и Днепра (Оршанская возвышенность) основаны Лукомль и Друцк. Не случайно расположение группы городов (Минск, Заславль, Логойск) между близлежащими верховьями рек бассейна Днепра (Березина, Свислочь, Птичь) и Немана. Здесь, на Менке, есть остатки большого поселения у д. Городище Минского района [49].

Древние источники знают различие между «градом» (городом) и селом. В «Повести временных лет» сказано: «опустеша села наша и городи наши» [50]. Показательно, что в скандинавских сагах говорится о деревнях и городах, находившихся во владениях полоцкого князя Брячислава [51] (княжил в первой половине XI в.).

В Ипатьевской летописи сообщается об осаде Турова большим войском коалиции князей при участии дружины из Полоцка: «И полчане, пришедше к Турову, пожгоша села около его» (1158 г.). По той же летописи во время войны с литовским князем Тройденом Владимир Василькович взял город Турийск на реке Неман «и села около него поима» (1276 г.) [52].

«Градом» в древности нередко называли даже такое укрепление, которое не имело отношения к городу как постоянному поселению. Древнерусское название «град» происходит от «ограда», «городить», «огораживать». Известны случаи, когда летописцы называют «градами» укрепления, сооружавшиеся в ладьях, или построенные при использовании телег, или возведенные на церкви, вероятно, на ее крыше. Тем не менее, проанализировав сообщения летописей и других письменных источников, можно установить, где речь идет действительно об укрепленных населенных пунктах — городах (в понимании людей того времени). Населенные пункты городского типа обычно в летописях названы городами. Летописцы, конечно, имели в виду не только их укрепления, но и какие-то другие качества.

Иногда «градами» в Киевской Руси именовали также дворы феодалов — центры феодальных владений (вотчин), подобные западноевропейским замкам. Для такого двора было характерно сочетание в нем функций хозяйственных с административными и военными. Городищам-замкам присущи особые признаки. Их площадь отличалась небольшими размерами. В большинстве случаев она составляла несколько тысяч квадратных метров и очень редко превышала 0,5 га (по данным территории южных земель Руси). Здесь размещался феодальный двор и жилые помещения его владельца со слугами и хозяйственными постройками. Характерная черта планировки таких городищ — расположение помещений по кругу параллельно линии оборонительных сооружений и связь их с фортификационной системой [53].

Рис. 5. Полоцк. Раскопки на Верхнем замке (1961 г.). Вид VI строительного горизонта, остатки мостовой и дренажа, на переднем плане хлев, рядом жилая постройка

На основании исследований в центральной части Смоленской земли, близко расположенной к Полоцкой земле, В. В. Седов указывает следующие признаки, отличающие владельческие поселения замкового типа от древнерусских городов: тесная связь с сельским хозяйством, слабое, одностороннее развитие ремесла, незначительные размеры городищ-усадеб (площадь немного больше 1 тыс. кв. м) [54].

Существование оборонительных сооружений, ограды — один из признаков города в социально-экономическом понимании, тем более если речь идет о большой площади с укреплениями.

Важнейшим признаком средневекового города является посад — торгово-ремесленное поселение при детинце, или же окольный город — укрепленное поселение. Отличительная особенность города — проживание в нем значительной части населения, которое занималось ремесленно-торговой деятельностью и в какой-то мере было оторвано от земледелия.

Город в архитектурном отношении в отличие от деревни представляет собой значительную концентрацию жилых и других, прежде всего производственных, сооружений и их комплексов, связанных между собой хозяйственно-экономически. М. Г Рабинович отмечает еще один признак города — наличие «деревянных сооружений городского хозяйства» (настилы мостовых, дренажи и пр.) [55]. С этим следует согласиться.

Дополнительными критериями определения города нам служат специфическая деревянная застройка (с мощеными мостовыми), каменные культовые сооружения, городской культурный слой, включая специфику найденных в нем вещей, в том числе большого количества стеклянных браслетов, привозных шиферных пряслиц, амфор, бус.

Может иметь значение название пункта. В древнерусской топонимике суффикс -ск- в названии поселения считается «городским» (Случеск,

Пинеск). Он стал отличительным признаком «городской» модели названия [56]. Для негородских пунктов — погостов, сел, деревень — типичны названия на -ичи, -ицы (Воторовичи, Дедогостичи) [57].

Говоря о критериях средневековых городов, важно иметь в виду площадь города и предполагаемое количество его жителей. Выработка таких критериев связана с большими трудностями и требует дальнейших исследований. П. А. Раппопорт отметил, что М. Н. Тихомиров включил в число древнерусских городов все известные по летописям «города» (до 250), в том числе и поселения явно негородского характера. По предположению П. А. Раппопорта, поселения, имевшие укрепленную площадь не менее 1—2 га, могут действительно оказаться городами, но «поселения меньшей площади почти наверняка окажутся сельскими». Если учитывать такой критерий, то можно утверждать, что на Руси в XII—XIII вв. было не более 100 городов [58]. По-видимому, П. А. Раппопорт ближе к истине, чем М. Н. Тихомиров, однако выдвигаемый им критерий требует существенной оговорки.

В Киевской Руси в IX—XII вв. были сложные общественные отношения, которые характеризуются неравномерностью процесса феодализации в ее различных частях, живучестью патриархальных и рабовладельческих пережитков [59]. Концентрация населения, степень феодализации в южных землях Руси опережали другие ее территории. На южные и юго-западные земли приходится основная масса древних городов [60]. Размеры их на территории Белоруссии были меньшими, чем в тех землях, где, кроме Киева, ставшего «матерью городам русским», существовали другие очень крупные центры, площадью свыше 100 га (Чернигов, Белгород, Вышгород и др.) [61]. В Полоцкой земле ни один город не имел таких больших размеров (см. табл. 3).

Материалы археологических раскопок, находки монетно-вещевых кладов, дошедшие до нас акты подтверждают торгово-ремесленные функции городов. В городах жили и трудились ремесленники, существовал торг, на котором можно было обменять изделия городских мастеров на продукты сельского хозяйства. В города вели все важнейшие дороги. Город служил центром сельскохозяйственной округи, тяготевшей к нему.

О военно-оборонительных функциях городов можно судить по сообщениям летописей. Летописные сведения о городах Полоцкой земли обычно связаны с феодальными войнами. В древнерусском городе находились князь (или его посадник) и дружина, располагались боярские усадьбы.

Жители городов Полоцкой земли иногда в источниках названы «горожанами». Письменные источники свидетельствуют об антагонизме между классом феодалов и трудящимся населением. Господствующей политической силой в древнерусских городах было боярство — городской патрициат, опиравшийся на свои земельные владения вне города [62].

До принятия христианства в селах и городах существовала языческая вера. Первыми приняли христианскую религию социальные верхи Руси в городах. За христианизацией города следовала христианизация деревни, далеких погостов и весей. Князья в крупных городах стремились иметь величественные соборы, которые служили не только культовым целям, но также для хранения казны, книг, эталонов веса товаров. При монастырях возникали школы. Распространение грамотности — одна из предпосылок развития городской культуры.

Древнерусский город — населенный пункт, формировавшийся во время перехода от первобытнообщинного строя к классовому (феодально-

му) обществу в процессе отделения ремесла от земледелия и появления государства. Город периода Киевский Руси в отличие от деревни являлся постепенно усложняющимся при своем развитии социальным организмом с присущими ему разнообразными функциями — торгово-ремесленными, военно-оборонительными, административными, культурными, религиозными.

Городами становились административно-военные центры округ, выгодно расположенные для развития в них ремесла и торговли. При отсутствии таких условий укрепленные пункты времен распада первобытнообщинных отношений прекратили свое существование, превратившись в обезлюдевшие городища. Города — следствие длительного процесса отделения ремесла от сельского хозяйства.

Зарубежные историки под городом обычно понимают поселение, располагавшее собственным городским правом [63]. Говоря об односторонности такого подхода к определению средневекового города, нужно иметь в виду, что существуют нерешенные вопросы городской общины в древнерусском городе и юридического положения его жителей.

Особенность возникновения городов в Древней Руси состояла в том, что они появились на территории, не входившей ранее в границы Римской империи. Они не имели античных предшественников, как многие города Западной Европы, в историографии которых получила широкое распространение концепция континуитивизма. Согласно ей, истоки средневековой городской жизни нужно искать в римском праве, города же средневековья были лишь продолжением городской цивилизации, возникшей в Восточном Средиземноморье, а затем перешедшей в Европу и оттуда распространившейся повсюду [64].

В действительности средневековые города появились при существовании сельской общины и внутри нее. В городе, обраставшем значительным посадом, образовывалась городская община, которая формировалась по образцу сельской общины.

В. Д. Королюк тонко подметил генетическую связь общины, точнее ее центра, с позднейшим городом путем сравнения статей «Русской Правды», где альтернативно употребляются наименования «город» и «мир» (община) [65]. Об общине в древнерусском городе в начале XIII в. свидетельствуют некоторые сообщения летописи, на что обратил внимание Я. Н. Щапов [66]. Подобное явление наблюдается у южных славян, что следует из Винодольского закона (1288 г.), где часто употребляется выражение «община города» [67]. Наличие городской общины в городах Киевской Руси подтверждается фактом существования в них веча — архаичного института, восходящего ко времени родоплеменного строя у восточных славян, а затем качественно преобразовавшегося в древнерусских городах, где складывались предпосылки для их самоуправления, что прослеживается на примере Полоцка и других городов.

4. К ВОПРОСУ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ГОРОДОВ

В раннефеодальный период наблюдались случаи, когда протогорода прекращали свое существование, а в других местах, иногда рядом с опустевшим населенным пунктом, возникали новые поселения городского типа.

По наблюдениям А. Жаки, в Повисленье (Малая Польша) насчитывалось в VII—VIII вв. примерно 30 населенных пунктов, которые он называет прагородами, или зародышами городов. Некоторые из них были

в IX—X вв., пожалуй, настоящими городами. Таковы Страдов, Краков и др. К концу X — началу XI в. жизнь в них замерла, за исключением Кракова. Причина их гибели — отнюдь не последствие военного разгрома или стихийного бедствия. А. Жаки с полным основанием связывает данное явление с образованием межплеменных Чешского и Польского государств. Новое территориальное деление страны требовало создания других центров политической жизни. Многовековой Краков принял на себя роль, которую ранее выполняло несколько древних прагородов в его округе [68].

В нашей историографии употребляется термин «перенесение городов». Некоторые ученые пришли к выводу, что Смоленск возник в IX в. на месте современного села Гнездово, а затем был перенесен на 10 км, где город расположен доныне [69]. Подобные соображения высказывались относительно древнего Новгорода. М. К. Каргер писал, имея в виду Рюриково городище под Новгородом: «Есть некоторые основания думать, что по отношению именно к этому поселению передвинувшийся несколько к северу город получил имя «Нового города» [70]. Среди причин перенесения городов в X—XI вв. В. В. Мавродин называет изменение этнического состава населения, уничтожение родоплеменной знати, нужды торговли и военные мероприятия князей [71]. С такой интерпретацией следует согласиться.

Правомерность постановки вопроса об изменении местоположения городов в разные периоды феодализма можно подтвердить на примере городов Полоцкой земли. Более того, учет этого явления поможет лучше разобраться в исторической топографии, успешнее осуществлять поиски названных в древних письменных источниках населенных пунктов, местоположение которых остается неизвестным до сих пор.

Определение первоначального расположения большинства городов Полоцкой земли не вызывало особых трудностей. Однако не сразу удалось установить, где был Полоцк в IX — начале X в. Лишь в 1928 г. А. Н. Лявданский открыл городище в излучине старицы Полоты в 0,8 км от места впадения ее в Западную Двину и высказал мысль о существовании здесь первоначального Полоцка [72]. В последующий период укрепленный центр города был перенесен на Верхний замок при устье Полоты, что подтверждено раскопками в 1960—1968 гг. Жизнь на городище постепенно замирала с XI в. на протяжении двух последующих столетий. Причина перенесения детинца заключалась, во-первых, в том, что укрепленный центр Полоцка не мог расшириться, ибо располагался на острове, окруженном широкой поймой старицы Полоты, во-вторых, окрепшему городу было выгоднее иметь детинец на берегу важной водной артерии — Западной Двины, чем в удалении от нее.

Менее удачной оказалась попытка А. Н. Лявданского конкретизировать местоположение первоначального Борисова. Он придавал первостепенное значение тому, что на плане 1845 г. на левом берегу Березины показан участок островного типа с надписью «городище». Произведя небольшие раскопки в 1928 г., А. Н. Лявданский не нашел материалов Древней Руси, но писал об основании Борисова на этом острове в XI в.[73] С 1965 г. мы неоднократно обследовали данный участок. Никаких признаков древнего поселения обнаружить не удалось. Можно было сделать два предположения: либо древний культурный слой уничтожен, либо первоначальный город находился в другом месте.

Сто лет тому назад археолог Р. Г. Игнатьев записал местное предание о перенесении в древности Борисова «по причине совершенного

безводия»[74]. Старожилы различают до сих пор три города: Старый Борисов, Борисов (в нем находится замчище на острове) и Новый Борисов. Старым Борисовом считается территория центральной усадьбы пригородного совхоза Старо-Борисов в 4 км на северо-запад от позднесредневекового замчища на острове.

В 1968 г. в пос. Старо-Борисов нами выявлены городище и селище (рис. 42), датируемые XII—XIII вв. Правомерно заключить, что здесь возник город в XII в., а через несколько столетий переместился на свое нынешнее место недалеко от впадения Схи в Березину, где есть замчище XVI—XVII вв. Городище в Старо-Борисове находится на берегу Березины, которая имеет широкую пойму и не один раз меняла русло. Сейчас она протекает в 1,6 км от городища.

Сорок лет тому назад высказано предположение о перенесении Минска с берегов Менки в верховьях Птичи на 16,7 км северо-восточнее, на берег Свислочи при впадении в нее Немиги, о чем подробнее будет сказано при рассмотрении истории города. Существенные изменения топографии Минска происходили в XVI в. В связи с экономическим развитием и крупным пожаром, истребившим почти весь старый город, центр Минска переместился в район Верхнего рынка (ныне площадь Свободы)[75].

Переносился древний город Усвяты. А. П. Сапунов писал о расположении «Восвяча» на Юрьевых горах[76], в 2 км от центрального большого городища в Усвятах. Обнаружение остатков поселений X—XIII вв. на Юрьевых горах в 1970 г. подтвердило это.

Под перенесением города мы будем понимать такое изменение его исторической топографии, когда город оказался на новом месте, вне первоначального своего местоположения, где поселения городского типа прекращают свое существование. Перенесенными могут быть отдельные части города, его посады, детинец, торг. Это случаи частичного перенесения городов. Передвижение поселений могло быть в пределах территории города. Это один из вариантов перенесения его частей, при котором более существенное значение имело изменение расположения укрепленного центра — детинца. Другой вариант — возникновение на некотором расстоянии (в 2—5 км и более) от города поселения на новом месте, к которому переходят как название, так и функция старого города, постепенно приходившего в упадок.

Смещение городов связано с оставлением людьми населенного пункта, вследствие чего жизнь в нем замирала, и возникновением в другом месте нового пункта, к которому переходили функции старого города.

5. О ЛОКАЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ИЗВЕСТНЫХ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

Необходимые данные для определения местоположения древних городов предоставляют топонимика и гидронимика. На протяжении многих столетий не претерпели существенных изменений названия Полоцка, Витебска, Лукомля, Усвят, Минска, Друцка, Логойска, Копыси, Орши, Борисова и названия рек, на которых они расположены.

В документе XIV в., который начинается словами «А се имена всем градом руским, далним и ближним», называются города Полоцкой земли, известные по более древним источникам: «Дрютеск», «Рша», «Лукомль», «Логоско», «Полтеск», «Видбеск», «Борисов», «Менеск», «Ижеславль», «Голотическ». В этом документе указано местоположение древ-

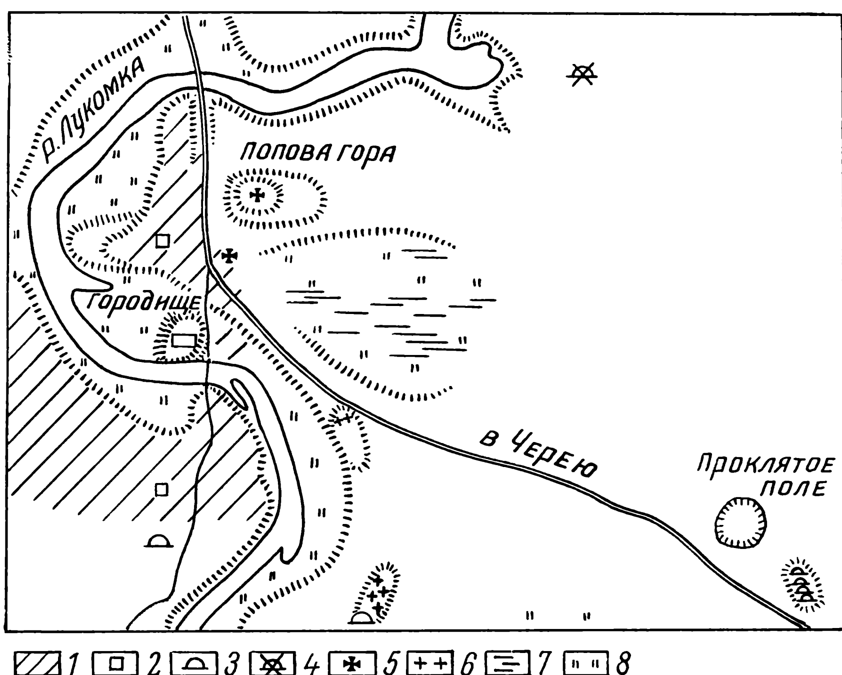

Рис. 6. Археологические памятники в Лукомле. *1* — селище; *2* — места раскопок; *3* — курганы; *4* — разрушенные курганы; *5* — бывшие культовые постройки; *6* — кладбище; *7* — болото; *8* — луг

него Полоцка («на Двине и на Полоте») и Витебска («А река Видба и Двина») [77].

В списке есть не упоминаемые в древнерусских летописях города, которые М. Н. Тихомиров, ссылаясь на М. К. Любавского, локализует на территории бывшей Полоцкой земли: «Тетерин», «Свислочь», «Оболчи» (ныне д. Обольцы в Толочинском районе) [78]. Считая допустимым широкое ретроспективное использование данного документа для установления числа городов до середины XIII в., А. В. Куза указывает в Полоцкой земле 24 города [79]. Доказать существование такого их количества не представляется возможным. Ученые ранее поднимали вопрос о «городах» Полоцкой земли, местонахождение которых до сих пор остается загадкой: Голотическ, Одрск, Неколочь, Стрежев, Городец [80].

Голотическ помещен в «Повести временных лет» под 1071 г., где о нем сказано: «Победи Ярополк Всеслава у Голотичьска». Некоторые историки локализовали пункт у д. Головчин Белыничского района на Могилевщине [81]. В 1969 г. нами обследовано здесь два городища без признаков древнего города [82].

Одрск неоднократно привлекал внимание историков, однако существование такого города сомнительно, что уже отметил Ю. И. Драгун [83]. Владимир Мономах в «Поучении» вспоминает, как он после двух походов на Полоцк ходил «с половци на Одрьск воюя та Чернигову». Н. М. Карамзин считал: «Одрьск» — описка, читать надо «Дрютеск» [84]. Л. В. Алексеев возражает против такого предположения, «так как в «Поучении» Мономаха встречаются оба эти названия» [85]. Действительно,

после описания похода на Полоцк Мономах снова говорит о столкновении с Всеславом, когда полоцкий князь сжег Смоленск (1078). Не застав Всеслава в Смоленске, Мономах с черниговской дружиной «повоевал» Полоцкую землю, разорил Лукомль и Логойск, «та на Дрьютьск воюя та Чернигову». Как и в предыдущем случае, употребляя тот же оборот речи, Мономах говорит, как он возвращался в Чернигов одним и тем же путем через Друцк, который ему в обоих случаях приходилось «воевать». З. Ходаковский говорил о расположении Одрска на р. Одров (Адров), впадающей в Днепр южнее Орши [86]. Но название притока — результат относительно недавней переделки. На картах XIX в. значится Ардов, иногда Ордов. Наименования с такой основой нередко встречаются в Белоруссии [87]. На р. Одров не выявлено остатков укрепленных поселений, а мнение о существовании древнего городища возле д. Смольяны, где есть руины каменного замка XVII в., не подтвердилось [88]. Н. М. Карамзин, по-видимому, был прав в своем заключении и в таком случае города Одрска не существовало. Был город Друцк.

Стражев обозначен в Лаврентьевской (1127 г.) и в Ипатьевской (1128 г.) летописях, причем в обоих летописных сводах текст читается почти одинаково: «Всеволоду Ольговичю повеле ити с своею братьею на Стрежев к Борисову» [89]. О Стрежеве говорится еще раз в Ипатьевской летописи под 1159 г., когда Рогволод Борисович, утвердив свое старшинство над другими полоцкими князьями, отдал его князю Всеволоду [90].

А. Н. Насонов, вопреки мнению Н. П. Барсова [91], считал неправомерным идентифицирование летописного Стрежева и Стрешина на Днепре южнее Рогачева. Сообщение летописей о движении дружин Ольговичей в 1127/8 г. «на Стрежев к Борисову» во время похода в Полоцкую землю А. Н. Насонов толкует: «На Борисов к Стрежеву» [92]. Поскольку Всеволод Ольгович с войском шел с юга из Чернигова, то, как считал ученый, Стрежев лежал севернее Борисова, у оз. Стрижево, где ныне существует одноименная деревня (на северо-запад от Бешенкович). Л. В. Алексеев остатков города здесь не обнаружил [93].

В 1973 г. были снова обследованы окрестности д. Стрижево Бешенковичского района на Витебщине. В 1 км юго-западнее ее есть полуостров «городище» длиной до 800 м, омываемый оз. Стрижевским (Слободским) и р. Свечанкой (Свечой). На мысу полуострова 20×30 м, где прослеживается культурный слой толщиной до 0,4 м, нами исследованы 24 кв. м в трех траншеях и сделана зачистка обрыва в двух местах. Найдено два обломка от лепных сосудов второй половины I тыс. н. э., два от круговой посуды и осколок изрезца. О признаках города эпохи Киевской Руси говорить не приходится. Полуостров имеет восточный отрог и на нем так называемый «курган» высотой 2,5 м и диаметром у основания 18 м (теперь наполовину разрушен), о котором в свое время писал А. М. Сементовский [94].

Отсутствие остатков древнего города или иного укрепленного поселения в окрестности д. Стрижево ставит нас перед дилеммой: не располагался ли Стрежев на месте современного г. п. Стрешина? По утверждению В. А. Жучкевича, топонимика не противоречит этому, ибо название «Стрешин» сопоставимо с основой «стрежень» [95].

В 1966 г. Э. М. Загорульский произвел в Стрешине исследования, их результаты опубликовал в БелСЭ (т. X, с. 89), где говорится, что в Стрешине есть два древних памятника — «старый» и «новый» городки. «Старый городок» расположен на мысу (75×30 м), в середине которого

раскопано 100 кв. м при мощности слоя 1,6 м. Обнаружены наконечники стрел, сошники, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, бусы, костяные гребни, кости домашних и диких животных. Поселение на месте Стрешина возникло не позже XII в. Э. М. Загорульский заключил: «В эпоху Киевской Руси здесь был небольшой феодальный замок, окруженный валом и рвом» [96]. Небольшое селище XII в. есть рядом с городищем на территории «Нового городка» [97]. Поскольку оно почти не изучалось, вопрос о характере поселения остается открытым. Возможно, в летописи речь шла об этом пункте, называемом тогда Стрежевым. Стрешин удален на значительном расстоянии от обычно определяемой юго-восточной границы Полоцкой земли. Но в период феодализма не исключалась чересполосность владений.

Неколочь упоминается в связи с походом на Полоцкую землю (1127/8): «Новгородци придоша со Мстиславичем со Всеволодом к Неколочю» [98] (по Ипатьевской летописи «к Неклочю») [99]. Полагали, что город Неколочь располагается южнее Полоцка в бассейне Уллы. В Лепельском районе близ д. Бор есть оз. Неколочь, один его мыс называют «городищем». Л. В. Алексеев не нашел признаков пребывания в древности человека на мысу и считает, что летописец имел в виду географический пункт — оз. Неклочь в верховье Полоты, где могла находиться пограничная застава полочан [100].

Городец назван в Ипатьевской летописи под 1162 г. в связи с событиями в Полоцкой земле, которые дают основание видеть в нем крайний город полоцких владений на западном порубежье с Литвой. Полоцкий князь Рогволод Борисович предпринял поход на одного из Глебовичей, Володаря, который был в Городце. В. Н. Татищев указывает 1161 год и говорит не о Городце, а о Минске: «Рохволд, князь полоцкий, ходил с войском к Минску на Володаря Глебовича и, пришед, стал близ Минска» [101]. С рассуждением В. Н. Татищева некоторые авторы выражают согласие [102]. Между тем замена Татищевым «Городца» на «Минск» ошибочна. В Ипатьевской летописи речь идет о трех походах Рогволода Борисовича «на Ростислава Глебовича к Меньску» (1159, 1160, 1161 гг.), причем в последний раз снова был заключен мир между Рогволодом и Ростиславом. Помимо сообщения 1159 г., в двух других случаях Володарь не упоминается и, значит, князем в Минске в эти годы он не был. Володарь находился здесь в качестве наместника во время княжения Ростислава в Полоцке. Летопись упоминает Володаря Глебовича под 1167 г., когда он шел неизвестно из какого города «к Полотьску ратью», где ему удалось временно утвердиться. С. М. Соловьев считал Володаря городецким князем, а Городец — столицей удельного княжества [103], что не лишено основания.

Сведения о Городце есть в летописях XV—XVI вв. в рассказе о литовском князе Мингайло. Мингайло — личность мифическая, однако в легенде использованы данные о событиях, описанных в Ипатьевской летописи. В «Летописце Великого княжества Литовского» (списки Красинского, Рачинского и Ольшевский) полоцкий город Городец назван трижды [104]. В Евреиновском списке в рассказе о Мингайло Городец встречается тоже трижды, а в рассказе о князе Свинтороге (Швинторозе) название «Городец» употреблено вместо «Новгородок» [105], как обычно именовали нынешний Новогрудок. В «Хронике Быховца» к одному и тому же городу употреблено один раз название «Городец» и дважды «Городень». Наименование «Городень» в древности часто употребляли по отношению к современному Гродно. В списке «А се имена всем гра-

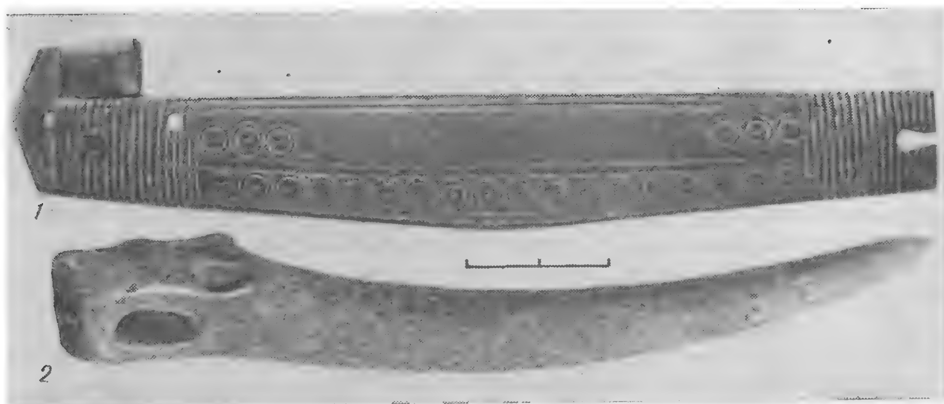

Рис. 7. Костяные изделия X — начала XI в. *1* — футляр от гребня из Лукомля; *2* — предмет с поселения на Менке

дом» значится «Городец на Немне». Вероятнее всего, это Гродно. Здесь же упомянут «Новыи городок Литовьскыи»[106] (Новогрудок). Как видим, название «Городец» могло относиться к Гродно и Новогрудку.

Археологи безуспешно искали летописный Городец возле районного центра Городок в Витебской области, а также там, где д. Городенец между Лепелем и Чашниками, Семков Городок и Острошицкий Городок под Минском. Л. В. Алексеев полагает, что Городец мог быть на месте или Городеи в Несвижском районе или г. п. Городище на север от Баранович[107]. Близ Городеи городища не зафиксировано. В Барановичском районе возле г. п. Городище оно есть на правом берегу Сервечь, на высоком холме с площадкой (50×28 м), валами и рвом. И все же данных о расположении города недостаточно, во всяком случае до проведения значительных археологических раскопок.

Заманчиво локализовать летописный Городец в западной части Белоруссии, возле какого-нибудь одноименного населенного пункта. Я. Г. Зверуго, обследовав городище-замчище у д. Городец (ныне д. Дивная) Шарковщинского района на Витебщине, высказал предположение о нахождении летописного Городца именно здесь[108]. Городище занимает высокий мыс правого берега Мнюты. Его площадка в виде треугольника (площадь до 1 га). В 1973 г. в восточной части городища нами произведены раскопки (2×4 м). Мощность культурного слоя от 0,5 до 1,3 м. Найдена лепная керамика эпохи раннего железа, двойная бусина-лимонка X—XI вв., большое кривичское височное кольцо, круговая посуда X—XII вв. и более поздняя. В осыпи вала прослеживаются две подсыпки (первая из серой земли, вторая из глины), а ниже их — обугленные бревна. Для выяснения характера интересного памятника необходимы дальнейшие исследования.

Немиза тоже значится в названном списке городов. Некоторые исследователи считают, что такой населенный пункт (город-застава) был и именно его, а не реку Немигу имел в виду летописец, описывая Немигскую битву 1067 г.[109] Трудно согласиться с этим, ибо нет бесспорных данных о существовании такого поселения в XI в.

На территории Полоцкой земли известны археологические памятники, которые, возможно, представляют собой остатки поселений городского типа, хотя о них нет сведений в дошедших до нас древнерусских

письменных источниках. В этом отношении интересны остатки поселения на оз. Дрисвяты в Браславском районе [110], а также городище с двумя обширными площадками близ д. Межево в Россонском районе. Отсутствие летописных известий может быть компенсировано материалами археологических исследований. Вопрос об отнесении указанных пунктов к городам остается открытым.

О некоторых укрепленных поселениях можно говорить почти с уверенностью, что они не являлись городами, а были либо порубежными крепостями, либо феодальными усадьбами (замками). В списке «А се имена всем градом» назван Тетерин. П. А. Раппопорт локализует его подле д. Тетерин в Круглянском районе на Могилевщине [111]. На берегу Друти есть городище с площадкой диаметром до 50 м, материалами раннего железного века и периода Киевской Руси [112]. Отсутствие городского посада возле памятника не позволяет считать его городом. То же самое можно сказать о населенном пункте Свислочь (Осиповичский район, Могилевская область). Около д. Свислочь Э. М. Загорульский изучил городище (70×70 м) с культурным слоем конца XI—XIV вв. Богатое находками XII—XIII вв. городище (площадь 1 га) открыто на берегу оз. Дябро около д. Масковичи (Браславский район) [113]. Селища близ городища нет. В Тетерине, Свислочи, вероятно, существовали поселения замкового типа, а в Масковичах располагался укрепленный пункт на рубежах Полоцкой земли.

В настоящее время благодаря раскопкам многих археологов подтверждено или заново установлено местоположение 14 городов Полоцкой земли: Полоцка, Витебска, Лукомля, Усвят, Браслава, Минска, Друцка, Заславля, Логойска, Копыси, Орши, Борисова, а также Герсике и Кукенойса. Известные по древнерусским летописям населенные пункты Голотическ, Стрежев, Неколочь, Городец, которые многие историки относят к числу полоцких городов, до настоящего времени не локализованы, а данные письменных источников недостаточны, чтобы считать их поселениями городского типа.

Глава II

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДА В ПОДВИНЬЕ

1. СТАРШИЙ ГОРОД ПОЛОЦК

Полоцк (летописный Полотеск, Полотьск, Полтеск; по скандинавским сагам Palltesjuborg) в «Повести временных лет» под 862 г. назван «градом». Он являлся главным центром полоцких кривичей и был укреплен. В летописи сообщается, что кривичи «перьвии насельници» в нем, т. е. основатели этого пункта, а варяги «находници» (пришлые) [1]. Древнерусские летописцы по главному городу назвали «полочанами» тех кривичей, которые ранее поселились в верхнем течении Западной Двины возле устья Полоты.

Первоначальное городище, где возник Полоцк, расположено на правом берегу Полоты, от которой получил свое название город. Городище (ныне 2-й переулок Фрунзе) представляет собой участок островного типа площадью менее 1 га. По краям площадки в некоторых местах сохранился культурный слой, который достигает мощности 4,5 м, включая остатки древних земляных укреплений. При раскопках найдены материалы днепро-двинской археологической культуры первых столетий нашей эры, принадлежавшей балтским племенам, и остатки укрепленного пункта кривичей — «града» IX—X вв. Возле городища на берегу Полоты (вблизи Красного моста) было небольшое поселение (площадью 0,25 га). Во второй половине X—XI в. на берегах Полоты и на правом берегу Западной Двины возникают другие поселения. Образуется новый укрепленный центр города на обширном участке площадью, по уточненным данным, до 10 га на правом берегу Западной Двины при устье Полоты. Позже эта часть города стала называться Верхним замком. На южной ее стороне в середине XI в. был построен Софийский собор. Верхний замок — детинец Полоцка XI—XIII вв. и более позднего времени. В конце X—XI в. заселялись другие территории вблизи него и образовался обширный посад [2].

Наибольшая площадь исследована на Верхнем замке (до 1400 кв. м). Мощность культурного слоя в восточной его части достигает 5,5 м. Здесь зафиксировано 14 строительных горизонтов, представленных остатками оснований жилищ и других деревянных сооружений (хлевов, хозяйственных построек, дренажной канавы, плохо сохранившимися настилами мостовой). Находки показывают, что здесь жили и работали ремесленники, главным образом кожевники, сапожники и ювелиры.

В восточном раскопе (1959—1962 гг.) у основания культурного слоя найдены медная византийская монета Романа I (919—944 гг.), куфический дирхем, бусы-лимонки, односторонние гребни, единичные фрагменты лепной керамики типа посуды длинных курганов и в небольшом количестве ранняя круговая керамика. По-видимому, во второй половине

или в конце X в. на Верхнем замке существовало поселение, от которого остался незначительный культурный слой. Его следы смешались с напластованиями XI в. (вследствие неглубоких перекопов). Толщина слоя XI—XII вв. составляет 0,5—0,7 м. Весьма мощными оказались напластования XIII в. (до 2,6 м), насыщенные деревом, навозом и отходами кожевенно-сапожного ремесла (известь с шерстью от обрабатываемых шкур животных). В основу хронологии горизонтов, содержащих дерево, положены абсолютные датировки, полученные в итоге дендрохронологического изучения [3].

О степени развития металлообрабатывающего ремесла древнего Полоцка можно судить по изделиям из черного металла, найденным в слоях конца X—XIII в. Ремесленный металлообрабатывающий инструментарий: молоток ювелирный, клещи, пробойники, зубила. Деревообделочный инструмент: топоры, тесла, сверла, долота, скобели, резец. Прочие ремесленные инструменты: тупики для удаления шерсти со шкур, шилья, иглы, ножницы, ножи по обработке дерева, сапожные, обычные хозяйственные. Оружие и снаряжение всадника: наконечники копий и стрел, навершие булавы, шпоры, удила, стремена, обрывок кольчуги. Предметы домашнего обихода и утвари: замки висячие и нутряные, ключи, личины, накладки, пробои, дверные ручки, дужки от деревянных ведер, заклепки, гвозди, скобы, кресала, писала, пряжки и пр. Орудия сельскохозяйственного производства и промыслов: сошники, серпы, косы, рыболовные крючки, остроги и т. д.

В Полоцке изготовлялись как высокохудожественные изделия из золота и серебра по заказам феодалов и высшего духовенства, так и дешевые украшения, в большом количестве обнаруженные при раскопках. Многообразен и доброкачествен археологический материал по технике обработки кожи и шитью кожаных изделий. Найдены детали от нескольких сот экземпляров обуви. На Верхнем замке обнаружены деревянные орудия труда, связанные с ремеслом и промыслами (чекмари, клинья, детали ткацкого станка и других механизмов, орудия обработки льна); остатки средств передвижения (детали колеса для телеги, полозья для саней, лодочные шпангоуты, весло); предметы домашней утвари (песты для толчения в ступе, крючки, лопаты, клепки и днища от кадок и ведер, тарелки, миски, ложки и пр.). Широко распространенными видами продукции ремесленников в Полоцке были изделия из кости (гребни, накладки), из камня (точильные бруски, мукомольные жернова).

Стеклянные изделия представлены украшениями (браслеты, бусы, перстни), тонкостенной посудой, обломками плоских оконных стекол, кусками цветной смальты.

Конкретные вещественные источники, исследованные с помощью современных методов естественных и технических наук, убеждают в том что в Полоцке развивались ремесла: кузнечное, ювелирное, кожевенно-сапожное, деревообрабатывающее, костерезное, камнесечное, гончарное[4]

Точно неизвестно, как назывались отдельные части (районы) Полоцка в XII—XIII вв., когда в Новгороде и других древнерусских городах употреблялось название «концы» [5]. В поздних источниках упоминается «Татарский конец» в Минске [6], ранее называвшийся «Пятницким концом» [7]. В Полоцке в XV—XVI вв. районы города назывались «посадами», которых здесь было шесть [8]. Существование поселений XI—XIII вв. на месте двух из них подтверждено археологическими раскопками: Великий посад непосредственно прилегал к Верхнему замку, второй посад был на правом берегу Полоты в Заполотье. В Полоцке в 2 км от детин-

Рис. 8. Византийская монета Романа I из Полоцка (увеличено в 2,5 раза)

ца на левом берегу Западной Двины (ныне Юбилейный переулок) существовал Борисоглебский монастырь, и здесь, «на Белцици», располагался загородный двор полоцких князей, упоминаемый в Ипатьевской летописи (1159 г.).

Полоцкое княжество находилось в составе Киевской Руси, которая с точки зрения государственного устройства состояла из разных территориальных единиц. В древнерусских источниках эти образования известны под названием «волость», «земля», «область» («объвласть»). Четкого разграничения между этими понятиями не существовало. Волостью, так же как землей или областью, называлась совокупность территорий, находящихся под чьей-либо властью (города или князя), что можно видеть на примере Полоцка.

В Ипатьевской летописи под 862 г. среди других древнейших городов восточных славян упомянут Полоцк и его волость. О волости говорится также при описании событий 980 г. («Рогъволод... имяше власть свою в Полотьске»). В рассказе 1128 г. по Лаврентьевской летописи положение полоцкого князя охарактеризовано так: «Роговолоду держащю и владеющю и княжащю Полотьскую землю». Из сопоставления двух вариантов рассказа о событиях 980 г. следует, что в X в. «власть (волость.— **Г. Ш.**) в Полотьске» и «Полотьская земля» — понятия равнозначные. В Лаврентьевской летописи под 1092 г. упомянут Полоцк и «его область», к которой относится, судя по контексту, также Друцк[9]. «Область» означала ту же территорию, что и Полоцкая земля. Вся Полоцкая земля, пока не распалась на уделы, была волостью Полоцка. На западе владения Полоцка доходили до верховьев Вилии и нижнего течения Западной Двины. На юге граница Полоцкой волости может быть проведена по верховьям Немана и Птичи, на востоке в некоторых пунктах она достигала Днепра и нижнего течения Каспли, на севере — по верховьям Великой и Ловати[10]. Территория земель и волостей определялась в первую очередь распространением дани и суда представителей государственной власти.

Полоцк был главным («старшим») городом своей области. В IX—XII вв. названием Полоцк часто заменяли слово «земля» (княжество). Вместо Полоцкая земля говорили просто Полоцк. Когда речь шла о главном городе, подразумевалась его земля, а земля не мыслилась без своего старшего города. На население всей земли переносилось имя города и оно называлось «полочане». Волость подчинялась старшему городу. Старшие города с сетью младших городов (пригородов) охватывали и охраняли большую область вокруг себя. Захват главного центрального города означал завоевание и подчинение всей земли-княжества или волости [11].

Исходя из летописных данных, пригород определяют как подчиненный город, принадлежащий к области старшего города [12]. Из главного города в другие города назначались посадники или князья-кормленщики. Как заключил Г. Е. Кочин на основании изучения письменных источников Новгорода и Пскова, старший город требовал от своих пригородов участия в выплате всякого рода налогов, даней, помощи ратными силами во время феодальных войн, вызывал на суд жителей пригородов [13]. Со своей стороны старший город должен был защищать пригороды от врагов, заботиться об устройстве их укреплений. Пригороды зависели от старшего города, как главного города земли, в котором действовало вече, выбиравшее князя.

О взаимоотношениях между стольными и младшими городами есть свидетельство летописи (1176 г.): «Новгородци бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вся власти (все другие волости, помимо перечисленных.— **Г. Ш.**) яко на дому (думу) на веча сходятся, на что же стареишии сдумають, на том же пригороди стануть» [14]. Здесь говорится об исконном существовании веча в городах, о сходстве вечевого устройства в Новгороде, Киеве, Смоленске, Полоцке и отмечается, что пригород подчинялся решениям старшего города («что же старейшии сдумають»), однако имел определенную самостоятельность в исполнении решений старших («на том же пригороди стануть»). Решение веча главного города распространялось на население пригородов. Этим не уничтожалась известная самостоятельность пригородов, где действовало свое вече, ибо оно было в каждой волости, а следовательно, в каждом городе.

Взаимоотношения старших и младших городов изменялись и усложнялись с развитием феодализма. В период феодальной раздробленности пригород имел свое вече, войско, посадника и князя. Это тот же феодальный город, лишь в какой-то мере подчиненный старшему городу земли. Среди пригородов Полоцка рано выделяются по своему значению Минск, Друцк, несколько позже — Витебск. В XII в. они становятся центрами удельных княжеств. В 50-е годы XII в. минский князь Ростислав борется с переменным успехом с друцким князем Рогволодом за обладание полоцким столом.

В условиях феодальной раздробленности крупные города также имели волости, особенно если в городе был свой князь. В одном из вариантов договора Смоленска с Ригой и Готским берегом (1229 г.) упомянуты «волости князя Смоленьского и у Плотьского князя волости, и у Витебьского князя волости» [15]. Термин «князя волость» употребляется для обозначения территорий отдельных княжеств — Смоленского, Полоцкого, Витебского. В XII в. князья были в Витебске, Минске, Заславле, Логойске и других городах, имевших свои волости. В исторической литературе их называют удельными княжествами.

Территория, которая «тянула» к городу, складывалась исторически и

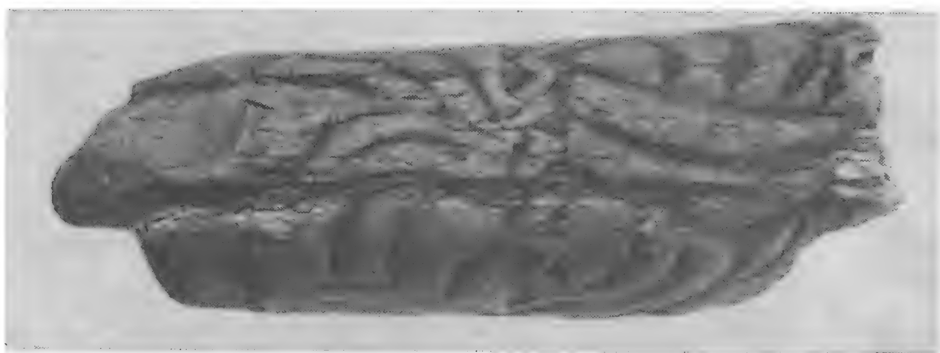

Рис. 9. Фрагмент деревянного изделия XIII в., украшенного резьбой (Полоцк)

ее границы были довольно устойчивы, что удалось показать Л. В. Алексееву («Полоцкая земля в IX—XIII вв.») на основе расположения курганных могильников, топонимических и других данных. Он изложил многие аспекты и детали политической истории Полоцкой земли и отдельных удельных княжеств.

В книге «Древний Полоцк IX—XIII вв.» рассмотрена деятельность полоцкого веча, роль которого возросла, как и в Новгороде, с конца 20-х годов XII в. С его помощью феодальная знать ограничивала княжескую власть, изгоняла нежелательных ей князей, что выглядело своего рода круговращением представителей местной династии на полоцком столе. На вече решались вопросы войны и мира, торговые, судебные и другие дела. Вече даже в периоды наибольшей активности, существенно ограничивая власть князя, не уничтожало ее. Князь принимал участие во всех отраслях тогдашнего управления, предводительствовал войском, имел дружину, вершил суд и расправу.

Вече было в других городах Полоцкой земли. В. И. Сергеевич правильно интерпретировал сообщение летописи под 1067 г. «меняне затворишася в граде» как известие о деятельности в Минске веча, не пожелавшего впустить в город трех князей Ярославичей [16].

В 1127/8 г. жители Логойска и Изяславля, оставшись без князя и княжеской дружины, оборонялись от многочисленного войска Мономаховичей [17], из чего можно заключить, что в этих городах было ополчение горожан и существовало вече.

Интересны сведения о деятельности веча в Друцке и его взаимоотношениях с полоцким вечем. В 1151 г. полочане схватили своего князя Рогволода Борисовича и сослали в Минск, а к себе пригласили Ростислава Глебовича. Заняв стол в Полоцке, Ростислав назначил своего сына Глеба посадником в Друцк. В 1159 г. Рогволод, оказавшись в Слуцке, установил связь с жителями Друцка. «Дрючане же рады были ему» и звали его к себе, говоря «если бы нам пришлось за тебя биться, будем биться и с детьми» [18]. Отсюда видно, что в вечевом собрании имели право участвовать только полноправные горожане, т. е. мужи, совершеннолетние и не подчиненные семейной власти. Дети, хотя и способные носить оружие, в вече не участвовали.

О решении друцкого веча, благоприятного для Рогволода, Ростислав, сидевший в Полоцке, узнал от своего сына Глеба, вынужденного бежать

из Друцка, где горожане разграбили его двор и дружину. Когда распространилась весть, что Рогволод занял стол в Друцке, это вызвало волнения в Полоцке, в котором было много сторонников Рогволода. С большим трудом Ростиславу удалось усмирить людей и привести их к присяге, раздав подарки. Затем Ростислав пошел на Рогволода к Друцку, но встретил сильное сопротивление и заключил выгодный для Рогволода мир, увеличив его волость. После этого сторонники Рогволода изгнали Ростислава из Полоцка, т. е. в конечном итоге вече старшего города Полоцка присоединилось к мнению веча младшего города Друцка, и в Полоцке стал княжить Рогволод. Однако это редкий случай. Как правило, к решениям вечевого собрания старшего города прислушивалось вече в пригороде.

Полоцк был стольным городом крупного княжества-земли X — начала XII в. и продолжал оставаться важнейшим ремесленно-торговым и политическим центром на территории Северной Белоруссии в период феодальной раздробленности в XII—XIII вв.

2. ВИТЕБСК

О возникновении города существует свидетельство «Летописи города Витебска», составленной местными жителями М. Панцырным, С. Аверкою в XVIII в. В ней сказано: «В лето 974 г. Ольга, разбив ятвягов и печенегов, переправилась через реку Двину, заночевала с войском и, облюбовавши гору, заложила деревянный замок, назвала его от реки Видьбы Витебском, выстроила каменную церковь в Верхнем замке Святого Михаила, а в Нижнем — Благовещения. Два года прожив, уехала в Киев» [19]. Считают, что строительство Витебска в данном случае приписано киевской княгине Ольге. Но она умерла на 5 лет раньше (969 г.). Л. В. Алексеев утверждает, что Ольга могла основать Витебск в 947 г., когда, по сообщению «Повести временных лет», отправилась на север к Новгороду и установила дани на Мсте и Луге. Как полагает Л. В. Алексеев, витебские летописцы, переводя дату со счета византийской эры (от сотворения мира) на новое летосчисление, получили правильную датировку — 947 г., но позже кто-то из них, переписывая рукопись, ошибся, переставив цифры «4» и «7». Так получился 974 год вместо 947 [20]. О возможности такой ошибки писал намного ранее А. П. Сапунов [21].

Деревянный детинец Витебска мог быть построен (или перестроен) во второй половине X в. независимо от того, посещала Ольга ранее место слияния Витьбы с Западной Двиной или не посещала. Если она и высказала пожелание в 947 г. построить укрепления на горе, то сделать это мог кто-либо после ее смерти. Условной датой первого упоминания Витебска можно считать 974 г. и отсюда вести отсчет, определяя возраст города на Витьбе и Западной Двине, чему не противоречат археологические данные.

Согласно «Повести временных лет», в 1021 г. полоцкий князь Брячислав Изяславич совершил набег на Новгород. На обратном пути Брячислав был разбит киевским князем Ярославом Мудрым. Брячислав бежал в Полоцк. Витебск здесь не назван. В более поздних летописях дополнительно сообщается, что Ярослав, одержав победу над Брячиславом, отдал ему города Усвяты и Витебск [22]. По-видимому, города ранее принадлежали полоцким князьям, и Ярослав был вынужден возвратить их Брячиславу, ибо желал иметь его своим союзником. Дальнейшая история Витебска была тесно связана с историей Полоцка и Смоленска.

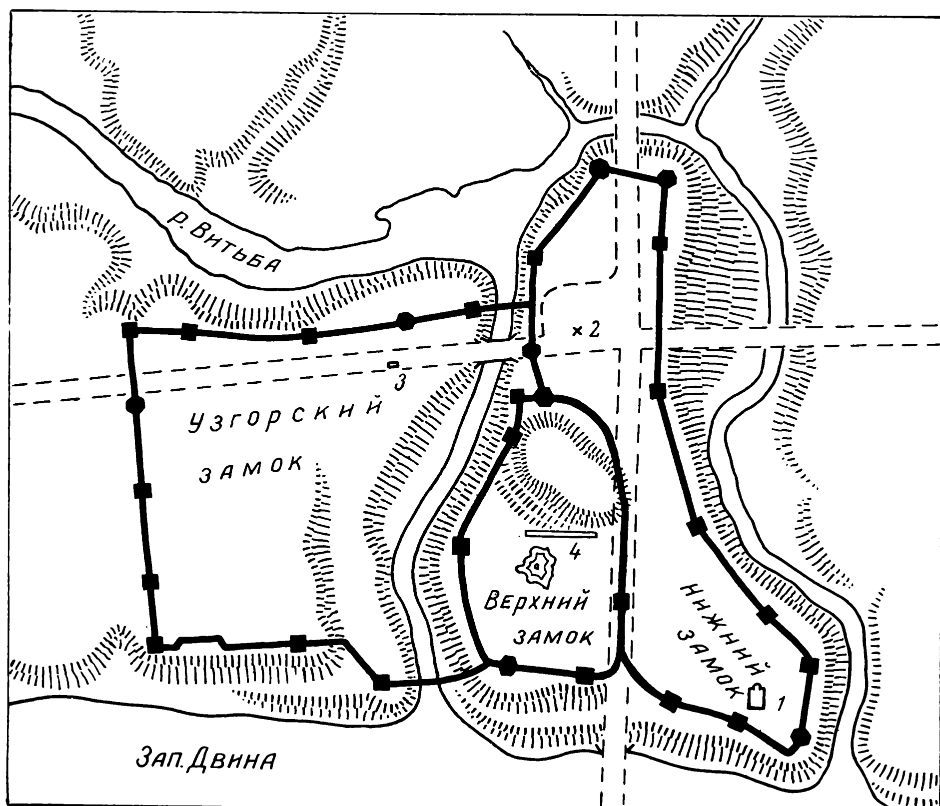

Рис. 10. Витебские замки (по чертежу 1664 г.). 1 — Благовещенская церковь XII в., 2 — место находки берестяной грамоты (1959 г.); 3 — раскоп на Узгорье (1972 г.); 4 — раскопы на Верхнем замке

Во второй половине XII в. Витебск являлся центром удельного княжества [23]. С первой четверти XIV в. Витебское княжество находилось в составе Великого княжества Литовского, где занимало привилегированное положение [24].

Исторический центр Витебска — на левом берегу Витьбы, там, где она впадает в Западную Двину. Проведенные в настоящее время изыскательские работы показали, что рельеф Верхнего замка, а также Нижнего замка некогда был совсем иным. Он представлял собой несколько возвышений, находившихся в заболоченной долине Витьбы. Место Верхнего и Нижнего замков еще и теперь обозначается оврагами.

Наиболее ранние письменные сведения о витебских замках связаны с событиями XIV в. М. Стрыйковский сообщает, что «Ольгерд укрепил Верхний замок каменной стеной и башнями и украсил этот замок палатами». Здесь находилась также «древняя деревянная на каменном фундаменте церковь» архангела Михаила [25]. В 1664 г. выполнен «чертеж» замков Витебска. В Верхнем замке было 6 деревянных башен, каменные палаты и стены. Нижний замок имел исключительно деревянные оборонительные сооружения. В нем 12 башен. А. П. Сапунов сделал реконструкцию плана Витебска XVI в., где показаны Замковая гора и церковь св. Михаила с палатами Ольгерда [26].

Верхний замок находился близ устья Витьбы. Общая его длина составляла до 300 м, ширина около 150 м. В восточной части Верхнего замка возвышалась гора, где существовало первоначальное городище древнего Витебска. По свидетельству А. М. Сементовского, в 60-е годы XIX в. на Замковой горе можно было «еще между густой травой найти следы фундамента каменных и кирпичных стен» [27]. Гора в виде усеченной пирамиды с ровной площадкой наверху почти вся срыта в конце XIX в. В 1928 г. А. Н. Лявданский обследовал сохранившуюся небольшую ее часть с остатками перемешанного темно-серого культурного слоя толщиной 1 м и в нем нашел свыше десятка обломков лепной посуды. Западная часть Верхнего замка (ныне здесь находится здание театра) занимала мыс при устье Витьбы. На самом мысу в потревоженном слое был обнаружен обломок лепного горшка и более двух десятков осколков круговой керамики X—XIII вв. [28]

Осенью 1973 г. при рытье котлована для фундамента здания проектно-конструкторского бюро АСУ по Замковой улице нам довелось видеть подошву Замковой горы. Гора тянулась вдоль берега Витьбы более чем на 150 м. Подножие возвышенности начиналось от площади Свободы и доходило до сквера возле улицы Пушкина, в районе которой некогда был пруд с «поганой водой».

В 1975 г. на Верхнем замке готовился второй котлован перпендикулярно котловану 1973 г. (в виде буквы «Г»), вырытый на всю глубину культурного слоя. На материке находок почти не было, обнаружен лишь венчик лепного сосуда IX—X вв. Котлован располагался у западного подножия Замковой горы, так что ее крутой склон хорошо прослеживался в северном профиле стенки. Четкой оказалась стратиграфия и западной стенки котлована длиной 70 м (параллельной улице Пушкина). В северо-западном его углу, где нами был заложен шурф, мощность культурного слоя 7,2 м. Далее к улице Замковой культурный слой уменьшался и возле нее толщина составляла 1,5 м. В северо-западном углу котлована выразительная стратиграфия. Сверху до глубины 1 м слой современного балласта. Под ним слой черной окраски мощностью 1 м. Ниже слой толщиной до 3 м, насыщенный деревом, щепой и навозом. На глубине 5 м коричневый слой трухи толщиной 1,2 м. Предматериковый слой имел мощность более 1 м и в нем на материке была еще прослойка древесного тлена в 5 см.

В предматериковом слое переувлажненного песка найдены обломки круговой посуды и часть кожаной подошвы. В нижних горизонтах коричневого слоя трухи (глубина 5,5—5,8 м) — керамика XII в., железные гвозди, много кожи, свитки бересты. При зачистке стенки котлована в слое дерева прослеживались срубы. На глубине 4,5—5 м обнаружены 2 шиферные пряслица, небольшой цилиндрический замок, покрытый медью, детская деревянная колодка-правило, большой кусок хорошо выделанной кожи, оселок, множество обрезков кожи — отходов кожевенно-сапожного ремесла, кости быка и свиньи. В вышележащем слое черной окраски находились материалы позднефеодального времени.

Исследования западной стенки котлована были продолжены сотрудниками Института истории АН БССР в 1976 г. и вдоль его откоса сделана зачистка шириной до 3—4 м, длиной 60 м (рис. 10, *4*). Найдена лепная керамика второй половины I тыс. н. э. На глубине 3,5 м вскрыты древние постройки [29]. Археологические раскопки здесь продолжаются.

Нижний замок прилегает к Верхнему замку с южной и восточной сторон. На территории Нижнего замка ныне находится площадь Свобо-

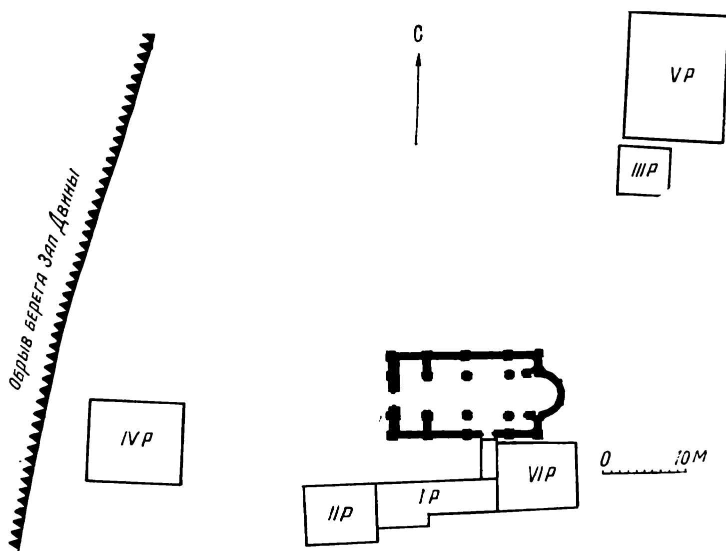

Рис. 11. Витебск. Привязка раскопов к Благовещенской церкви

ды, универмаг, гостиница «Витебск», руины Благовещенской церкви XII в.

В западной части Нижнего замка вблизи церкви нами производились систематические раскопки. По различным причинам не представилось возможным исследовать сплошь широкую площадь. Сделано шесть раскопов: I и II (1964 г.), III (1965 г.), IV (1966 г.), V и VI (1972 г.). Изучено 572 кв. м культурного слоя (рис. 11).

Стратиграфию раскопов в древних городах мы будем характеризовать по принципу историчности в порядке образования культурного слоя, т. е. с нижних напластований идти выше. Руководствуясь таким методом, проследим чередование слоев на рассматриваемых археологических памятниках, причем обзор синхронных слоев придется делать поочередно во всех раскопах.

Место для исследований с южной стороны Благовещенской церкви было выбрано в результате наблюдения за земляными работами в 1964 г., когда вдоль берега Западной Двины для теплоцентрали прокладывалась траншея глубиной до 2 м. В 20 м на юго-запад от церкви на дне траншеи была сделана шурфовка. В предматериковом слое на глубине 4 м обнаружена древнейшая лепная керамика, а несколько выше, в слое щепы и навоза,— керамика X—XI вв., железный шлак, обломок белоглиняной посуды с одноцветной зеленой поливой, деревянная мутовка, половина диска, изготовленного из хорошо вымешанной глины (рис. 52, *1, 3*). Диаметр диска 12 см, внутреннего отверстия 2 см. Подобные диски из Старой Ладоги датируются IX—X вв. Они известны в Белоозере, Шестовицких курганах, в большом количестве в Швеции, Норвегии, Финляндии. Диски играли роль грузил вертикального ткацкого станка [30].

Исследования были продолжены на площади 150 кв. м (I и II раскопы) в 6 м вдоль южного фасада церкви, где на чертеже 1664 г. обозначена Великая улица (рис. 11). Характер культурных напластований ви-

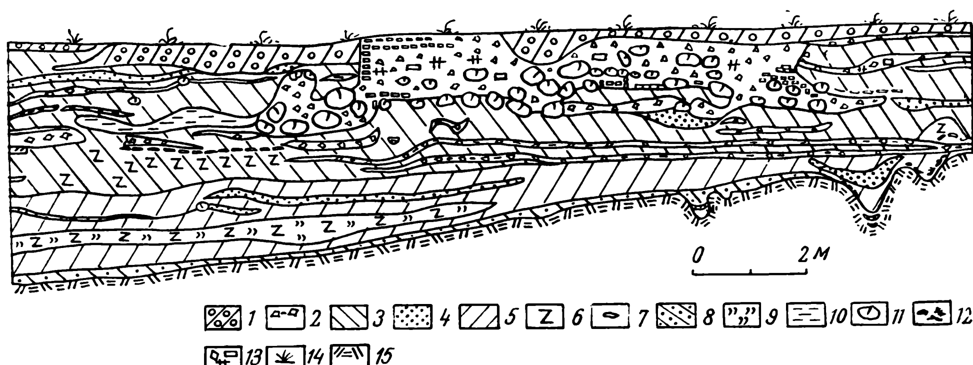

Рис. 12. Витебск. Северный профиль I и II раскопов. *1* — балласт; *2* — известь, обломки плинф, штукатурка с фресками; *3* — слой черного цвета; *4* — песок; *5* — темный слой без щепы; *6* — щепа; *7* — торцы настилов мостовой; *8* — серый предматериковый слой; *9* — навоз; *10* — глина; *11* — камни; *12* — угли, *13* — фундамент (кирпичи, камни, известь); *14* — дневная поверхность; *15* — материк

ден в профиле северной стенки участка (рис. 12). На месте расположения II раскопа наблюдалось значительное понижение материка в направлении с востока на запад, а наибольшая мощность культурного слоя достигала 4,2 м. На материке и в предматериковом сером слое толщиной 20 см (рис. 12, *8*) найдены исключительно лепная грубая с примесью дресвы керамика третьей четверти I тыс. н. э., близкая к керамике Банцеровщины и Тушемли, обломки тиглей для плавки цветных металлов, каменная литейная форма (рис. 58, *1*), небольшой железный серп. В северо-западном углу участка на материке лежало несколько камней. На одном посередине желобок для перехвата, что говорит о возможности использования в качестве огромного молота для проковки криц. Две стороны камня имеют признаки сработанности.

В юго-восточном углу раскопа вскрыта яма 1×1,5 м с закругленными углами. Она прорезала предматериковый слой, углубляясь в материк на 0,6 м. Яма хозяйственного назначения, заполнена темно-коричневой массой. В ней были истлевшие жерди, угли, навоз, зерна растений, 2 обломка круговой керамики, обломок лепного сосуда, обломок янтарного изделия, точенного на токарном приспособлении. Над ямой в X в. находилось какое-то деревянное сооружение.

В восточном направлении, где материк значительно поднимался, мощность культурного слоя в среднем 2 м, сохранность древнейших напластований хуже (I раскоп). В материке расчищены углубления X в. С севера на юг шла канава шириной до 0,8 м, глубиной 0,5 м. Она заполнена черным слоем, в котором найдена круговая керамика с простым венчиком и лепная. Рядом были 2 наконечника стрел и псалий к удилам X—начала XI в. Вскрыта яма площадью 4 кв. м, глубиной 0,3 м, в ней 4 бусины (сердоликовая 14-гранная, стеклянная бесцветная, ребристая, глазчатая и бисер), обломок тигля, кусочек белого металла.

В траншее, проложенной нами от раскопа к фундаменту Благовещенской церкви (рис. 11), у самого южного портала церкви в материке выявлена небольшая яма глубиной 0,5 м, в которой были 9 бусин, включая 5 лимонок, бронзовая изогнутая игла, ключ от замка, обрезок арабского дирхема конца VIII—IX вв.

В III раскопе мощность культурного слоя достигала 2,8 м (14 плас-

тов при толщине каждого 20 см). В пластах 12—14 ближе к материку преобладали лепная посуда третьей четверти I тыс. н. э. и керамика IX—начала X вв. (табл. 1). На уровне 10—11 пластов была раннекруговая керамика X—начала XI в., а также лепная. В пластах 9—12 обнаружены бусы: хрустальные (2), сердоликовые (4), стеклянные (9) (рис. 50, *1—7*).

Большинство из них датируются X—началом XI в.[31] Хрустальные бусы в виде восьмигранной призмы с пирамидальными концами изредка встречаются в курганах, в погребениях конца IX—X вв. Одна из сердоликовых бусин из 11 пласта является браком производства. В ней не до конца просверлено отверстие.

В IV раскопе (10×12 м), расположенном у обрыва Западной Двины, культурный слой сильно испорчен иногда до материка. Его мощность составляет 2 м, а в юго-восточном углу раскопа достигает 3,5 м. Вблизи материка встречается лепная керамика VI—VIII вв. Отдельные слабопрофилированные сосуды в верхней части со сквозными отверстиями, назначение которых неясно. В древнейшем слое обнаружены каменная литейная форма, железные шлаки.

Лепной керамики в раскопе найдено 193 фрагмента (с венчиком 60, стенок 121, днищ 12). Есть сосуды типа верхнего слоя Банцеровского городища, длинных курганов Смоленщины IX—начала X в. и керамика переходного типа (лепная, слегка подправленная на гончарном круге). Как правило, лепная керамика IX — начала X в. находится несколько выше предматерикового слоя, в тех же пластах, где и посуда, подправленная на гончарном круге. Четкого разграничения прослоек с разными типами лепной посуды не прослеживается. В пласте 9, где преобладают круговые горшки, были фрагменты лепной слабопрофилированной керамики с расчесами, сосуд «с плечиками», край которого украшен насечкой, и сосуд, орнаментированный по плечикам вдавлениями, сделанными пальцами (рис. 14, *1—4*). Обнаружены 2 глиняных пряслица, одно из них украшено зигзагообразным орнаментом.

В V раскопе (12×16 м), где культурный слой чрезвычайно поврежден фундаментами поздних построек, найдены лепная керамика, 3 глиняных пряслица, из которых одно орнаментированное VI—VIII вв., 2 костяные проколки, глиняный диск с отверстием посередине для вертикального ткацкого станка, ланцетовидный наконечник стрелы. В юго-восточном углу раскопа выявлены 2 небольшие ямы с керамикой X в.

Таблица 1

Распределение керамики III раскопа Нижнего замка в Витебске по пластам

Номер пласта	Лепная керамика		Круговая керамика	
	Число фрагментов	%	Число фрагментов	%
6	—	—	20	100
7	—	—	20	100
8	—	—	82	100
9	9	7,1	117	92,9
10	26	26,9	67	73,1
11	33	36,3	58	63,7
12	54	63,5	31	36,5
13	15	60	10	40
14	24	63,2	14	36,8
Итого	161	29,5	419	70,5

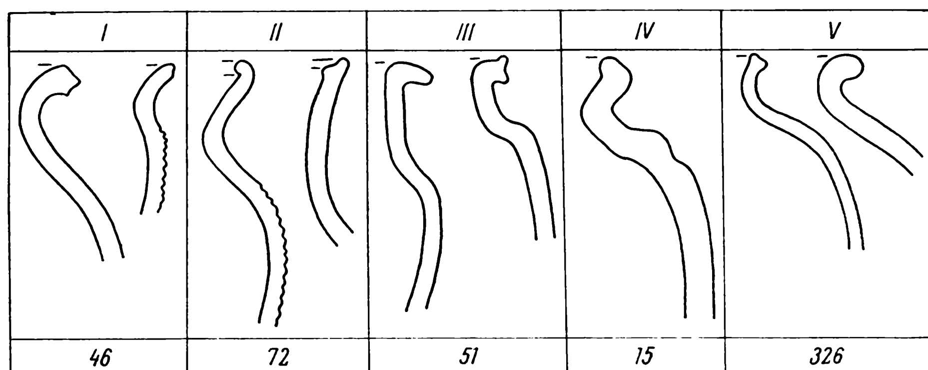

Рис. 13. Круговая керамика из IV раскопа в Витебске (с обозначением обнаруженных венчиков)

Таким образом, во всех раскопах в западной части Нижнего замка найдены материалы VI—VIII вв., близкие к культуре типа Банцеровщины и Тушемли, и остатки материальной культуры IX—начала X в., которую можно связывать с летописными кривичами.

Древнейшие напластования в ряде случаев прорезаны ямами X в., что отчетливо прослеживалось во II раскопе, где нижние наслоения сохранились лучше, чем во всех других местах. На отметке 3,4—3,7 м уцелела прослойка из плотно слежавшегося навоза (рис. 12, *9*), щепы, ветвей кустарников, соломы с зернами проса. Хорошо сохранились деревянные изделия: дубовая колотушка, ложка, копыл от саней[32]. Три тигля с остатками массы красноватого цвета и шлаки с такими натеками говорят о бронзолитейном деле. Керамика лепная и изготовленная на гончарном круге позволяет датировать прослойку X в. Она проходит в слое темной окраски, в котором щепа не сохранилась (рис. 12, *5*). В нижней части слоя найдены 2 стеклянные бусины: золоченая «шестерная» и серебреная «восьмерная» X — начала XI в.; трапециевидная бронзовая подвеска, костяная круглая пуговица с отверстием посередине, точеная (на токарном станке) и железная пряжка.

Верхняя часть слоя темного цвета, о котором идет речь, относится к XI — первой половине XIII в. Остатки древних сооружений здесь почти отсутствовали. Раскопан развал печи-каменки из валунных камней и обожженной глины. На данном уровне было браслетообразное височное кольцо. Глубина залегания печища 2,8—3,2 м от дневной поверхности. Керамика XII—XIII вв. попадалась выше, на глубине 2,2—2,4 м.

Слой XII—XIII вв. сравнительно тонок и беден находками. Очевидно, после сооружения Благовещенской церкви вблизи нее поддерживалась чистота, застройка не производилась, что замедляло процесс образования культурного слоя.

В северо-восточном углу I раскопа на глубине 1,6—1,8 м вскрыта как будто бы отмостка, сложенная из плинф в два ряда на известковом растворе, которая могла находиться возле небольшого древнего южного притвора Благовещенской церкви, если таковой существовал. С целью выяснения этого была сделана траншея (2×5 м) от угла раскопа к южному порталу церкви. Она пересекала фундамент из больших булыжных камней поздней пристройки. Под ним выявлены остатки более древнего фундамента из камней, скрепленных белым известковым раствором

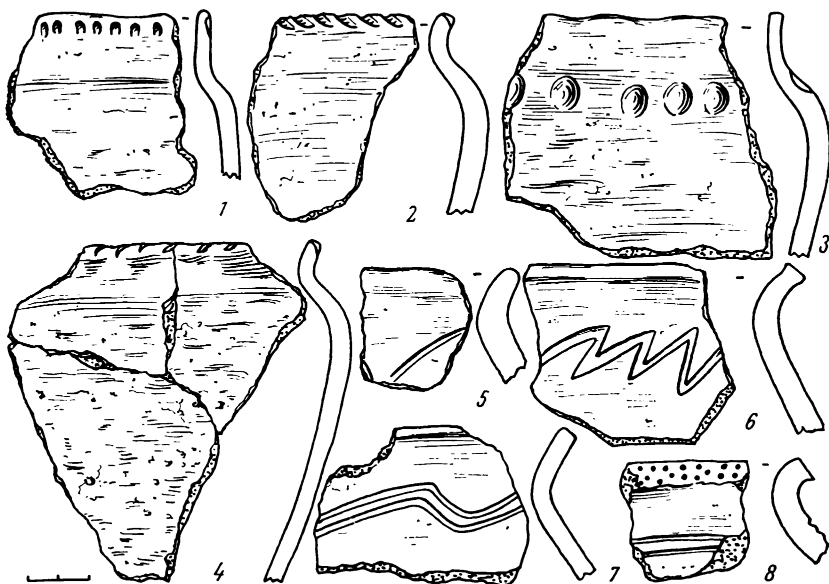

Рис. 14. Керамика Витебска (Нижний замок). *1—4* — лепные сосуды VIII—IX вв.; *5 — 8* — круговая керамика X в.

примесью мелкотолченых кирпичей. В 1968 г. М. К. Каргер обнаружил фундамент древнего притвора также с северной стороны Благовещенской церкви[33]. Фундамент церкви, прорезая культурный слой толщиной в 0,6 м, уходил в материк. В зоне культурных напластований траншея для фундамента заполнена положенной насухо галькой, сверху залитой известковым раствором с примесью цемянки. Толщина шва 15—20 см, посередине заметна черная полоса (сезонный ряд), образовавшаяся вследствие того, что прошло какое-то время между заложением фундамента и возведением стен.

В III раскопе слой XII—XIII вв. был на уровне 7—9 пластов. Находки 8 пласта: железный ключ с круглой рабочей плоскостью для замка типа А, плоское оконное стекло, 2 обломка красноглиняных амфор, стекло из тонкостенной посуды, круговая керамика. В 7 пласте преобладала керамика XIII в. Здесь найдены прямоугольный составной костяной гребень, костяная накладка, орнаментированная треугольниками. Всего в раскопе в разных пластах оказались 3 пряслица из красного шифера, 10 обломков стеклянных браслетов: зеленых (3), синих (1), коричневых (6). Наибольшее количество браслетов (6 экземпляров) было в 8 пласте. В 8 и 9 пластах попадалась круговая керамика (см. табл. 1).

В IV раскопе в напластованиях XI—XIII вв. содержались щепа и древесная труха. Найдены обломок костяного одностороннего гребня, 38 стеклянных браслетов, желтая ребристая бусина, шлак. Много круговой неполивной керамики. Обломков с верхними частями сосудов 510. Есть 5 типов горшков, похожих на посуду из Полоцка. В Витебске найдены сосуды, по плечику которых проходит валик (рис. 13, *IV*). В V раскопе лишь в одном месте уцелел частокол XIII в. и найдены 12 обломков стеклянных браслетов, 4 шиферных пряслица.

В I и II раскопах представляет интерес стратиграфия слоя XIV—XVII вв. На глубине около 2 м отмечена двойная почти горизонтальная прослойка древних строительных материалов (мелкобитая плинфа, куски извести, обломки штукатурки с фресками). Завал образовался во второй половине XIV в. в результате разрушения старого притвора церкви и капитальной ее перестройки. Между двумя прослойками щебня найден складной бронзовый крест по концам с квадратиками и изображением великомученика Никиты. Такой крест был обнаружен в Витичеве на Киевщине [34].

М. Стрыйковский сообщал, будто Благовещенскую церковь в Витебске выстроил Ольгерд [35]. Не исключено, что князь произвел капитальные переделки церкви в XIV в., а в местных преданиях ему приписывалось строительство всего здания. Как можно полагать, прослойки со строительными материалами XII в. в щебне—следствие ремонта церкви.

На глубине 0,9—2 м от древней поверхности в I, II, VI раскопах открыты четыре настила уличной мостовой конца XVI — начала XVIII в. Ширина мостовой 4 м. Накаты устроены из бревен толщиной 15—16 см, лежащих на продольных лагах. Древние традиции устройства мостовых долго сохранялись в Витебске. Раскопанные мостовые датируются на основании находок посуды и изразцов с зеленой поливой, широкими подковами для лошадей. На третьем настиле найдены лапоть, плетеный из бересты, остатки кожаной обуви с твердым задником. Обнаружены отходы костерезного ремесла и заготовки из рогов лося со следами их технической обработки. Нет сомнения, что эта мостовая изображена на плане 1664 г.

Верхний слой времен позднего феодализма, насыщенный осколками посуды, поливными изразцами, на Нижнем замке прослеживается повсеместно. В IV раскопе на глубине 1,5—2 м обнаружено хранилище XVI в. для пластичной керамической глины. Его яма, облицованная бревнами, прорезала культурный слой эпохи Киевской Руси. Глина использовалась для производства черепицы, экземпляры которой здесь найдены.

Сведений о характере культурного слоя восточной части Нижнего замка немного. В 1966 г. на углу улиц Ленина и Замковой на глубине 4 м зафиксирован плотный слой щепы с круговой керамикой конца X в., край которой орнаментирован точками (рис. 14, *8*).

О находках круговой керамики, включая обломки сосудов X в., на пл. Свободы (т. е. в той части Нижнего замка, которая примыкает с востока к Замковой горе) пишет Л. В. Алексеев [36]. Мощность культурного слоя достигала 4,3 м. В 1959 г. здесь обнаружены 2 тигелька, створка каменной литейной формы для изготовления украшений, 6 обломков стеклянных браслетов. Сенсационной находкой явилась берестяная грамота рубежа XIII—XIV вв.

В восточной крайней части Нижнего замка в 1928 г. в обрыве мыса А. Н. Лявданский обнаружил керамику XI—XIII вв. По данным музея, здесь в 1897 г. при строительстве здания электростанции был собран 151 обломок разноцветных стеклянных браслетов [37].

Восточная часть Нижнего замка, несомненно, была заселена с конца X в. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что Витебск уже во второй половине X в. являлся крупным по тем временам населенным пунктам на Западной Двине.

Примерно тогда стал заселяться правый берег Витьбы, где позже возник Узгорский замок или Острог («место»). О наличии следов древ-

него поселения свидетельствовали случайные находки вдоль берега Западной Двины, севернее устья Витьбы (район парка им. В. И. Ленина). Так, в обрыве реки найдены дирхем начала IX в., бронзовый браслет, орнаментированный наклонными и перекрещивающимися линиями, и другие вещи.

Весной 1972 г. производились работы по реконструкции улицы Ленина, она значительно расширялась, особенно близ здания музея (бывшая ратуша). Весь культурный слой на улице сносился. Он имел толщину от 1 до 2 м, а иногда 3 м. Нам удалось провести раскопки в 22 м на юг от угла здания музея на площади 104 кв. м при мощности культурного слоя 1,2—2 м. В материке выявлена небольшая яма с лепной керамикой, близкой к круговым сосудам X в. Наиболее древний горизонт культурного слоя можно датировать концом X — началом XI в. Серый предматериковый слой имеет толщину 0,5 м, где обнаружены стеклянная бусина-лимонка, лимоновидная двойная бусина синего цвета, единичные черепки лепной керамики, подправленной на гончарном круге. Предматерик был перекрыт вышележащим слоем, насыщенным щепой и датируемый в пределах второй половины XI—XIII в. В нем много костей животных: домашних (бык, мелкий рогатый скот, свинья, лошадь, собака) и диких (лось, косуля, кабан, бобр). Найдены 8 шиферных пряслиц (6 красных и 2 серых), 14 обломков стеклянных браслетов (6 зеленых, 3 черных, остальные коричнего, голубого, бирюзового цвета), железное сверло, костяной трапециевидный гребень, овальное кресало, 2 ножа [38], 20 обломков красноглиняных амфор, 3 точильных камня. Кухонная керамика представлена многочисленными обломками горшков XII—XIII вв. Верхних частей круговых сосудов — 215, среди них 7 обломков керамики XI в. Выше слоя щепы залегал черный слой XIV—XVII вв., а над ним — слой щебня и современного балласта.

Узгорский замок находился на обширном плато между Западной Двиной и правым берегом Витьбы. В XIX в. Узгорьем (Взгорьем) называли район Витебска, включавший, кроме бывшего Узгорского замка, также Гуторовщину и Песковатик [39]. Пытаясь определить размещение замка, А. П. Сапунов заметил: «Но та часть Узгорья, где находится церковь Иоанна Богослова, не была заселена еще и в XVI в.: «тая церковь божья на поли стоит за местом»,— сказано в документе 1522 г.,— сама же церковь одна из древнейших: она построена во второй половине XIV в. княгиней Ульяною, второй супругой князя Ольгерда» [40]. Богословская церковь находилась на правом берегу Витьбы в районе современного Ботанического сада. Узгорский замок туда не распространялся. Когда научный сотрудник Витебского краеведческого музея А. Р. Брадовский в 20-е годы совместил «чертеж» Витебска XVII в. с планом города [41], то было установлено, что размеры Узгорского замка равнялись по линии север—юг от 250 до 340 м, восток—запад примерно 350 м.

При наблюдении за земляными работами (1972 г.) вдоль улицы Ленина нами найдена керамика XII—XIII вв. в 300 м от моста, находящегося возле музея. Возможно, во времена феодальной раздробленности поселение занимало почти всю площадь, где позже возник Узгорский замок (площадь до 10 га). Неслучайно в источнике конца XIII в. говорится о мосте через реку [42], вероятно, через Витьбу. В это время близ Витебска существовал мужской монастырь.

За Замковым (Пилатовым) Ручьем, огибавшим Нижний замок с юга, лежало Заручавье площадью до 10 га. В древности западная его часть вдоль берега Западной Двины не пустовала. В обрыве реки крае-

веды и коллекционеры систематически собирают старые вещи (найдены два бронзовых «конька» XI—XII вв.). Название набережной «Кожемяцкая» говорит о заселении ее издревле кожемяками-сапожниками. Одна часть Заручавья долго не застраивалась. Л. В. Алексеев, учитывая название урочища Заручайские волотовки, высказал догадку о расположении здесь курганного могильника [43].

К востоку от Нижнего замка было Задунавье (вблизи ручья Дуная), где обнаружены находки XI—XIII вв., и, возможно, находилось негусто застроенное поселение. Из Задвинья (правобережье Западной Двины) нам известны бронзовый нательный крестик с утолщенными концами XI—XIII вв. и шиферное пряслице.

Таким образом, археологические исследования помогают осветить далекое прошлое Витебска и его историческую топографию. На Замковой горе на рубеже нашей эры находилось городище днепро-двинской культуры, принадлежавшее балтским племенам. В третьей четверти I тыс. н. э. возникли поселения: одно у подножия Замковой горы при устье Витьбы, другое несколько далее на берегу Западной Двины, возле Пилатова Ручья. Общая их площадь 2—3 га. Замковая гора продолжала использоваться как городище-убежище во время военной опасности. В IX — начале X в. на горе располагался укрепленный центр Витебска. Городище имело овальную площадку 130×60 м (0,7 га). В Западной части Верхнего замка на мысу находилось другое поселение. Участок был значительно ниже площадки городища. Третье поселение площадью до 1 га на берегу Западной Двины ограничивалось руслом ручья. С конца X в. территория Витебска значительно увеличилась. Посад города занял почти всю площадь (свыше 5 га), окруженную ручьями. Вероятно, Витебск как город сложился из отдельных предшествовавших ему поселений кривичей IX — начала X в. на возвышениях в долине Витьбы. С конца X в. начинает заселяться Узгорье, где позднее вырос значительный посад Витебска на правом берегу Витьбы. К этому времени относится предание об основании Витебска (974 г.). Укрепления на Замковой горе, надо думать, неоднократно перестраивались. В XII в. детинец занял всю местность, известную под названием Верхнего замка (площадь 4 га). В XII—XIII вв. Витебск был вторым по размерам городом в верхнем Подвинье, уступая в этом отношении только Полоцку.

3. ЛУКОМЛЬ

Лукомль (Лукамль) упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха в связи с событиями 1078 г. в Полоцкой земле. Населенный пункт еще назывался «Лукомля на Лукомке» [44]. В древнерусских летописях нет известий об этом полоцком городе [45]. М. Стрыйковский сообщает об осаде и штурме Лукомльского замка, который был взят в 1386 г. Андреем Полоцким. В последующие столетия Лукомль приходил в упадок. В XVI в., посетив его, М. Стрыйковский писал: «Сегодня в Лукомле, из которого лукомльские князья происходят, сохранилось только городище, которое автор видел в 1573 г. Однако валы и насыпной широкий холм свидетельствуют, что здесь когда-то был большой и мощный замок» [46]. Лукомльский замок окончательно был разрушен во время Ливонской войны в 1563 г., когда «Лукомль повоевали» войска царя Ивана Грозного [47].

В 1930 г. городище обследовал А. Д. Коваленя и снял план, напеча-

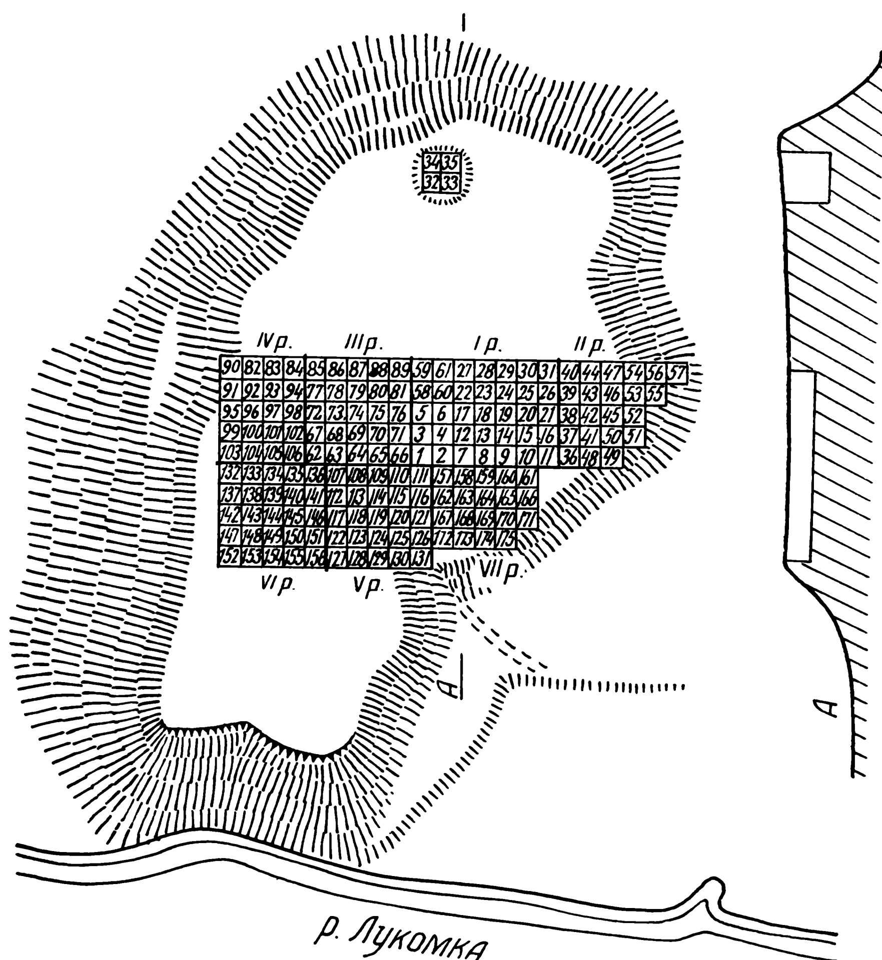

Рис. 15. План городища в Лукомле с обозначением раскопов и квадратов (2×2 м)

танный с ошибкой в ориентировке [48]. В 1956 г. Л. В. Алексеев произвел шурфовку (1×1 м). Археологические памятники Лукомля и его окрестностей исследовал автор в 1966—1974 гг.

Городище («замок») расположено у самого обрыва берега Лукомки, в нынешней д. Лукомль (рис. 15). Трудно судить о первоначальной форме и размерах памятника. По данным 1873 г., площадка «кругообразна», с восточной стороны «городок» размыт течением реки. Длина и ширина площадки одинаковые — 40 саженей [49] (более 80 м). В 1889 г. Е. Р. Романов писал о разрушении памятника [50]. Конфигурация городища свидетельствует, что от него сохранилась только часть. В настоящее время ширина площадки 36 м (с южной стороны 20 м), длина 63 м. Несомненно, первоначальная площадь городища была больше нынешней и составляла не менее 0,25 га. Высота горы от уровня воды в Лукомке 15 м. Южная и северная оконечности площадки на 2,5—2,8 м возвышаются над центральной и восточной частями.

Археологические раскопки на городище осуществлялись Полоцко-Витебским отрядом Института истории АН БССР на протяжении семи полевых сезонов (1966—1969, 1971, 1973, 1974 гг.) при активном участии учащихся Лукомльской средней школы. Была вскрыта средняя часть площадки. Изучена площадь 704 кв. м (семь раскопов). Разработка культурного слоя велась пластами толщиной 20 см. Дерево в нем совершенно истлело. Мощность культурного слоя в центре площадки до 2 м, но к краям увеличивается, включая остатки земляных укреплений. У восточного края она превышает 3,4 м. Наиболее значителен культурный слой у северного и южного краев. На северной оконечности городища со времен Великой Отечественной войны осталась яма, где нами зафиксированы напластования свыше 5 м (кв. 32—35). Они представляют собой чередующиеся прослойки песка, глины, пожарищ.

В центральной части Лукомльского городища культурные наслоения делятся на три основных слоя (рис. 16). Сверху залегает однородный серый слой, средний слой состоит из древесной трухи, ниже следует мощный черный слой (рис. 16, *7*).

Самые древние обитатели городища на рубеже нашей эры были носителями двух родственных балтских культур: днепро-двинской и штрихованной керамики. В отдельных местах раскопа и в материковых ямах обнаружена лепная гладкостенная и штрихованная керамика. Есть лепной сосуд с прилепленным (ложным) ушком на придонной части. В IV раскопе штрихованная керамика с ребром была вместе с сосудом, имевшим лощеную поверхность и ребро в верхней части. Такая керамика известна по раскопкам селища Обидня возле д. Адаменка в Быховском районе и датируется II—III вв.

В небольшой яме, углубленной в материк на 0,3 м (кв. 126), находились два раздавленных лепных сосуда и глиняное пряслице с большим отверстием. Один сосуд собран полностью. Это слабопрофилированная керамика третьей четверти I тыс. н. э. В его верхней части есть сквозное отверстие (рис. 2, *1*).

В нижних пластах черного слоя близко к материку керамика представлена слабопрофилированными сосудами, весьма похожими на сосуды нижнего слоя Витебска. Вместе с таким раздавленным сосудом в предматериковом слое обнаружен фрагмент бронзового изделия, украшенного выемчатой красной эмалью IV—V вв. Своеобразные глиняные пряслица с большими отверстиями очень характерны для памятников третьей четверти I тыс. н. э. В Лукомле их найдено более 10. Бронзовый браслет с утолщенными концами, орнаментированными косыми линиями, был почти на материке и имеет многочисленные аналоги в древностях VI—VIII вв. (рис. 18, *4*).

В восточной части I раскопа нижний черный слой соприкасается с остатками дерево-земляных укреплений. Эти остатки вперемешку с валунными камнями перекрывают ядро вала. Мелкие камни употреблялись для сооружения вала (они сыпались на вал, как и песок). В некоторых местах встречались обугленные бревна. Возле таких остатков (кв. 21, 25, 26) на глубине 1,8—1,9 м от дневной поверхности находились два лепных сосуда (рис. 2, *2, 4*). Лепной горшок был найден нами в 1962 г. при изучении оборонительных сооружений на Полоцком городище (рис. 2, *3*). Подобные горшки с округлыми плечиками хорошо известны по раскопкам длинных курганов VIII — начала X в. на Полотчине и Смоленщине. К этому слою относятся ланцетовидные наконечники стрел (на городище в Лукомле их найдено 5), глиняные пряслица, леп-

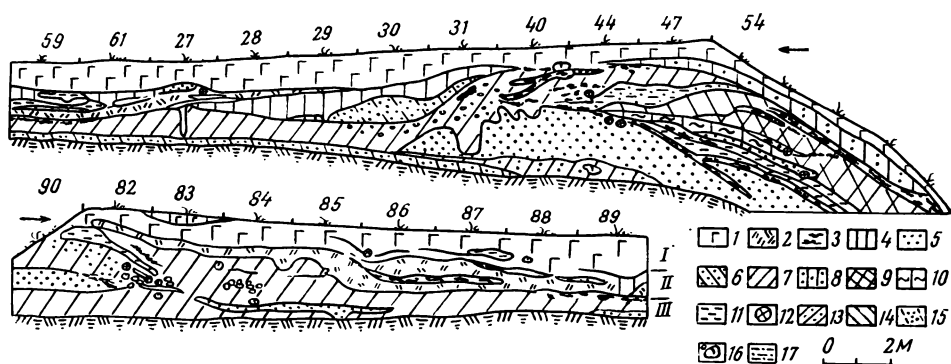

Рис. 16. Лукомль. Поперечный профиль культурных напластований городища. Вверху — профиль восточной части, внизу — его продолжение в западной части городища. *I, II, III* — основные зоны культурного слоя. *1* — гумусированный темный слой; *2* — слой трухи; *3* — угли; *4* — серый слой; *5* — песок; *6* — серо-желтый предматерик; *7* — черный слой; *8* — красно-желтый суглинок; *9* — светло-желтая земля; *10* — серая земля с вкраплениями углей и золы; *11* — глина; *12* — обугленное дерево; *13* — ярко-желтый песок; *14* — темный слой; *15* — серо-желтый песок; *16* — большие и малые камни; *17* — суглинок

ные сковородки. Ядро вала насыпано из желтого материкового песка на культурном слое с черной и серой прослойками, где встречена слабопрофилированная керамика третьей четверти I тыс. н. э.

Трудно судить о времени появления оборонительных сооружений, но таковые, несомненно, были здесь, когда обитателями городища стали те, кого мы называем полоцкими кривичами. Вероятно, они в IX в. возвели дерево-земляные укрепления, погибшие во время пожара в X в. Один ланцетовидный наконечник стрелы был с наружной стороны вала в прослойке под дерном. Как видим, в восточной части городища имеются остатки укреплений IX—X вв., хотя не сохранились более поздние оборонительные сооружения.

Зона напластований IX—X вв. определяется по находкам в верхнем горизонте нижнего черного слоя, где встречается лепная и круговая посуда. Отдельные черепки лепной керамики орнаментированы вдавлениями веревочки, намотанной на палочку. Есть типичные глиняные сковородки. Глиняные пряслица усеченно-биконические высокие. Найдено несколько предметов из бронзы: пластинчатый перстень с заходящими концами, браслет из толстой проволоки, перекрученной посередине, фрагмент изделия, орнаментированного выпуклым пояском. Эта деталь характерна для плоских височных колец из длинных курганов. В 11 пласте (кв. 93) обнаружена серебряная арабская монета, по определению В. Н. Рябцевича, подражание: Саманиды Наср II ибн Ахмед (914—943). В этом же квадрате в 12 пласте была створка каменной формы для отливки украшений-подвесок (рис. 18, *2*). Подобные литейные формы известны с городища Камно на Псковщине [51], а также с селищ бассейна Южного Буга [52]. Форма в Лукомле найдена с керамикой, подправленной на гончарном круге. Керамика имеет волнистый орнамент, а по форме слабопрофилированная.

Заслуживает внимания костяная ажурная пластинка (рис. 18, *7*), гладкая с обеих сторон, из предматерикового слоя. Ее назначение неясно, дата, согласно сопровождающей керамике, X в. Пластинка напоминает зооморфные фибулы VII—VIII вв. [53]

Средний слой толщиной 0,6—1 м состоит из древесной трухи, истлевшей щепы и угля. В нем прослежены остатки глинобитной печи. Есть прослойки пожарищ. На всей исследованной площади зафиксирована прослойка обугленного зерна. Она находилась в IV раскопе на уровне 7 пласта. В ней найдены земледельческие орудия труда: мотыга, коса, два сошника.

В слое трухи обнаружено целых или в обломках 17 жерновов, 13 из них были в I раскопе, где располагались хаотически. В квадрате 23 два верхние жернова лежали один на другом, рабочими плоскостями кверху. Вокруг жерновов масса обугленного зерна, много костей животных (кухонные остатки) и керамика. В 2 м от этой находки — три жернова. На уровне 6—8 пластов в одном месте (кв. 7) находились еще три камня от жерновов. Со слоем трухи связано основное количество вещей преимущественно XIII в., но в нем есть и вещи XI—XII вв. В прослойке углей и зерна в пласте 7 оказалась круглая бронзовая фибула III—IV вв., украшенная выемчатой эмалью красного и оранжевого цветов [54]. Надо полагать, она была во вторичном употреблении в первой половине XIII в.

Для датировки древностей городища важно учесть стратиграфическое местоположение стеклянных браслетов и шиферных пряслиц. В табл. 2 приводятся данные по I, III—VII раскопам. Следует учитывать, что в VI раскопе много перекопов XVI в., а культурный слой в VII раскопе сильно поврежден ямой начала XX в. С помощью II раскопа исследовался склон, где вещевой материал беден, а стеклянные браслеты и шиферные пряслица отсутствовали. Все же произведенный подсчет находок отражает определенную закономерность. Наибольшее количество стеклянных браслетов и шиферных пряслиц в 6 и 7 пластах. В 6 пласте один браслет сохранился целиком. Он черного цвета с желтой спиральной полоской. Красноглиняных амфор немного — 15 обломков (в 7 пласте — 6, в 8 — 7, в 9 — 2). В 5 и 7 пластах найдены типичные овальные кресала XIII в. 7 пласт (в некоторых случаях 6) нужно датировать первой половиной XIII в.

Есть дорогие изделия XII—XIII вв., принадлежавшие знати: золотая ажурная бусина (вес 1 г), изящно орнаментированные рукояти ножей, костяная накладка со стилизованными изображениями зверей, обломок фаянсового блюда с люстровой росписью, керамическая писанка [55]. Эти находки сосредоточивались в I и III раскопах. Предметы вооружения представлены 34 наконечниками стрел, наконечником пики, бронзовой булавой, железными пластинками панциря, костяной петлей от колчана. Из бытовых вещей частая находка — костяные гребни. Есть костяные пуговицы-застежки, игральные кости, сделанные из астрагалов. Стеклянные бусы немногочисленны: крупная глазчатая, лимонка, синяя лимоновидная, синяя ребристая, золоченая боченкообразна. Две малые бусины зеленого цвета украшали иглу-булавку. Сердоликовых бусин 3 (бипирамидальная, призматическая, многогранная). Незаконченные обработкой костяные рукояти ножей, ювелирный пинцет, железные шлаки, глиняное сопло, многочисленные точильные камни — свидетельство пребывания в детинце ремесленников, которые обслуживали знать. Деталью какого-то вращающегося приспособления служила костная порхлица. Найдены орудия рыбной ловли: железные крюки, остроги.

На площадке городища сверху залегает однородный серый слой мощностью 0,6—0,8 м. В отличие от Полоцка, Витебска, Минска и других белорусских городов в этом слое не попадаются печные изразцы и

Таблица 2

Распределение по пластам стеклянных браслетов и шиферных пряслиц (Лукомльское городище)

Номер пласта	Раскоп I		Раскоп III		Раскоп IV		Раскоп V		Раскоп VI		Раскоп VII		Общее количество находок	
	браслеты	пряслица	браслеты	пряслица	браслеты	пряслица	браслеты	пряслица	браслеты	пряслица	браслеты	пряслица	браслеты	пряслица
1	—	—	—	—	—		—	—	2	2	1	4	3	6
2	4	5	1	—	2	—	3	3	12	5	—	6	22	19
3	6	2	—	3	4	4	4	2	7	3	3	1	24	15
4	1	8	1	1	4	—	2	3	4	2	3	2	13	16
5	7	23	1	5	2	2	7	11	12	1	4	3	33	45
6	24	27	10	5	7	2	14	26	3	2	7	1	65	63
7	9	10	15	2	14	1	37	24	8	4	1	1	84	42
8	6	3	23	3	1	—	14	9	3	—	—	1	47	16
9	1	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—
10	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
11—17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	59	78	59	19	34	9	81	78	51	19	19	19	304	222

почти отсутствует поздняя керамика с зеленой поливой. Здесь нет напластований XVII в. Предметы XV—XVI вв. тоже немногочисленны: шпора с репейкой, обломки брусчатого кирпича, коса-горбуша, серебряная монета — полугрош Александра Ягеллончика 1501—1506 гг. Остатки оборонительных сооружений этого времени в виде слоя глины обнаружены в некоторых местах у западного склона городища (VI раскоп), но они не прослежены с восточной его стороны (II раскоп).

Керамический материал городища представлен главным образом обломками горшков. О нем можно судить по данным статистического подсчета и классификации керамики из I раскопа, где всего учтено 4007 фрагментов от сосудов — 650 обломков лепных, 3357 круговых.

Среди лепной керамики 3 основные группы: посуда днепро-двинской культуры раннего железного века, культуры типа верхнего слоя Банцеровщины и Тушемли и культуры длинных курганов VIII — начала X в. Последний тип лепной керамики, как и в Витебске, находится в верхнем горизонте нижнего слоя, сосуществуя с керамикой типа Банцеровского городища и с раннекруговой посудой.

Верхние части круговых сосудов, положенные в основу классификации, представлены 1136 фрагментами. Из них 688 распределены по 5 основным группам. 448 венчиков занимают промежуточное положение между основными типами. Первую группу составляют горшки с простым отогнутым наружу венчиком и покатыми плечиками. Стратиграфическое местоположение в I раскопе не дает четкого представления о времени его бытования. Это ранний тип круговой керамики. Вторая и третья группы керамики со сложным венчиком и изогнутой шейкой XII—XIII вв. Основное ее количество приходится на 6—7 пласты. К пятой группе относятся обломки горшков XIV—XVI вв. с низким венчиком и шейкой Встречены единичные черепки черной лощеной посуды. Большинство стенок сосудов без орнамента. Примерно 5% стенок с линей-

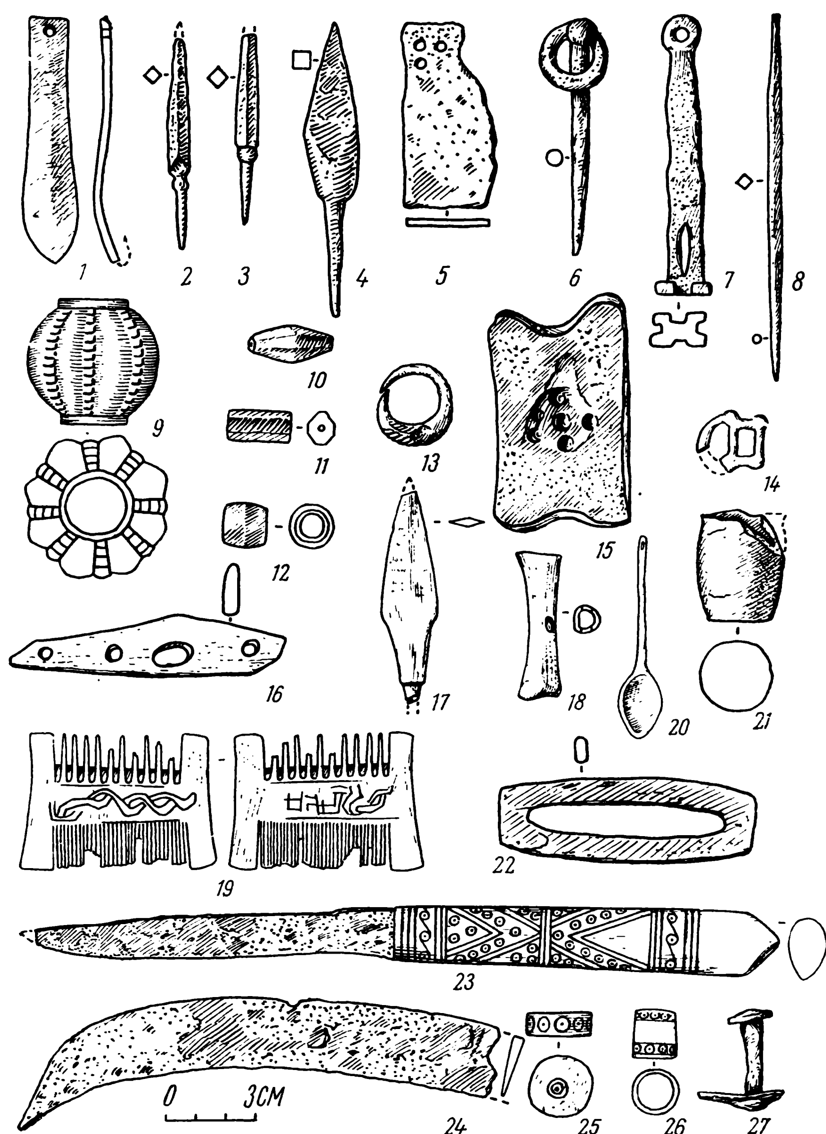

Рис. 17. Предметы XI—XIII вв. из раскопок городища в Лукомле. *1* — свинцовая блесна; *2—8, 22, 24, 27* — железные изделия; *9, 13, 14, 20* — бронзовые изделия; *10, 11* — сердоликовые бусы; *12* — стеклянная золоченая бусина; *15—19, 25, 26* — костяные изделия; *21* — глиняный сосудик; *23* — нож с костяной рукоятью

ным орнаментом и столько же с волнистым. Некоторые сосуды имели линейноволнистый орнамент.

Поселения выявлены возле городища. Первое селище площадью до 3 га — на правом бергу Лукомки (рис. 6). Здесь в 150 м на север от городища (во дворе средней школы) нами произведены раскопки в 1969 и 1970 гг. Мощность культурного слоя 0,6—1,5 м. Много перекопов и нет древних сооружений. На глубине 0,6—0,8 м раскопан развал печи из

глины и камня. Судя по тройной лимоновидной бусе, печь датируется X—началом XI в. Ниже был культурный слой с крупными фрагментами лепных сосудов. Два из них находились один в другом. Это керамика второй половины I тыс. н. э. Один горшок по форме похож на сосуды из Тушемли, второй — на керамику с плечиками из длинных курганов Смоленщины. Третий крупный фрагмент, обнаруженный невдалеке, принадлежал горшку с валиком по тулову.

В материке вскрыты ямы разных эпох. Комплексы материалов позволяют относить ямы ко времени от VI до XVIII в. В основном ямы малых размеров, округлые, глубиной 0,3—0,4 м. Опишем наиболее характерные ямы вместе с комплексами вещей, обнаруженными в них. В небольшой яме 5 найдены железный нож, костяное усеченно-биконическое пряслице, выточенное на токарном станке, 2 ланцетовидных наконечника стрел, трехгранных в поперечном сечении (рис. 45, *7*). Судя по наконечникам стрел, один из которых имеет на шейке валик, дата ямы XI в.

Яма 8 овальной формы, 1 м в поперечнике, имеет глубину 0,35 м. В ней был целый лепной сосуд (рис. 2, *5*) и крупный фрагмент другого горшка. В яме найдены несколько обломков круговых горшков, украшенных волнистым орнаментом с элементарным профилем венчика, а также обломок глиняной лепной сковородки и глиняное пряслице с обточенной поверхностью. Яма датируется концом IX — первой половиной X в.

Более ранней является яма 9, где найдено 14 обломков лепной керамики. Толщина стенок 1—2 см. Некоторые венчики аналогичны керамике длинных курганов. Примерная дата ямы IX — начало X в. В яме 10 найдено 16 обломков от сосудов. Из них 3 черепка круговых с линейным орнаментом, 2 круговых гладких и 11 лепных, из которых один с орнаментом роменского типа, 2 лепные сковородки. Все предметы IX—X вв. В яме 13 была круговая керамика X — начала XI в.

Яма 14 большая и, быть может, является остатком разрушенного полуземляночного жилища. Ее глубина 0,45 м. Здесь найдены 9 стеклянных бус-лимонок, зеленая глазчатая бусина, глиняное усеченно-биконическое пряслице, бронзовая трапециевидная подвеска, обломок сошника, лезвие ножа, железная игла, обломок сланцевого точильного камня, костяная проколка, 30 обломков раннекруговой керамики. Яму следует датировать второй половиной X в.

В большой яме 15 глубиной 0,5 м найден раздавленный сосуд X—XI вв. Основной материал — керамика XVI в., а сверху попадались изразцы с зеленой поливой. Обнаружены дно стеклянного сосуда, железная подковка от сапог. Это яма эпохи позднего феодализма, которая оказалась на месте остатков сооружения X—XI вв.

Два шиферных розовых пряслица и 19 обломков керамики XI в. были в яме 16, глиняное пряслице и 2 бусины-лимонки — в яме 17, несколько десятков фрагментов круговой керамики XI в.— в заполнении ямы 18, в плане вытянутой (3×1 м), глубиной 0,3 м.

Овальная яма 19 имеет в поперечнике 1,8—2,2 м, глубина 0,5 м. В ее заполнении найдено 8 обломков керамики (4 лепных и 4 ранних круговых). Два лепных венчика — один от слабопрофилированной керамики третьей четверти I тыс. н. э., другой типа длинных курганов — были на одном уровне. Дата ямы IX—X вв. Ям XII—XIII вв. почти не выявлено.

В культурном слое на разных уровнях обнаружено значительное ко-

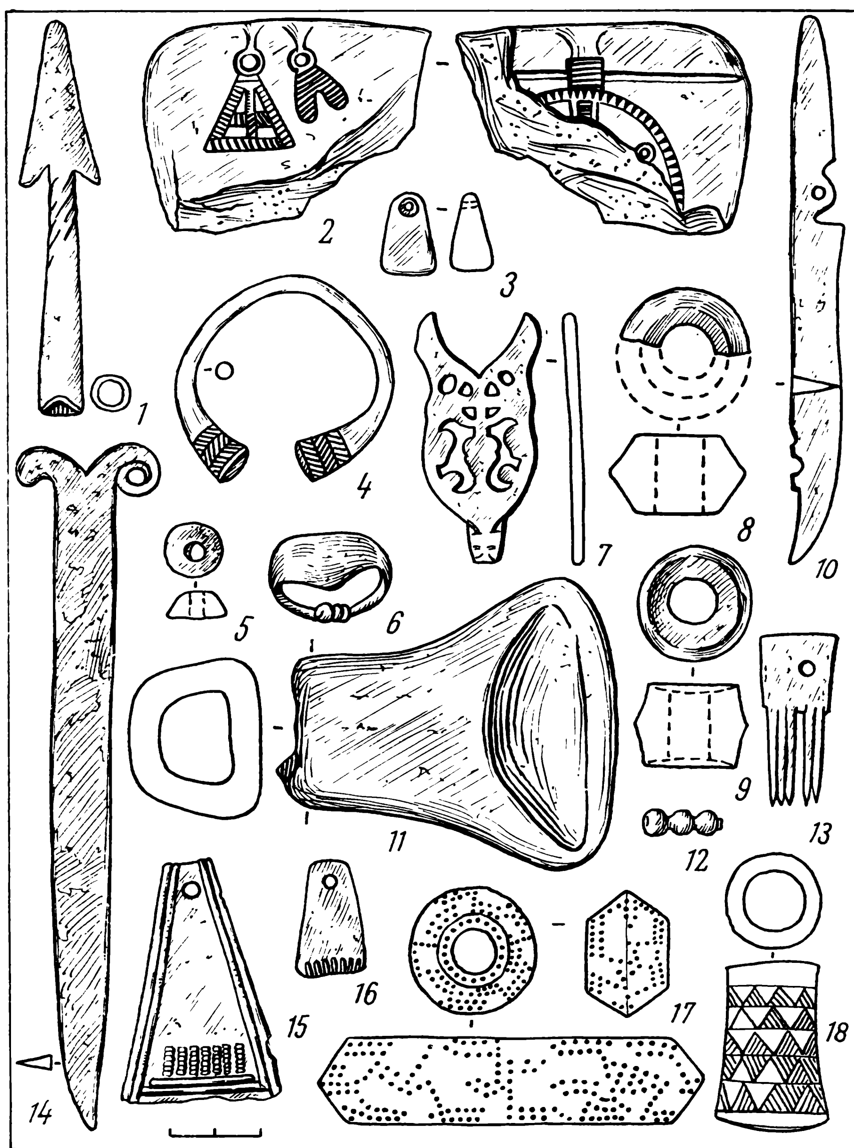

Рис. 18. Находки с селища (*1, 3, 5, 6, 8--18*) и городища (*2, 4, 7*) в Лукомле. *1, 10, 14* — железо; *2* — камень; *3* — янтарь; *4, 6* —бронза; *7, 13, 18* — кость; *8, 9, 11, 17* — глина; *12* — стекло; *5* — свинец

личество находок. В нижних пластах (4, 5, 6), как правило, преобладали более древние вещи. Железный нож (пласт 5) с загнутыми в виде спирали двумя концами рукояти (рис. 18, *14*) имеет аналоги в Польше, на Украине и в Белоруссии[56]. На материке (пласт 6) были два целых тигля для плавки цветных металлов: один из желтой глины с ручкой (рис. 18, *11*), второй белоглиняный в виде узкого сосудика.

Бронзовых трапециевидных подвесок 4 экз. Малая подвеска (рис. 18,

16) по размерам и орнаментации близка к украшениям из курганов VIII—IX вв. возле д. Борки[57]. Три другие большие подвески дополнительно орнаментированы выпуклыми линиями по краям (рис. 18, *15*). Одна подвеска — из ямы 14, где была вместе с вещами X в. Есть бронзовая подковообразная фибула, бронзовый пластинчатый широкосрединный браслет.

Глиняных пряслиц 21, большинство усеченно-биконической формы. Четыре пряслица с немного вогнутыми боковыми поверхностями и большим отверстием датируются VI—VIII вв. Такие изделия повсеместно встречаются в средней и северной частях Белоруссии на памятниках третьей четверти I тыс. н. э.[58] К этому времени относится пряслице, на котором изображены фигуры, возможно, людей (рис. 18, *17*). Несколько пряслиц в сечении овальные. Другие глиняные пряслица имеют ровную, как будто выточенную поверхность (рис. 18, *9*) и по форме близки к изделиям из шифера[59]. Шиферных пряслиц всего 9 (7 розовых, 2 серых). Есть свинцовый предмет, напоминающий пряслице (рис. 18, *5*).

Стеклянных бус 44 штуки, лимонок одинарных 12, двойных 10, тройных 6 (рис. 18, *12*). Синих лимоновидных бус двойных 5, тройных 1. Две бусы стеклянные золоченые. По одному экземпляру встречены бусы: стеклянная серебряная шестичастная пронизка, зеленый бисер, глазчатая зеленая, мозаичная и др. Датировка этих украшений не выходит за пределы X — первой половины XI в. В подобных условиях близко к материку и в ямах найдены такие материалы на Нижнем замке в Витебске.

Две находки янтарные: трапециевидная подвеска (рис. 18, *3*) и кусочек необработанного янтаря, стеклянных браслетов 9 (цвет синий, коричневый, черный). Один браслет зеленый, в сечении треугольный.

Среди костяных изделий наибольшее количество проколок разных типов (19 экз.). Орнаментированный футляр от одностороннего гребня. Двусторонних цельных гребней XII—XIII вв. три (рис. 17, *19*). Одна орнаментированная поделка по форме напоминает цилиндр (рис. 18, *18*). Она была на материке вместе с лимоновидными бусами синего цвета X—XI вв. Такое изделие обнаружено на Лукомльском городище. Поделки цилиндрической формы из других памятников И. М. Линдер предположительно считает фрагментами шахматных фигур[60].

Разнообразны железные изделия X—XIII вв.: лезвия обычных ножей (30 экз.), ключи от навесных замков (6), иглы (5), шилья (6), гвозди (54), наконечники стрел (5), рыболовные крючки (4), острие с кольцом, лезвие складного ножа, шпора.

На посаде найдены предметы, свидетельствующие о занятиях населения различными ремеслами: железоделательным и кузнечным (железные шлаки), ювелирным (тигли для плавки цветных металлов, обломки литейных форм, слитки свинца), костерезным (заготовки и незаконченные обработкой изделия из рога и кости).

О круговой керамике дает представление материал из раскопа 1969 г., где учтено 622 верхних частей сосудов (рис. 19). Они разделяются на четыре основные группы. Первую группу составляют раннекруговые горшки с элементарным венчиком X — начала XI в. и линейным орнаментом по тулову сосуда. Вторая группа керамики представлена посудой XII—XIII вв. Отдельные сосуды с наружной стороны венчика имеют глубокую канавку, что является их отличительной чертой. Горшки третьей группы с изгибающейся линией профиля невыразительны. Четвертый тип поздней керамики с низкими венчиком и шейкой. При-

1	2	3	4
92	128	31	167

Рис. 19. Круговая керамика с селища на правом берегу Лукомки (с обозначением количества фрагментов)

мерно третья часть керамики занимает промежуточное положение между указанными основными типами. Привозных, красноглиняных амфор при раскопках посада не встречено.

Особо следует сказать о сооружениях периода Великого княжества Литовского. Раскопаны три четырехугольные ямы, которые, очевидно, являются остатками полуземлянок. Они углублены в материк на 0,5 м. Размеры первой полуземлянки 2,5×2,5 м, второй 3×3 м. Третья полуземлянка в раскоп попала частично. В углу первой полуземлянки были глина и несколько камней от печи. Это прослежено и во второй полуземлянке. В их заполнении вещей мало. Есть керамика XIV—XV вв. Во второй полуземлянке найден крест-складень. Он сохранился целиком. Точно такой крест найден в Витебске в 1964 г. (описан выше). В этой полуземлянке в одной из небольших ямок найден горшок, зарытый специально в грунте. В горшке заметны остатки пищи, по-видимому, каши. Возле полуземлянок обнаружен еще другой предмет религиозного культа — бронзовый литой наперстный крест с двусторонними изображениями и ушком для шнурка. Аналогичные кресты XV—XVI вв. найдены в Москве, Новгороде, Пятигорске и других местах. Иконография находок неоднократно освещалась в литературе [61]. Полуземляночные жилища XIV—XV вв. на территории Полоцкой земли — явление редкое.

Имеется любопытный письменный источник о том, что выходцы из Луцка на Волыни основали в Лукомле в конце XIV в. Николаевский монастырь и построили церковь «у ледника, на горке» [62]. Возможно, им принадлежали раскопанные полуземлянки.

В 1967 г. были произведены раскопки на расстоянии 350 м севернее городища, тоже на правом берегу Лукомки (возле магазина). В раскопе (4×6 м) мощность культурного слоя от 0,5 до 1,5 м. Он сильно перемешан и содержит массу керамики XVIII—XIX вв. Найдены некоторые материалы эпохи Киевской Руси.

С восточной стороны селища находится возвышенность Попова гора. Здесь в грунте есть остатки фундамента поздней культовой постройки и захоронения. Вся площадка горы настолько изрыта, что выявить наличие культурного слоя не представляется возможным. С юго-востока к горе примыкает пониженное заболоченное место. Естественные условия затрудняли доступ к посаду с востока, что могло иметь значение для его обороны во время войн.

Второе селище — на левом берегу Лукомки, оно занимает территорию более 10 га (рис. 6, *1*). Раскопки производились в 250 м южнее го-

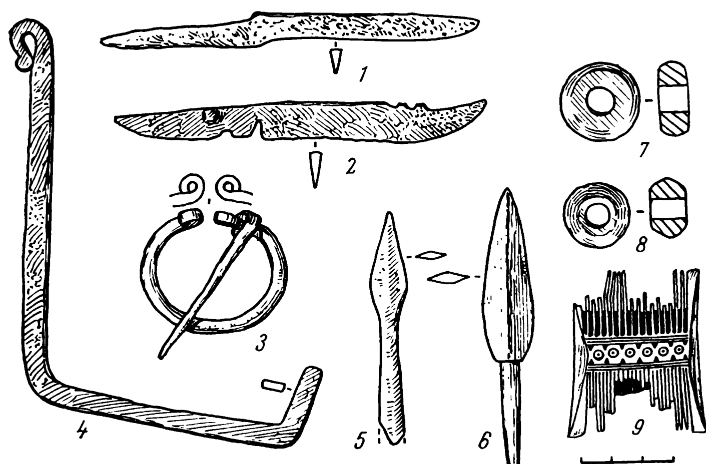

Рис. 20. Лукомль. Предметы из раскопок селища на левом берегу Лукомки (1973 г.). *1—5* — железо; *7, 8* — шифер; *6, 9* — кость

родища (во дворе бывшей сельской больницы). Здесь в 1973 г. исследовано 120 кв. м, а в 1974 г. еще 124 кв. м. Культурный слой мощностью от 0,5 до 1 м имеет черную окраску, а сверху выпахан. Найдены шлаки и изделия из железа, ключ от накладного деревянного замка X—XI вв., подковообразная фибула, втульчатый наконечник стрелы, ножи, а также предметы из кости (двусторонний орнаментированный гребень, наконечник стрелы), три шиферные пряслица (рис. 20), створка каменной литейной формы. Вся керамика сделана на круге и подобна описанной выше керамике северного селища. Преобладают горшки XII—XIII вв. Есть обломки посуды XI в. В материке выявлены небольшие ямы. В одной из них были керамика только XI в., обломок сковородки, изготовленной на гончарном круге, камень-терочник величиной с кулак, кости животных.

В 5 км от Лукомля возле д. Стражевичи в 1898 г. и 1903 г. были выпаханы два монетно-вещевых клада середины XI в. Они представляли собой запас лома ювелира, который изготовлял шейные гривны, браслеты, кольца, пряжки [63]. В 1971 г. были обследованы окрестности д. Стражевичи и место находки кладов Мартина гора — песчаный холм с пологими склонами, занимающий несколько гектаров, лишенный признаков археологического памятника. Вполне возможно, что древний ювелир во время разорения Лукомля в XI в. спрятал свои сокровища в его окрестностях.

Для развития города в раннефеодальный период имело значение его расположение на Лукомке, которая, сливаясь с Усвейкой, впадала в Уллу — левый приток Западной Двины. Верховья Усвейки близко подходят к верховьям Друти, впадающей в Днепр. Кроме того, Усвейка берет начало близ истоков Бобра (приток Березины), где мог быть древний волок. Этот водный путь имел местное значение. Главная магистраль шла с Западной Двины на Днепр через Смоленск.

Лукомль — древнейший поселок восточных славян, основанный при их расселении в Северной Белоруссии. В IX — начале X в. Лукомль представлял собой укрепленный пункт кривичей. На городище, возможно, находился родовой старейшина со своими домочадцами или «княжой

муж» с челядью, который собирал дань с местного населения. В IX—XIII вв. на правом берегу Лукомки располагался один из посадов небольшого города. С XI в. развивалось посадское поселение на левом берегу Лукомки. В XII—XIII вв. оно превосходило по площади посад на правом берегу реки. Общая площадь посадов 13 га. Лукомль продолжал оставаться малым городом на протяжении всей эпохи Киевской Руси. В XIV—XVI вв. в Лукомле был замок, который принадлежал местным князьям. В последующие годы Лукомль стал местечком.

4. УСВЯТЫ

Усвяты (Въсвяч, Восвято, Всвят) названы в источниках вместе с Витебском в связи с событиями 1021 г. В новгородских летописях город упомянут под 1223 г., когда новгородский князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) изгнал отряды литовских феодалов из пределов Новгородской и Торопецкой волостей и преследовал их «до Въсвяча». В 1225 г. литовские отряды появились вновь и были разбиты Ярославом возле Усвят. В 1245 г. князь Александр Невский посетил Витебск. Он ехал с малочисленной дружиной и близ Усвят встретил отряд литовцев, которых победил («тех изби») [64]. В 1318—1320 гг. в Усвятах находился Ольгерд со своей супругой, дочерью витебского князя Ярослава.

А. П. Сапунов высказал мысль, что первоначально город был на Юрьевых горах, в 2 км на юг от населенного пункта Усвяты. Свой вывод о перенесении города на другую сторону озера, в местность, известную под названием «замок», он подкреплял топонимическими данными. Горы получили название Юрьевых, ибо там находилась древняя церковь Георгия Победоносца [65]. Писцовая книга XVI в. отмечает «над оз. над Усвятом городище Старое Усвятцкое, а на городище земля пашенная» [66]. Речь идет о распахиваемом уже тогда городище на Юрьевых горах.

О древностях Усвят, по документам 1765 г., Е. Р. Романов писал: «Местечко Усвят. Расположено на холмах: Замок в 1,5 дес., Бугор 0,25 д., Прудок 0,25 д. и Спасова гора. Высота их 6—8 саж. Древнее селение Усвят (актовый фольварк на Старом Городище) находилось, по преданию, на Юрьевых горах. Две горы, искусственно возвышенные, находятся при истоке и устье рукава, соединяющего озера Усвят и Узмень; в свое время они, очевидно, служили прикрытием этого важного водного пути. На Замковой горе находят орудия каменного века. Она вообще представляет из себя неприступный городец, могущий служить надежным убежищем в минуты опасности. Предполагается существование подземных ходов из замка к Юрьевым горам (Старому городу). На берегу озера курганные группы» [67].

Сведения об археологических памятниках Усвят опубликовала Я. В. Станкевич. Городище «Пруд» (55×40 м) расположено на северо-западной окраине современного поселка. Другое подобное городище на юго-восточной окраине Усвят [68]. Оба они принадлежат днепро-двинской культуре. Между указанными городищами расположено еще одно большое городище — Замковая гора. Длина площадки вытянуто-овальной формы 120 м, ширина 50—70 м. В 1952 г. на распаханном под огороды южном склоне горы и в обрывах найдена круговая посуда XIII—XIV вв.[69] Повсеместно встречалась керамика более поздняя и обломки изразцов XVI—XVII вв.

Я. В. Станкевич обследовала урочище Юрьевы горы на западном берегу оз. Усвяты примерно в 3 км к югу от Замковой горы и обнаружила

Рис. 21. Вид Юрьевых гор близ Усвят

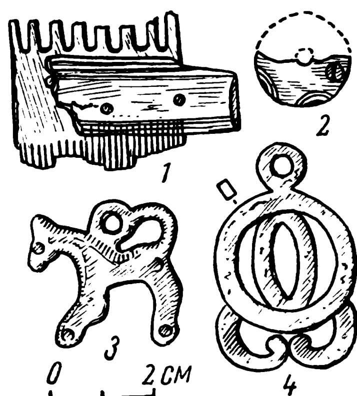
на возвышенностях остатки древних поселений, которые ею обозначены «селище № 1» и «селище № 2». Первое селище занимает вдающуюся в озеро и возвышающуюся над ним на 12 м юго-восточную оконечность мыса площадью 200×400 м. На пашне вдоль берега попадаются многочисленные обломки лепной и круговой профилированной посуды с линейным и волнистым орнаментом. Мощность культурного слоя 0,45 м, в основании которого есть толстостенная круговая керамика. Второе селище расположено в 350 м к югу от первого. Это возвышающийся над озером до 12 м мыс с овальной распахиваемой площадкой (возможно, остатки детинца). Вдоль берега на полосе шириной до 30 м можно найти керамику, аналогичную посуде первого селища. Описав археологические памятники Усвят и его окрестностей, Я. В. Станкевич не попыталась сопоставить их с сообщениями письменных источников, не обратила внимания на предания о древнем Въсвяче на Юрьевых горах.

В 1960-е годы археологические исследования в Усвятах были продолжены сотрудниками Государственного Эрмитажа. На втором селище прослеживались едва заметные остатки укреплений: в северной и западной частях — ров, с напольной западной стороны — остатки вала. Западнее Юрьевых гор, в 0,5 км от них, зафиксирована курганная группа из 50 полусферически насыпей. Их высота 1—3 м, диаметр 7—14 м. Археологи исследовали один курган. Найдены погребение по обряду трупосожжения и горшок с линейным и волнистым орнаментом.

В 1970 г. на втором селище Р. С. Миносян разработал два небольших раскопа. «Найденный материал характерен для культурных слоев древнерусских городов — гончарная керамика, шиферные пряслица и обломки стеклянных браслетов» [70].

На распахиваемых участках Юрьевых гор местное население находит древние предметы, которые хранятся в музее Усвятской средней школы [71]. Здесь обломки круговой керамики XI—XIII вв., крупная глазчатая бусина X — начала XI в., двусторонний костяной наборный гребень с накладками с обеих сторон, бронзовый конек-подвеска (рис. 22, *3*), железный топор с оттянутым вниз лезвием XI—XII вв. (рис. 52, *6*).

Рис. 22. Находки с Юрьевых гор. *1* — костяной гребень; *2* — стеклянная глазчатая бусина; *3* — бронзовый конек; *4* — бронзовое изделие

Теперь можно высказаться более определенно об исторической топографии Усвят. Город располагался в X—XIII вв. на Юрьевых горах. Когда он переместился на 3 км севернее, сказать трудно. В 1566 г. замок был сооружен на центральном городище — Замковой горе. Польский историк, современник Ливонской войны Р. Гейденштейн писал: «Усвят, будучи расположен на небольшом холме между двумя озерами и рекою Усвячею, с запада ограничивается оз. Узмень (Usmeniana), с востока другим, называемым тоже Усвят, с юга рекою того же названия, которая, протекая по тому и другому озеру, вливается в Двину при Сураже» [72].

Достаточно взглянуть на старую карту местности [73], чтобы убедиться в правильности описания. Однако с южной стороны горы находится протока, соединяющая озера Усвят и Узмень, а не река Усвяча, которая протекает через оз. Усвят восточнее населенного пункта. Во время Ливонской войны поляки сожгли город возле «замка Усвятского». Значит, тогда замок и посад уже находились на месте современного поселка, на северном берегу протоки.

В Усвятском районе известны археологические памятники разных эпох (городища-убежища и селища третьей четверти I тыс. н. э., длинные курганы). Здесь отмечено множество курганных могильников. История населения края в VI—X вв. та же, что и всего Полоцкого Подвинья.

Усвятский волок — составная часть одного из ответвлений пути «из варяг в греки». Усвяты были построены как населенный пункт, контролирующий волок. Функция контроля торгового пути до XI—XII вв. могла осуществляться в городе на Юрьевых горах на западном берегу оз. Усвят, пока эта роль не перешла к замку, сооруженному в более удобном месте — напротив протоки (Городецкое озеро), соединяющей оз. Усвят с оз. Узмень [74], куда переместились Усвяты.

Местоположение Усвят позволяет связывать происхождение его названия с наименованием оз. Усвят (Усвятское), на западном берегу которого возле речки Усвячи он первоначально находился.

Историки считают, что Усвяты, как и Витебск, издавна принадлежали Полоцку, а затем были отняты у него [75]. В 1021 г. полоцкий князь был умиротворен только после возвращения городов под его подчинение. Конечно, надо учитывать экономическое значение указанных пунктов для развития Полоцка [76], у которого были споры из-за этого с Новгородом.

5. БРАСЛАВ

Древнерусским летописям, дошедшим до нас, неизвестен город Полоцкой земли Браслав (современный районный центр Витебской области). Первое упоминание о нем находим в «Хронике Быховца», повествующей, что владения литовского князя Кернуса простирались «по гра-

ницу латвийскую и по Завилейский Браслав и до самой реки Двины». Браслав оставался полоцким городом, ибо позже «князь великий Кернус и Гимбут, желая расширить свое отечество, собрали силы литовские и жемайтские и пошли на Русь к Браславу и к Полоцку...» [77] В «Хронике Быховца» о дате события не сообщается. Она приводится М. Стрыйковским в его «Хронике»: «Князь литовский Кернус, видя частые наезды в землях вилейских русских князей, решил силу силой, а насилие насилием отразить и, соединивши свои войска завилейские с братом Гимбутом, князем жмудским, двинули в русские княжества к Браславу, который сегодня русским зовется и принадлежал в то время княжеству Полоцкому. Итак, тогда они волости русские жестоко опустошили, добра и полон взяв большой без сопротивления, а потом до самого Полоцка дошли... и было это в году от рождения господня 1065, когда Литва впервые совершила вторжение на Русь» [78].

М. Стрыйковский пытался связать поход с другими событиями истории Руси, надеясь тем самым установить его дату и выяснить причины успеха литовцев. А. И. Рогов об этом пишет: «Причины похода Стрыйковский видит в желании отомстить русским князьям, воспользовавшись походами половцев и русскими междуусобиями. Так как все эти события, по мнению Стрыйковского, достигли предельной остроты во время киевского восстания и похода Болеслава, то он был склонен этим временем датировать и поход литовцев. Согласно же Длугошу и Кромеру, поход Болеслава и восстание относятся к 1065 г. (в действительности — 1068 г.), почему и Стрыйковский датирует поход литовских князей 1065 г.» [79] А. И. Рогов полагает, что Стрыйковский имел белорусско-литовские летописи, которые включали в свой состав более подробные известия по истории западных земель Руси, летописи, основанные на каких-то записях, которые велись в городах этих земель.

События на Руси, происходившие в 1068 г., хорошо известны по «Повести временных лет». В Киеве произошло восстание, в ходе которого был изгнан Изяслав Ярославич, а освобожденный из темницы Всеслав Полоцкий провозглашен киевским князем. Изяслав воспользовался помощью из Польши племянника своей жены Болеслава II, который лично вел войско. Однако у Белгорода Всеслав тайком оставил войско киевлян и бежал в Полоцк. Битва не состоялась. В. Т. Пашуто объясняет оставление Всеславом киевлян опасением польско-полоцкой войны [80]. Не исключено, что именно тогда, в 1068 г., произошло нападение литовцев на западные рубежи Полоцкой земли, в частности на Браслав, но Кернус и Гимбут, которым это приписывают поздние летописи и М. Стрыйковский,— князья легендарные.

Возможно, Браслав (в источниках XV—XVI вв.— Браславль) [81] основан полоцким князем Брячиславом Изяславичем и назван по имени этого князя (1001—1044), как полагали некоторые историки [82]. Об этом пишет и Л. В. Алексеев [83]. Согласно мнению В. А. Жучкевича, первоначальное название древнейшего поселения могло произойти от балтского brastá (брод), которое было воспринято славянами и затем переосмыслено [84].

Городище Замковая гора высотой до 14 м находится на перешейке между озерами Дривяты и Новято (рис. 23). Площадка городища (200×100 м) обнесена мощным валом. Раскопки осуществлены под руководством Л. В. Алексеева в 1955—1956 гг. Был снят план, а в восточной части городища исследована площадь 400 кв. м. Траншея длиной 65 м, шириной 3 м перерезала вал и площадку, а также были вскрыты на-

Рис. 23. Браслав. Вид Замковой горы и озер Новято и Дривяты (1865 г.). С акварели Д. Струкова

слоения в пяти небольших раскопах. Наибольшая мощность культурного слоя — 1,6 м. В направлении от вала она постепенно уменьшается до 0,25 м. Культурный слой вблизи вала разделен на три зоны напластований (более тонких слоев).

В материке вскрыто много круглых ям хозяйственного назначения. Найдено несколько лепных черепков середины I тыс. н. э. Нижняя зона напластований в местах с большей мощностью слоя составляет 0,25 м и лишена остатков построек. Особый интерес представляет лепная керамика, близкая к круговой посуде. Один из восстановленных сосудов похож на горшки из длинных курганов VIII — начала X в. Такая керамика в нижнем слое городища сопутствует кругозой посуде. Найдены два браслетообразных проволочных кольца, характерных для кривичей [85]. Обнаружены калачевидное кресало с язычком, односторонний и трапециевидный гребни, костяное острие, льячка, янтарная бусина, бубенец с прорезью. В западине в материке был железный нож, калачевидное кресало, изделие из бронзовой проволоки, фрагмент железной витой гривны. Горшки, изготовленные на гончарном круге, имеют отогнутый наружу венчик с косым срезом по краю, плечики сильно опущенные. Подобная раннекруговая керамика известна на многих древнерусских памятниках.

Нижний слой отделяется от среднего прослойкой пожарища толщиной от 5 до 20 см, в которой найдены железный наконечник сулицы (дротика) с листовидным пером, калачевидное кресало, ключ от замка (тип А). Эту прослойку Л. В. Алексеев датирует предположительно XI в. Средняя зона культурного слоя толщиной до 0,6—0,7 м относится к XI—XII вв., что подтверждает большинство находок [86], но, надо полагать, содержит также наслоения XIII в. Зафиксировано несколько деревянных сооружений. Венец жилища (4×4 м), рубленного в обло, покоился на небольших камнях, подложенных под углы. От глинобитного пола остались кусочки плотной глины. Признаки печи едва прослеживались в углу помещения. Под постройкой выявлены остатки другого, более раннего

сооружения, расположенного несколько иначе. Вскрыта постройка хозяйственного назначения. Размеры одной ее стены 2,2 м. В среднем слое найдены калачевидные кресала с язычком, ключи от замка типа А, 2 писала второй половины XII — первой половины XIII в.[87] Здесь было большинство из обнаруженных шиферных пряслиц, почти все костяные трапециевидные гребни, а также стеклянные и сердоликовые бусины, подковообразные пряжки, бронзовые браслеты, перстни и обломок от гладкого стеклянного браслета, много обгорелого зерна. Попадались орудия труда: ножи, долота, ножницы, топоры, шилья. Сравнительно много железных наконечников стрел разных типов. Круговая керамика представлена сосудами, обычными для городов Полоцкой земли периода феодальной раздробленности. Население Браслава в XII—XIII вв. занималось обработкой дерева, кожевенно-сапожным делом, кузнечным ремеслом, ткачеством и шитьем. Об обработке кости говорят вещи: двусторонние трапециевидные гребни, орнаментированные рукояти ножей, игральная кость со знаками-метками [88].

Таким образом, первые поселенцы появились на Замковой горе в Браславе в середине I тыс. н. э. В IX — начале X в. сюда проникли кривичи и происходил процесс ассимиляции аборигенного населения. По-видимому, в XI в. здесь был основан укрепленный пункт, который развивался как порубежный город Полоцкой земли. В материальной культуре Браслава XI—XIII вв. сильно ощущается влияние культуры балтов (подковообразные фибулы, фрагменты шейных гривен, подвеска-держатель от украшения, спиралька-пронизка, обломки браслетов).

Курганы в окрестности Браслава пополняют данные об этнической принадлежности населения. В 2 км от него в ур. Заборные Гумна курганный могильник исследовал в 1893 г. Ф. В. Покровский. Погребения — как трупосожжения, так и трупоположения. По мнению Покровского, могильник принадлежал смешанному населению из славян и балтов. Его дата определяется X—XI вв. В окрестности Браслава Покровский исследовал другие курганы (деревни Бельмонт, Шалтэни, Опса, оз. Укля). На южном берегу оз. Дривяты вблизи бывшего имения Бельмонт насчитывалось 76 удлиненных и круглых в плане насыпей, из которых исследовано 7. В круглом кургане № 6 на подсыпке была кучка пережженных костей и остатки вещей, среди которых 5 бронзовых плоских (серповидных) височных колец с заходящими концами [89]. Это своеобразные кольца VIII — начала X в. Они обнаружены в курганах на Витебщине близ деревень Рудня и Глинище под Полоцком, Дорохи в Городокском районе, на Смоленщине возле деревень Слобода, Акатово, а также на селище у д. Гнездово близ Смоленска, городище Камно подле Пскова, городище под Великими Луками, т. е. на той территории, где происходило формирование полоцких, смоленских, псковских кривичей.

На берегу Богинского озера близ д. Устье при исследовании трех курганов в большом курганном могильнике Ф. В. Покровский нашел пластинчатые височные кольца, крупные стеклянные глазчатые бусы, орнаментированные белыми прожилками, и бронзовое украшение, состоявшее из спиральки, соединительного звена (цеподержателя) с тремя круглыми отверстиями и двух подвесок [90]. Прототипами таких литых из бронзы соединительных звеньев X — начала XI в. были цеподержатели, сделанные из проволоки, наподобие очковых подвесок, распространенные у латгалов. Украшение VII—IX вв. с очковидным держателем, на котором были две трапециевидные подвески, найдено на городище Язно Миорского района [91].

Материалы из раскопок курганов делают еще более колоритной картину процесса освоения славянами территории Подвинья. Браслав был одним из пунктов, возникших в итоге славянской колонизации края. Из этих мест кривичи проникали далее, в нижнее Подвинье.

6. ЦЕНТРЫ КНЯЖЕСТВ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

На восточном побережье Балтийского моря проживали древнелатышские племена, соседствовавшие с полоцкими кривичами. В Восточной Латвии есть могильники с длинными, удлиненными, круглыми курганами, принадлежавшими этнически смешанному населению из латгалов, финно-угров, кривичей, новогородских словен [92]. Ливы, латгалы и, вероятно, литовцы издавна платили дань полоцким князьям и поставляли им вспомогательное войско [93]. В «Рифмованной хронике» сообщается, что земли селов, ливов и латгалов были подвластны Руси [94]. Вся территория вдоль Западной Двины была подчинена Полоцку [95]. В начале XIII в. германские феодалы приступили к завоеванию Восточной Прибалтики. Прибалтийское население при поддержке соседних русских княжеств оказывало им упорное сопротивление. В нижнем течении Западной Двины (Даугавы) существовали укрепленные пункты Кукенойс (Kukenoys) и Герсике (Gercike), в которых правили вассалы полоцких князей.

Кукенойс располагался на правом берегу Западной Двины при устье ее притока Персе (ранее Кокна), в 246 км от Полоцка. Кукенойс упоминается в «Хронике Ливонии» в 1205 г., когда там княжил Вячко (Вячеслав, в латинской транскрипции Vetseke) [96]. Было бы интересно выяснить его родословную. Существует предположение, что Вячко происходит из династии полоцких князей [97], но этот вопрос окончательно не решен.

В 1206 г. Вячко принял участие в походе полоцкого князя Владимира против немецких рыцарей. В 1208 г. меченосцы напали на Кукенойский замок, схватили Вячко и заковали в цепи. Затем Вячко снова получил Кукенойс, но положение его было ненадежное. Вячко сжег замок и с дружиной в 200 человек перешел в русские земли. В 1224 г. он мужественно оборонялся в Юрьеве (теперь Тарту) от нападения рыцарей и был убит.

В 1209 г. на месте сожженного Кукенойса был основан немецкий каменный замок Кокенгаузен. В его окрестностях жили латгалы и селы. В Кукенойсе находилась удобная переправа через Западную Двину и скрещивались пути, ведущие из Латгалии, западных земель Руси и Литвы в Ригу.

Археологическими памятниками Кукенойса (ныне г. п. Кокнесе Стучкинского района Латвийской ССР) являются остатки замка (детинца) площадью 0,2 га, форбурга (предградья, или окольного города) — 0,4 га и укрепленного посада — 3,6 га [98]. В 1961—1966 гг. производились раскопки экспедицией Института истории АН Латвийской ССР под руководством А. Я. Стубавса. На территории замка, форбурга и посада изучено 1128 кв. м.

Городище (замок) мысовое, с культурным слоем мощностью до 7 м. Зафиксировано 14 строительных горизонтов («слоев»), отражающих 4 этапа его заселения. Самый ранний слой рубежа н. э. со штрихованной керамикой и столбовыми конструкциями. В слоях V—IX вв.— остатки небольших срубных построек с очагами. Керамика «облитая» и глад-

костенная лепная. Найдены ножи, шилья, пряслица, дощечка для плетения поясов, железная посоховидная булавка, обугленные зерна культурных растений. С X до начала XIII в. вся площадка была плотно застроена (жилые постройки, клети, хлевы). Большинство построек срубные [99]. Есть постройки 10×9 м. Стены жилищ проконопачивались мхом, пол в них дощатый или глинобитный, а в хозяйственных постройках выстлан бревнами. Печи в жилищах глинобитные и каменные со сводами, есть и простые очаги с утрамбованными и обожженными глинобитными полами. В жилищах и вблизи них много орудий труда (ножи, топоры, скобели, сверла, шилья, зубила, напильники, тигли и др.), предметов вооружения, украшений (бронзовые и серебряные перстни, браслеты, фибулы, булавки, бусы, подвески, шейные гривны), предметов быта (гребни, ключи, замки, пряслица и т. д.). Найдены деревянный блок от горизонтального ткацкого станка (рубеж XII—XIII вв.) и деталь орудия бортничества — лезиво XI—XII вв. Обращает внимание наличие стеклянных браслетов и шиферных пряслиц. В слоях XI—XII вв. обнаружены две бронзовые подвески с изображением трезубца. Подобные подвески были ранее найдены в Латвии (Икшкилес, Саласпилс) [100]. Знаки на них похожи на те, которые были у Владимира Святославича, Ярослава Мудрого и полоцкого князя Изяслава [101].

В форбурге вскрыта площадь 483 кв. м при мощности слоя до 6,5 м, который делится на 11 горизонтов: 6 верхних относятся к периоду существования каменного замка, 5 нижних — к XI — началу XIII в. Форбург возник около 1000 г. Нижние горизонты представлены остатками деревянных построек [102]. Наружная и внутренняя поверхности рубленых стен иногда отесаны. Возле жилой постройки обнаружена завалинка. На территории Латвии такая деталь больше нигде не встречена, в то время как в городах Киевской Руси, включая Полоцк и Минск, она встречалась. Жилища XI в. меньшие, чем в XII — начале XIII в. Более ранние жилые постройки (3,9×4 м) в плане почти квадратные, среди жилищ конца XII — начала XIII в.— прямоугольные срубы (4,2×5, 1 м). В 9 горизонте вскрыта комплексная застройка; жилые дома вместе с хлевом и загоном для скота принадлежат отдельному хозяйству [103]. В форбурге много вещей XI—XIII вв.: орудий труда (косы, серпы, скобели, шилья, сверло, ножницы), предметов домашнего обихода (замки, ключи, костяные гребни). Изделия из дерева: посуда точеная на токарном станке, веретена, лопата для выпечки хлеба, кочерга, детали маслобойки, части ткацкого станка, щетка для расчесывания льна с железными зубьями, туесы из луба и бересты. Многочисленные украшения, преимущественно женские: бронзовая шейная гривна с уплощенным концом и трапециевидными подвесками, лентовидные и спиральные браслеты браслеты со звериными головками, подковообразная фибула, железные посоховидные булавки, бронзовые бубенцы, спиральные перстни, витые и прочие кольца, цепочки, бронзовые и янтарные подвески. Предметы культа: бронзовый крестик, подвески-амулеты (зубы медведя, волка). Как и в детинце, здесь найдены наконечники стрел и копий, шпоры. Фрагменты грубых и тонких тканей характеризуют технику прядения и ткачества. В слоях XI—XIII вв. была мягкая обувь (поршни, башмаки) из хорошо выделанной кожи. Некоторые башмаки украшались вышивкой из ниток, а иногда бронзой. Импорт составляют стеклянные браслеты, перстни, бусы, шиферные пряслица, раковина каури, ткань со стилизованными мотивами птиц и растений, которая, как считает Э. С. Мугуревич, привезена со Среднего Востока или низовьев Волги. Привозной бы-

Рис. 24. Герсике. *1—3* — бронзовые изделия XI в.; *4* — бронзовый крест XII в.

ла амфора, найденная в форбурге [104]. Особое значение имеет свинцовая вислая печать с изображением св. Софии. Вероятно, печать принадлежала матери Евфросиньи Полоцкой [105].

Материалы раскопок свидетельствуют об этнически смешанном населении города из славян (русских) и местных балтов (латгалов и селов) [106]. Кукенойс находился в тесных экономических связях с близлежащими Полоцкой, Новгородской, Смоленской землями.

Герсике — второй важный укрепленный пункт, где в начале XIII в. княжил Всеволод (Vissewalde). Здесь располагались резиденция князя, его дружина, православные церкви. Немецкие рыцари в 1209 г. достигли границ Герсикского княжества и неожиданно напали на Герсике. Войско ограбило город, «захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра» [107]. Замок был сожжен. После смерти Всеволода (около 1230 г.) город Герсике окончательно перешел в руки епископа и ордена меченосцев [108].

Город лежал на правом берегу Западной Двины, в 180 км от Полоцка, в 2 км от современного населенного пункта Ерсика (ныне Прейльский район Латвийской ССР). Городище возвышается над рекой на 14 м. Площадка имеет неправильную овальную форму (70×100 м). Севернее находится посад (750×200 м) [109].

На городище в 1939 г. производились раскопки под руководством Ф. Балодиса, исследовано 600 кв. м. Зафиксировано 10 строительных горизонтов (напластований) эпохи средневековья. Наиболее ранний из них, по Ф. Балодису, относится к X в., когда были произведены значительные работы по изменению рельефа горы. Склон, обращенный к Западной Двине, был выше. Вала еще не существовало. В IX строительном горизонте обнаружены сваи для скрепления бревен изгороди со стороны реки. На этом уровне найдены литые бронзовые крестики. Остатки VIII строительного горизонта говорят об интенсивной жизни на городище. Его площадка была расширена и было возведено земляное укрепление. Этот горизонт Ф. Балодис датирует XI в. Постройки погибли от пожара. VII и VI строительные горизонты существовали непродолжительное время. V горизонт представлен остатками деревянной постройки 7,5×3,5 м с очагом. В IV горизонте раскопана большая постройка (6×7 м) с двумя печами. В застройке III горизонта отмечены изменения: была застроена середина площадки городища. Здесь обнаружены остатки построек с печами, которые использовались ювелирами. II горизонт относится к первой четверти XIII в. Расчищены остатки постройки (7,5×6 м) с тремя помещениями. Зафиксированы еще 10 построек. Некоторые из них

служили мастерскими ремесленников. После разгрома Герсике рыцарями в 1215 г. жизнь на городище возобновилась. Первый, самый верхний горизонт Ф. Балодис относит к 1214—1239 гг.[110] Здесь наряду с вещами, распространенными в Восточной Прибалтике, попадались предметы, типичные для Древней Руси. Обнаружено 15 крестиков. Топография таких находок указывает на первоначальные районы распространения православия на территории Латвии начиная с XI в.[111]

Разведочные раскопки траншеями производились также на посаде, заселенном в XI—XII вв. Затем жизнь здесь возобновилась в XIV в., о чем свидетельствуют находки XIV—XVII вв.

Недалеко от городища и посада находится могильник X—XII вв., на котором были произведены значительные раскопки в 1939 г. Погребения грунтовые, трупоположения, мужские захоронения часто лежат головой на восток. Инвентарь (женские украшения) типично латгальский[112]. Есть крестики и две круторогие лунницы, характерные для славянского населения.

История Герсике восходит к X в. В XI—XII вв. на городище возводятся укрепления. Рядом возникает город. Герсике становится центром ремесла и торговли.

На примере Кукенойса и Герсике можно видеть попытку княжеской древнерусской колонизации земель в нижнем течении Западной Двины. Здесь возникли города со смешанным населением, они находились в зависимости от Полоцка. Очень возможно, что в Кукенойсе и Герсике обосновались представители полоцкой княжеской династии со своими дружинами и находились здесь до появления немецких рыцарей.

Глава III

ГОРОДА ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА МЕНКЕ

Археологические памятники в верховье Птичи стали привлекать внимание после выхода в свет второго издания «Малой Советской Энциклопедии», где в статье о Минске было сказано: «Минск известен с XI в. Вначале он находился на реке Менке, в 1066 г. был разгромлен, сожжен киевским князем Изяславом и перенесен на реку Свислочь» [1]. По-видимому, автором статьи был академик А. Н. Ясинский. Во всяком случае, по свидетельству В. Р. Тарасенко, аргументация о перенесении Минска с Менки на Свислочь при Немиге содержалась в специальной работе А. Н. Ясинского «Менск — Немига — Дудутки». Она не была опубликована, а рукопись, хранившаяся в Институте истории Академии наук БССР, погибла во время Великой Отечественной войны. У К. М. Поликарповича осталось резюме статьи, сделанное им в 1937 г., которым пользовались позже исследователи, писавшие о Минске [2].

В. Р. Тарасенко в 1945—1951 гг. открыл и исследовал культурный слой периода Киевской Руси в замчище на Свислочи, что, казалось, опровергало гипотезу А. Н. Ясинского. Однако и после этого высказывались суждения о зарождении Минска на Менке [3]. Когда стали известны итоги широких раскопок на Менке, В. Р. Тарасенко писал, что гипотеза о перенесении Минска во второй половине XI в. может подтвердиться [4].

Предположение о перенесении города с Менки в верховьи Птичи на Свислочь при Немиге можно подкрепить пятью основными аргументами. Во-первых, в летописи под 1067 г. мы находим первое упоминание о Минске. Там сказано: «Начал междоусобную войну Всеслав Брячиславич полоцкий и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в сильную стужу. И подошли к Минску и меняне затворились в городе. Братья же взяли Минск и перебили всех мужчин, а женщин и детей захватили с собой как военную добычу, и пошли к Немиге и Всеслав пошел к ним навстречу. Они встретились на Немиге 3 марта; и был снег великий, и войска пошли друг на друга. И был бой жестокий, и много людей пало, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод. Всеслав же обратился в бегство» [5]. В «Слове о полку Игореве» повествуется о битве на реке Немиге («Немизе кровави брезе») [6]. Вероятно, это та самая река, над бывшим руслом которой сейчас проходит улица Немига в Минске [7]. Если бы Минск в 1067 г. стоял, где он расположен ныне, то Ярославичам не было смысла идти из города к Немиге, чтобы встретиться с войском Всеслава, ибо они и так находились бы на Немиге. Значит, Минск, по-видимому, располагался в другом месте.

Во-вторых, на территории наиболее древней части Минска на Свислочи отсутствуют признаки посада XI в. и, следовательно, города здесь не могло быть.

В-третьих, древнее название города Меньск (Менеск) происходит от наименования р. Мень (Мена, Менка) [8], а такая река протекает в 16,7 км от Минска.

В-четвертых, П. Г. Любомиров, обобщая данные о кладах куфических монет, пришел к выводу: «Средоточие трех больших кладов от 399 (из которых было 92 целых дирхемов) до 500 монет с 816 года и по конец X в. в небольшом районе около Минска, в верховьях Птичи... заставляет предполагать налаживавшееся с IX века создание здесь крупного центра» [9]. Клады найдены недалеко от городища на Менке. Один — близ д. Новый Двор в 3 км от городища выше по Птичи (бывшая Старосельская волость). Он был зарыт около 1000 г. Второй клад — у д. Лецковщина (Ленциковщина) в 7 км от городища ниже по Птичи. Он содержал куфические монеты, чеканенные в промежуток времени с 816 по 911 г. Третий клад найден «около Минска в имении графа К. Гуттен-Чапского в 1894 г.» Он содержал 500 дирхемов [10]. Одна монета — саманидский дирхем 904 г. Топография кладов еще раз подтверждает существование, во всяком случае в X — первой половине XI в., в верховьях Птичи важного торгового центра. Таким центром, судя по археологическим памятникам, мог быть только населенный пункт на Менке.

В-пятых, именно на Менке (ныне почти пересохшей), в 2 км от впадения ее в Птичь, располагается археологический комплекс [11]. Он находится юго-западнее Минска на окраине д. Городище.

Городище лежит на правом берегу Менки при впадении в нее ручья Дунай (рис. 25). Оно относится к типу мысовых, с напольной стороны окаймлено рвом, ныне заплывшим. По существу здесь два смежных городища — малое (80×16 м) и большое (110×80 м) общей площадью до 1 га. Городище обнесено валами высотой (снаружи) 8—10 м, а местами 12 м. Они окружают три площадки. Первая площадка малого городища выше остальных. Вторая площадка составляет основную территорию большого городища и имеет наклон в северном направлении. Третья площадка примыкает ко второй с севера и ниже ее на 8—9 м. Городище имеет три входа: первый — близ северо-восточного угла — ведет из нижней площадки к Менке, второй находится рядом. Здесь заметны остатки кирпичных пилонов ворот, через которые проходит дорога из деревни к центру городища, где недавно находились остатки деревянных помещичьих построек. Дорога продолжается далее и выходит из городища через третий проход, расположенный близ юго-западного угла городища. В малое городище можно пройти только из большого.

В 1930 г. городище обследовал А. Рынейский. Остались неопубликованными материалы небольших раскопок городища А. Н. Лявданским и А. Д. Коваленей (1935 г.). В 1954 г. памятник изучал А. Г. Митрофанов (I и II раскопы). На малом городище произведен раскоп 60 кв. м и обнаружены остатки деревянных сооружений (угол дома с печью-каменкой) и значительное количество находок (зерно в мешке из грубой ткани, жернова, железные ножи и шилья, серп). При разборке печи найдены вещи X—XI вв.: серебряная серьга с подвеской, бусы-лимонки, сердоликовая призматическая бусина, наконечник стрелы гнездовского типа [12]. Тогда малое городище отделялось от большого расплывшимся валом. На большом городище изучено 100 кв. м. Обнаружены печь-каменка и «каменная выкладка».

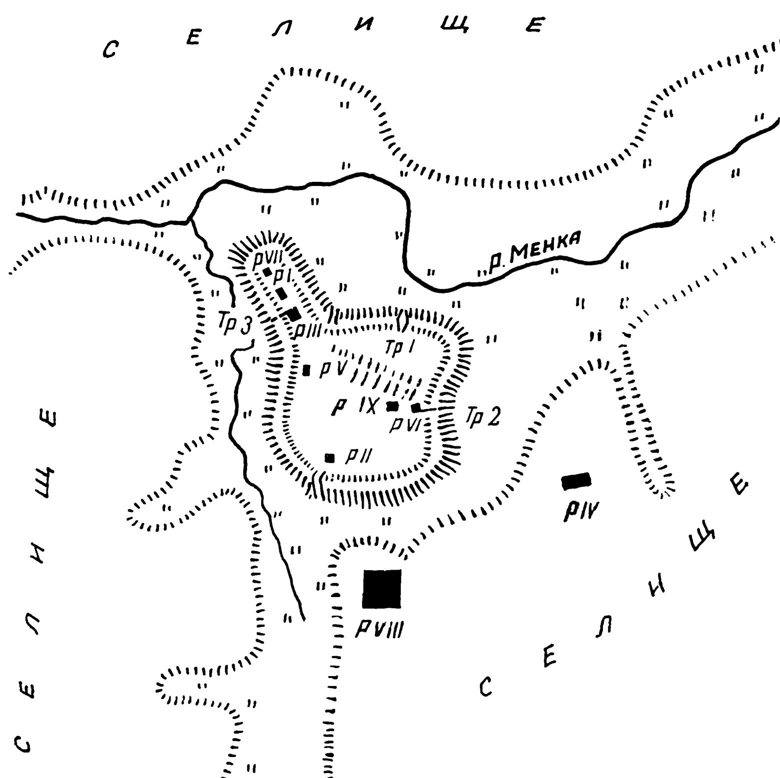

Рис. 25. Схематический план городища и селища на Менке с обозначением раскопов (I—IX) и траншей (1—3)

Экспедиция Белорусского государственного университета под руководством Э. М. Загорульского проводила исследования в 1963 г. на малом городище (III раскоп), в 1964 г. на селище (IV раскоп), в 1967 г. на обоих городищах (V, VI, VII раскопы). За все годы была вскрыта площадь 700 кв. м. Э. М. Загорульский констатировал три этапа жизни на поселении. Первый, самый ранний представлен культурой штрихованной керамики на малом городище и редкими находками лепной гладкостенной керамики в южной части большого городища и на селище к югу от него. Второй этап X — первой половины XI в. хорошо представлен на территории обоих городищ и на близлежащем селище. Третий этап оставил следы строительных работ с кирпичными постройками на всей территории городища-замка. В 1967 г. на городище в связи с его приспособлением для стадиона была снивелирована поверхность бульдозером и во многих местах подрезаны валы с их внутренней стороны. В 1968 г. Загорульский произвел прорезки вала с помощью траншеи шириной 1 м на малом и большом городищах, но эти прорезки не были сквозными. Э. М. Загорульский исключает возможность зарождения Минска на Менке [13] и полагает, что в X — первой половине XI в. здесь не существовало укреплений, а валы как малого, так и большого городищ насыпаны не ранее XV в.[14]

К другому выводу пришел М. А. Ткачев. В 1969 г. он изучал вал с помощью раскопа шириной 4 м у южного входа. Как он утверждает, на

большом городище первоначально существовало неукрепленное поселение V—VII вв. Найдена лепная керамика типа Банцеровщины, фрагменты сосудов, характерных для роменской культуры VIII—X вв. По мнению Ткачева, первоначальное укрепление возведено в IX—X вв. Основное усиление земляного вала относится к XI в. У основания вала найден круговой сосуд первой половины XI в.[15] Заключение М. А. Ткачева о наличии древних укреплений на городище достаточно обосновано.

В 1976—1977 гг. на большом городище нами раскопано 168 кв. м, толщина культурного слоя — от 1,2 до 1,8 м (рис. 25, *IX*). На глубине 1 м и более местами сохранился древний слой со следами пожаров. В нем были раннекруговая керамика, обломок серпа, 2 бронзовые лировидные пряжки, шиферное пряслице, кусок необработанного шиферного сланца, 2 наконечника стрел, аналогии которым XI в. известны из Волковыска [16], а также днище со знаком трезубца и 86 обломками амфор от нескольких экземпляров.

Особого внимания заслуживают обнаруженные на городище 8 днищ от горшков с клеймами в виде знаков Рюриковичей — трезубцев. На днищах изображен знак, похожий на знак Владимира Святославича (рис. 53, *16*), подобный трезубец был у его сына полоцкого князя Изяслава [17]. Вопрос о таких клеймах на гончарных изделиях обстоятельно изучен Б. А. Рыбаковым. Он писал: «На многие сотни деревенских клейм не приходится ни одного клейма с рисунком княжеского знака. Только в городах, и притом в старых княжеских городах, упоминаемых на первых страницах летописи, встречаются княжеские гербы в качестве клейм гончаров» [18]. Керамические клейма этого характера известны из Киева, Галича, Вышгорода, Вщижа, Старой Рязани, Колодяжина и других мест [19]. Обнаружение большого числа посуды со знаками Рюриковичей может свидетельствовать о пребывании на Менском городище княжеской знати. Надо думать, поселение имело существенное значение в раннефеодальный период истории районов южного порубежья Полоцкой земли. В нашем раскопе на площадке городища в верхних пластах было много изразцов с зеленой поливой и обломков сосудов XVII в.

Поселение на Менке, остатки которого хорошо прослеживаются повсеместно вокруг городища, следует считать не совсем обычным явлением. Другого такого большого раннефеодального селища в Белоруссии не сохранилось. О том, что на Менке на значительной площади встречается масса керамики X—XI вв., мы имели случай сообщить на конференции в 1966 г.[20] В 1969—1971 гг. неоднократно обследовалась местность возле городища и по наблюдению за культурным слоем во время пахоты на основе массового керамического материала и других находок определена площадь селища. Естественными условиями местности оно разделяется на три части. На юг и восток от городища селище тянулось на 500 м и в ширину составляло приблизительно 150 м. Площадь—7 га. На запад от городища культурный слой с керамикой XI в. прослеживается вдоль Менки на 400 м при ширине участка до 300 м. Площадь 10 га. Вдоль левого берега Менки на территории современной деревни селище простирается на 900 м, ширина 200 м. Общая площадь древнего поселения вокруг городища не менее 30 га.

В 1975 г. Полоцко-Минский отряд экспедиции Института истории АН БССР произвел раскопки на селище южнее городища. Раскоп 30×30 м располагался на пашне на берегу ручья Дунай. Мощность культурного слоя от 0,4 до 1,2 м, учитывая ямы в материке, которых расчищено свыше 90 (рис. 55). Ямы хозяйственного назначения. Большинство ям датиру-

ется концом X—XI вв., иные более ранние. В малой ямке у самого края раскопа был раздавленный лепной сосуд IX—начала X в. (рис. 2, *6*). Семь ям выделяются своей формой и размерами (№ 18, 20, 39, 41, 53, 83). Их глубина 0,6—0,8 м. Некоторые ямы прямоугольные, их площадь 8—9 кв. м, стенки вертикальные, похожи на углубленные в твердый материк жилища (полуземлянки). Но в них нет явных признаков печей.

Прямоугольная яма № 20 имеет размеры 2,5×3,5 м. Она заполнена культурным слоем темной окраски, насыщенным кусками обожженной глины. Здесь были керамика XI в., железные изделия (дужка от ведра, 2 ножа, часть удил), а также костяная шахматная фигурка коня (рис. 43, *3*).

На месте большой ямы (№ 6) XI в. прослеживались перекопы XVI в. Обнаружены древесная труха, глина, обломки горшков, куски глиняной обмазки, оселок из сланца, нож, железная подковообразная фибула X—XI вв., кусочек стекла и железный молоток-гвоздодер со сверлом на конце рукояти XVI в., которые известны в Новгороде [21].

В культурном слое остатков деревянных сооружений не прослеживается, но зафиксировано 8 кострищ. В поперечнике они имели от 0,5 до 1 м, где находились закопченные камни, зола, уголь, кости животных, птиц, керамика.

Почти повсеместно в культурном слое XI в. на глубине 0,2—0,4 м обнаружены скелеты людей. Они повреждены вспашкой, поэтому трудно судить о их первоначальном положении. Судя по черепам, можно говорить о 18 скелетах женщин и детей. Кости плохо сохранились, по виду древние. Иногда от скелетов прослеживаются только следы. Вещей при скелетах нет. Четыре скелета, лежавшие близко к материку, сохранились в анатомическом порядке, ориентированы на запад.

Основным материалом, обнаруженным при раскопках, служит керамика. Лепной керамики немного — 30 обломков второй половины I тыс. н. э., один раздавленный горшок, напоминающий сосуды из длинных курганов (рис. 2, *6*). Три обломка сковородок с низкими стенками (рис. 26, *1, 2*). Лепная керамика встречена в ямах № 6, 9, 54, 59, 61, 64, 68, 70, 81.

Круговой посуды большое количество (свыше 10 тыс.). Верхних ее частей учтено свыше 2400 шт. (рис. 27). К первому типу (151 экз.) относятся горшки архаической формы со слабо отогнутым простым венчиком и покатыми плечиками X в. Они составляют 6,2% от всего количества керамики. Отличительная черта горшков второго типа — сложно профилированные отогнутые наружу венчики с карнизиком (1987 обломков и 6 сосудов, сохранившихся целиком). Этот тип керамики количественно преобладает (81,4%). Как правило, горшки орнаментированы линиями, прочерченными вокруг тулова, начиная от плечиков и до придонной части сосуда. По классификации керамики из нижнего горизонта Новогрудка и курганов Белорусского Понеманья, произведенной ленинградскими археологами, такой тип керамики бытовал с конца X в. на протяжении XI в.[22] Третий тип сосудов с вертикальным горлом немногочислен (1,7%) и обычно датируется XII в., но на Менке он сосуществует с керамикой второго типа. Четвертый тип керамики, распространенный в городах Полоцкой земли в XII — первой половине XIII в., на Менском поселении редкий — 1,4%. Пятый тип сосудов характерен для XIV—XVI вв. и на данном памятнике составляет 9,3%.

Стенок от горшков 7824. На них линейный орнамент (узкий частый,

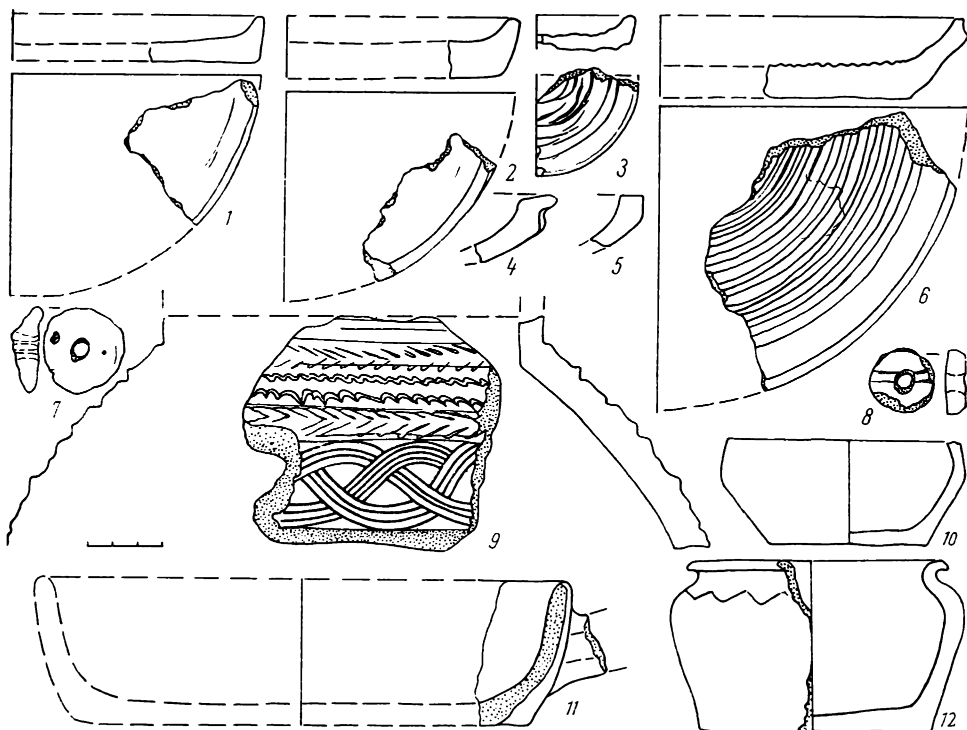

Рис. 26. Керамические изделия с поселения на Менке. *1*, *2* — лепные сковородки; *3—6* — круговые сковородки X—XI вв.; *7*, *8* — пряслица; *9—12* — сосуды

узкий редкий, широкий редкий, широкий частый). Волнистый орнамент почти отсутствует. Днищ от горшков свыше 600, из них с клеймами 35 (рис. 53, *1—7, 11*). Примерно 70 обломков от глиняных сковородок, изготовленных на гончарном круге. У многих изнутри линейный орнамент (рис. 26, *3—6*). Единичными экземплярами представлены глиняные миски (рис. 26, *10*). Среди керамического материала преобладает посуда конца X—XI вв., крайне мало керамики XII—XIII вв., немного посуды XIV—XVI вв. и несколько обломков печных изразцов XVI—XVII вв.

Найдены 5 глиняных усеченно-биконических пряслиц, аналогичных пряслицам X—XI вв. из Витебска и Лукомля. Каменных пряслиц 7 (6 из розового и 1 из серого шифера).

Разнообразны изделия из железа: ключи (7), подковообразные фибулы со спиральными концами (11), иглы от фибул (6), калачевидные кресала (5), наконечники стрел (3), ножи (63), гвозди (31), узкие обручи от ведер (8), дужки от ведер (7), ушки к ведрам (5), скобы (6), детали удил (5), сковорода, обломок втульчатого наконечника копья. Двушипный наконечник стрелы (рис. 44, *1*) был в яме № 30, пирамидальный четырехгранный наконечник (рис. 44, *2*) — в яме № 66, кресало (рис. 44, *4*) — в яме № 52, ключ от накладного деревянного замка (рис. 44, *8*) — в яме № 38.

Изделия из цветных металлов представлены украшениями. В яме № 52 были два височных кольца: одно с загнутым концом (рис. 28, *12*), второе — разомкнутое — имеет две бусины, изогнутых из проволоки (рис. 28, *15*). Третье, более крупное кольцо с закрученным наружу кон-

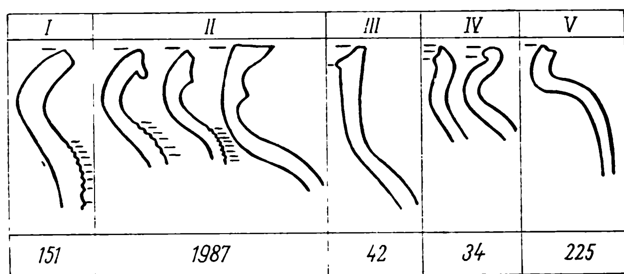

Рис. 27. Классификация круговой керамики с поселения на Менке (раскопки 1975 г.)

цом изготовлено из биллона. Круглое выпуклое изделие с отверстиями по краям, вероятно, служило украшением для сбруи (рис. 28, *14*).

Предметов из кости немного. Кроме четырех примитивных проколок, найдено изделие, похожее на кочедык (рис. 7, *2*). Наличие трех отверстий на его тупом конце позволяет предполагать, что оно могло служить для наматывания ниток на иглицу, с помощью которой плетут сети, представление о чем дает этнографический материал. Аналогичные предметы с остриями, тупой конец которых обработан в виде головы зверя, найдены в погребениях X в. в Киеве[23].

Обнаружены стеклянные бусы, типичные для слоев X — первой половины XI в. Полоцка, Витебска, Лукомля, крупные глазчатые бусы (2), лимонки (7), лимоновидные синие (2) (рис. 50, *8—20*). Стеклянных браслетов нет, что объясняется отсутствием на Менке напластований XII—XIII вв. В культурном слое было три каменных клиновидных топора эпохи бронзы.

Из вещей, имеющих отношение к сельскохозяйственным занятиям населения, найдены только обломки косы и серпа. Больше данных о занятиях ремеслом. Единообразие по форме и орнаменту огромного количества горшков конца X—XI вв. говорит в пользу их местного производства. Это подтверждают также гончарные клейма (рис. 53, *1—7, 11*), о чем будет сказано ниже. На Менке встречены отходы от изготовления пряслиц из розового шифера и брак производства (рис. 49). В ювелирном деле употреблялись глиняные льячки. Ремесленники пользовались долотами (2), шильями (6), брусками-оселками (14).

Костные остатки животных из раскопок 1975 г. изучала В. В. Щеглова (1774 экз. от 415 особей). Определены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, собаки, а также зубра, лося, косули, оленя, кабана, медведя, лисицы, бобра, зайца. Подавляющее большинство остеологического материала (83% от общего числа особей) составляют остатки домашних животных. Среди них преобладают кости крупного рогатого скота и свиньи. Обращает на себя внимание значительное число костей лошади (242 костных остатка от 58 особей, из них 180 костей из ям в материке). Среди остатков костей диких животных преобладают кости лося и кабана.

Без учета многочисленного подъемного материала характеристика памятников на Менке будет неполной. Учитель истории Городищанской средней школы С. П. Еремчук собрал с учащимися коллекцию древних предметов на вспахиваемых полях и огородах. Найдено свыше 100 бусин X—первой половины XI в.: стеклянные — лимонки (26 экз.), лимоновидные синие (12), зонные синие (12), золоченые многочастные (2), ребрис-

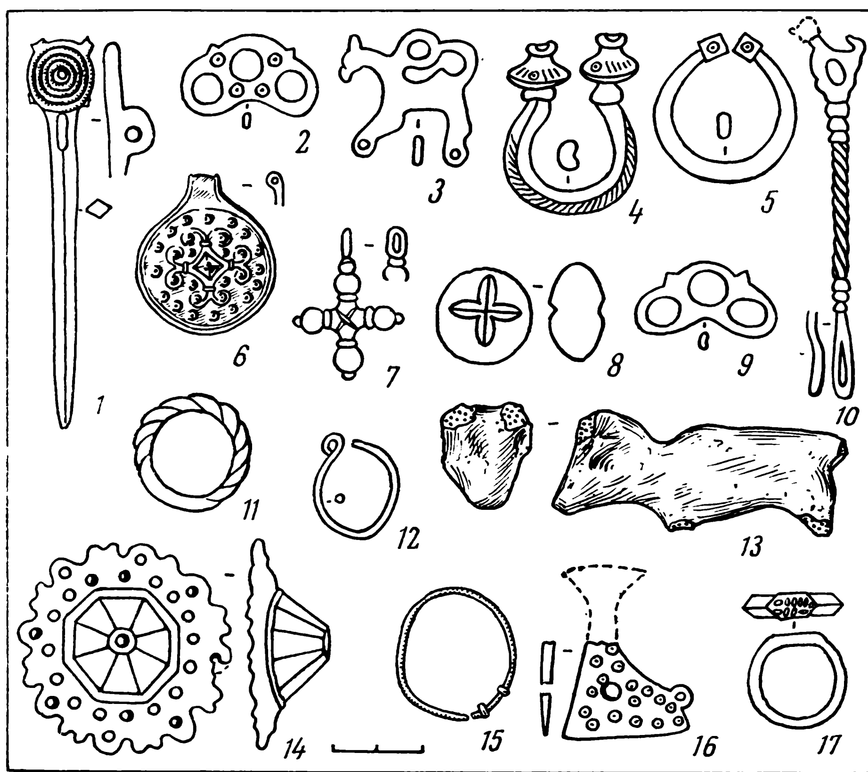

Рис. 28. Поселения на Менке. *1—12*, *14—17* — изделия из бронзы; *13* — глиняная фигурка животного

тые желтые (3), ребристые синие (4), глазчатые рельефные, крупные черные с белыми полосками и красно-сине-желтыми глазками (3), черные с белыми полосками, похожие на глазчатые, но без глазков (5), мозаичная голубая с желто-красными глазками, серебреная лимоновидная; сердоликовые — призматические (3), четырнадцатигранные (3), биконическая, бипирамидальная; шиферные (красные) призматические (2) (рис. 50, *8—20*) [24]. Одна бусина призматическая из синего стекла с белоромбическими вставками, такие бусы известны в курганах X — начала XI в.[25] Во второй половине X в. они были в Новгороде [26].

Особый интерес представляют бронзовые изделия. Детали с тремя круглыми отверстиями служили соединительными звеньями украшений, состоявших из нескольких частей (рис. 28, *2, 9*). Аналогию можно указать в инвентаре курганных могильников X в. на Браславщине, где такая деталь была вместе с подвешенными к ней украшениями [27], а также в Радзесском грунтовом могильнике в Латвии [28].

Бронзовый амулет-топорик с поселения на Менке украшен кружками с точкой в центре (рис. 28, *16*). Такие подвески найдены в ряде пунктов Древней Руси и в странах Северной Европы. Наиболее близкая аналогия известна из могильника XI—XII вв. в бывшей Владимирской губернии [29]. Амулеты-топорики у древних славян были связаны с обрядами, посвященными Перуну, а кружки — общеупотребительные солярные символы (начиная с бронзового века) [30].

Найдены другие бронзовые изделия: конек, монетовидная подвеска, орнаментированная зернью, два перстня (на щитке одного заметны какие-то черточки, второй свернут в несколько оборотов), большая фибула, крестик с утолщенными концами, бубенец с крестообразной прорезью, подковообразная фибула с квадратными головками (рис. 28, *5*). Миниатюрная подковообразная фибула с маковидными головками (рис. 28, *4*) имеет аналогию в Литве (X—XI вв.) [31].

На Менке обнаружен фрагмент булавки с крестовидной плоской головкой (сверху обломана), украшенной концентрическими кругами (рис. 28, *1*). Крестовидные булавки широко распространены на территории Литовской ССР [32]. Приблизительная аналогия есть в земгальском могильнике Межотне. В Латвии этот тип украшений датируется X в., изредка — XI в.[33]

Уховертка с навершием в виде фигурки собаки сохранилась целиком (рис. 28, *10*). Но в отливке получился брак (у собаки нет головы). Подобная бронзовая поделка (с отломанным концом) известна из Новогрудка [34]. Не вполне понятно назначение небольшого уплощенного круглого изделия весом 29 г., отлитого из бронзы и имеющего с обеих сторон крестообразные углубления (рис. 28, *8*). Возможно, это гирька для весов.

Среди подъемного материала 2 втульчатых наконечника копья, 2 наконечника стрел, 3 сошника, 2 обломка серпов, 10 ножей, калачевидное кресало, обломок узколезвийного топора, 2 ключа с пустотелым стержнем от неподвижного (нутряного) замка XI в., ключ с заостренным стержнем от нутряного замка более позднего типа (XII—XIII вв.), 23 глиняных пряслица усеченно-биконической формы, 44 пряслица из розового шифера, 2 пряслица из серого шифера.

Любопытны 6 плоских кружков, вырезанных из черепков круговой посуды, которые выполняли роль пряслиц. На одном кружке следы линейного орнамента (рис. *26, 8*). Диаметр изделий до 3 см, толщина 0,5 см, диаметр внутреннего отверстия 0,5 см. Подобные пряслица, но с большим отверстием есть на славянских городищах IX—X вв. в Подонье [35].

На селище найдена лепная посуда, край венчика которой орнаментирован отпечатками палочки, обмотанной веревочкой. Фрагмент тарной неполивной керамики украшен плетенкой, проведенной четырехрядной гребенкой (рис. 26, *9*). Из глины вылеплена небольшая фигурка животного (рис. 28, *13*).

Об огромном скоплении курганов в верховьях Птичи свидетельствует список памятников бывшего Минского уезда, опубликованный Р. Г. Игнатьевым [36]. Множество их было вдоль старой Койдановской дороги, проходящей недалеко от городища на Менке. В 1925 г. И. А. Сербов исследовал 10 курганов близ д. Рыловщина (ныне Дружба) и 9 насыпей в двух курганных группах около д. Петровщина. Курганы датируются концом X—XI вв. и принадлежали потомкам дреговичей, о чем свидетельствуют находящиеся в составе женских ожерелий металлические зерненые бусины [37]. В погребениях были горшки того типа, который составляет абсолютное большинство керамики поселения на Менке. Четыре таких кургана X — начала XI в. исследованы в могильнике возле д. Дворище (1977 г.).

Археологические материалы убедительно доказывают, что в X в. на Менке в густо заселенной местности существовал значительный центр округи, достигший расцвета в первой половине XI в. Необычно большие

его размеры по сравнению с другими поселениями X—XI вв. Полоцкого, Туровского княжеств и других соседних земель, состав находок, обнаружение вблизи него трех кладов куфических монет X — первой половины XI в. позволяют видеть в нем важный населенный пункт на водоразделе бассейнов Немана и Припяти. Возможно, это был известный по летописи Меньск. Во второй половине XI в. или к концу столетия жизнь на Менке почти прекратилась. Одной из причин оставления людьми этого места могло явиться обмеление р. Менки, что вызвало недостаток воды. Быть может, произошло изменение направления торговых путей. Не исключено влияние последствий военного разгрома или эпидемии.

2. МИНСК НА СВИСЛОЧИ

С. М. Соловьев обратил внимание на то, что в числе племен, покоренных Олегом, не упомянуты дреговичи. Нет их и в перечне союзов племен, участвовавших в походе Олега на Царьград в начале X в., где названы кривичи и их город Полоцк. На этом основании историк полагал, что «дреговичи были еще прежде покорены из Полоцка тамошним державцем, по крайней мере северная их половина; вот почему княжество Минское, образовавшееся в их стране, принадлежало к Полоцкому» [38]. Такое мнение, по-видимому, соответствует действительности.

На Минск неоднократно совершали походы южно-русские князья. Общая причина борьбы коренилась в самой природе феодализма. Трое сыновей Ярослава Мудрого, борясь с полоцким князем Всеславом, предприняли в 1067 г. поход на Минск, разгром которого ослаблял Всеслава. В своем «Поучении» Владимир Мономах при изложении событий, происходивших в 1084 г., когда он был черниговским князем, пишет, как он с черниговским войском и половцами-читеевичами «изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» [39]. В результате повторного разгрома города «меняне», можно полагать, извлекли урок и построили новый город в более удобном для обороны месте — на Свислочи, сохранив за ним старое название Меньск.

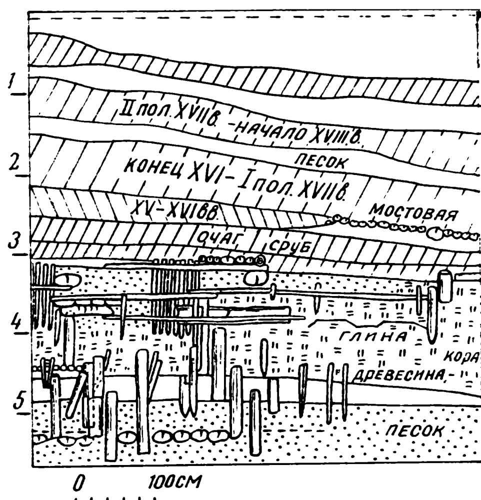
В начале XII в. Минск становится центром отдельного княжества, где первым князем был сын Всеслава Брячиславича Глеб Всеславич. В первой половине XII в. значительно возрастает роль Минска как крупного города [40]. По мнению В. И. Пичеты, «наблюдались попытки объединить Полоцко-Минскую Русь, исходившие из Минска и из Полоцка, но они приносили лишь кратковременный успех» [41]. Во второй половине XIII — первой четверти XIV в. Минск оказался в составе Великого княжества Литовского.

Важнейший археологический памятник Минска — замчище. В прошлом на него вместе с Низким рынком, а также с Троицкой горой, Татарским и Раковским предместьем распространялось название «старый город» [42].

На замчище производились основные археологические исследования (раскопки В. Р. Тарасенко 1945—1951 гг. и Э. М. Загорульского 1958—1961 гг.). За 12 лет вскрыт культурный слой площадью 1760 кв. м. Мы остановимся на отдельных проблемах изучения Минска на Свислочи, которое возобновлено экспедицией Института истории АН БССР в 1974 г.

До сих пор остается малоосвещенным вопрос о датировке напластований замчища. Некоторое представление о стратиграфии и хронологии памятника можно составить по материалам, опубликованным в 1957 г.

Рис. 29. Разрез участка культурного слоя на замчище в Минске (раскопки 1949 г.)

В. Р. Тарасенко. Чередование культурных наслоений на замчище четко выявляется на участке раскопа, где в нижнем слое открыт фундамент храма. На уровнях от 2 до 2,25 м и от 2 до 2,75 м залегала каменная мостовая XVI в., а ниже нее — четыре бревенчатых настила. Уровень первого (верхнего) настила от 2,75 до 3,75—3,78 м. Уровень второго настила от 2,8—2,85 до 3,81—3,84, третьего от 2,95—3,0 до 3,87—3,95 м и, наконец, четвертого от 3,15—3,20 до 3,74—3,97 м. Колебания в высотах четырех настилов объясняются падением уровня древней поверхности к юго-западу. «Большая часть обломков стеклянных браслетов (278) и шиферных пряслиц (37) приходится на слой между третьим и четвертым сверху настилами, а также на слой ниже четвертого сверху настила, остальные (164 браслета и 13 пряслиц) — между первым и вторым, и только два обломка стеклянных браслетов, видимо, случайно оказались выше первого настила»,— заключает В. Р. Тарасенко. Четвертый настил он датирует второй половиной XII в.[43] Примерно такой датировки придерживался Э. М. Загорульский, который писал: «Время бытования стеклянных браслетов в Минске — 3-я четверть XI в.— 40-е годы XIII в.» [44]

В настоящее время установлено, что стеклянные браслеты в древнерусских городах Новгороде, Полоцке, Новогрудке, Турове, Москве появились в середине XII в. и достигли максимального распространения в канун монгольского нашествия на Киевскую Русь [45]. Местоположение стеклянных браслетов в культурном слое на участке, о котором идет речь, определяет границу домонгольских слоев замчища: она проходит приблизительно на уровне четвертого настила.

Четвертый уличный настил, ниже которого был еще коричневый слой со щепой и навозом, шел поверх фундамента храма, устроенного из камней. Такая постройка не могла возникнуть ранее начала XII в.[46]

Древнейший культурный слой толщиной 0,12 м зафиксирован на отметках 5,2—5,32 м. Он прорезался опущенным глубоко в материк фундаментом храма. В другом месте раскопа 1946—1949 гг. (в северо-восточной его части) первоначальные наслоения залегали на глубине 5,95 м. На материке обнаружены остатки легких деревянных построек столбовой конструкции, погибших от огня, выше них найдено скопление известняковых плиток, таких, какими облицовывали изнутри некоторые части стен храма. Здесь была мастерская по изготовлению плиток, а рядом яма для гашения извести («творило») площадью 25 кв. м и много валунных камней, предназначенных для строительных целей. Близ храма — слой строительного мусора, выброшенного из траншеи для фундамента. Под слоем песка в некоторых местах прослеживался тонкий культурный слой, который В. Р. Тарасенко относил к XI в.[47]

Данные о древнейших находках замчища суммировал Э. М. Загорульский [48]. В нижнем горизонте найдены трубчатые замки с Т-образной прорезью (тип А) и ключи к ним. Такие замки употреблялись в Новгороде в X—XI вв., в меньшей мере в первой половине XII в. То же самое нужно сказать о калачевидных кресалах [49]. Бронзовая пластинчатая подвеска в виде конька из Минска принадлежит к типу украшений, датируемых X — началом XIII в.[50] В том же слое, где был конек, найдена подвеска с прорезным крестом внутри. Обычная датировка таких подвесок XI—XII вв.[51] Пять подвесок найдено в детинце Мстиславля, где нет слоев, образовавшихся ранее XII в.[12] Двушипные втульчатые наконечники стрел употреблялись в Восточной Европе с VIII до середины XIII в.[53] Костяной кистень из древнейшего слоя замчища А. Н. Кирпичников датирует XII в. и относит его к группе кистеней, употреблявшихся со второй половины X по XIII в. включительно [54]. Не меняет существа дела лимонка, найденная в Минске в слое XIII в. Перечисленные выше вещественные источники имели бы свое значение для датировки древнейших горизонтов замчища второй половиной XI в., если бы эти вещи были найдены в комплексе с раннекруговой керамикой.

Нами изучена глиняная посуда из раскопок 1949 г., паспортизированная и имеющаяся также в зарисовках. В самых нижних слоях замчища найдены обломки горшков со слегка загнутым внутрь краем венчика (рис. 30, *1, 2*). Подобная керамика появляется в конце XI в. и характерна в основном для XII в.[55] На замчище есть сосуды с желобком на внутренней стороне венчика (рис. 30, *4*), которые мы относим к специфическому полоцкому типу. Изредка встречается посуда с вертикальным горлом. Основной преобладающий тип горшков — посуда с закругленным внутрь краем венчика и высокой шейкой (рис. 30, *5*), что присуще керамике XII—первой половины XIII в.

Среди материала раскопок 1949 г. сохранилось шесть обломков красноглиняных амфор. Глубины их залегания в культурном слое следующие: 3,25; 4,6; 4,95; 5,08—5,35 м (в двух последних случаях было по два обломка). Как видим, уровень залегания наиболее поздних находок амфор в данном случае почти соответствует отметкам четвертого бревенчатого настила, где, по нашему мнению, следует проводить границу домонгольских слоев. Тем самым омолаживается датировка древностей замчища, предложенная В. Р. Тарасенко, в пределах 50—100 лет. Следует подчеркнуть, что местонахождение стеклянных браслетов и амфор в культурном слое на этом участке раскопок в Минске примерно соответствует той закономерности, которая констатирована на Верхнем замке в Полоцке [56]. Но в отличие от Полоцка в Минске амфор мало на уровне максимального количества находок стеклянных браслетов. На замчище амфоры преобладают в нижних слоях, близко к материку.

В 1976 г. мы провели исследования в Минске близ раскопов В. Р. Тарасенко 1946—1949 гг. После раскопок Э. М. Загорульского в 60-е годы в восточной части замчища в результате нивелировки поверхности и строительства Дома физкультуры был срыт культурный слой на глубину 3,5 м. Нами был разбит раскоп 8×18 м с таким расчетом, чтобы привязать его к фундаменту храма и часть раскопа В. Р. Тарасенко вошла в новый раскоп. Оказалось, что в настоящее время верхняя часть фундамента храма находится на глубине 0,5 м от дневной поверхности. Близ северо-восточного его угла в прошлые годы остался неисследованным до материка один квадрат. Это совершенно ясно прослеживалось в профиле. Неразработанным оказался слой толщиной 0,6 м, выброшенный

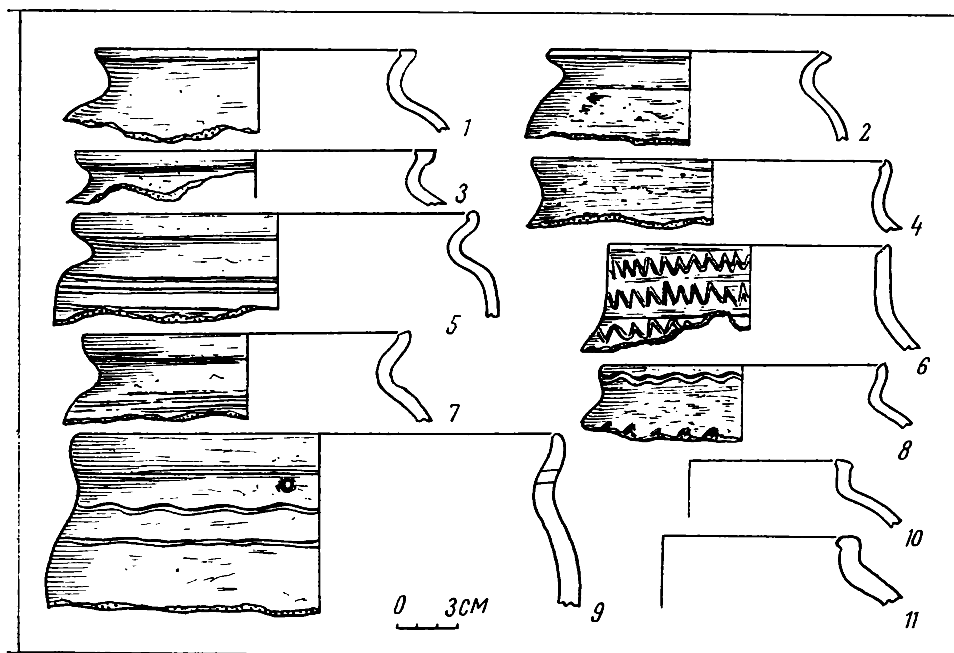

Рис. 30. Керамика с замчища в Минске (раскопки 1948—1950 гг.). *1* — с глубины 5.9 м; *2* — 5,75 м; *3*, *4*, *5*, *6* — 5,25 м; *7* — 4,7—4,9 м; *8* — 3,35—3,5 м; *9* — 2,75—3 м; *10*, *11* — 2,5—2,75 м

из траншеи для фундамента храма. Песок перекрывал самую древнюю прослойку 0,15 м пожарища, залегавшего на материке. В слое песка найдена керамика XII в., а в нижележащем пожарище — раздавленный крупный фрагмент горшка со слегка загнутым внутрь краем венчика, возможно, конца XI в. Керамика такого типа обнаружена в предматериковом слое в других местах. Она отличается от горшков, распространенных в поселениях на Менке, но топологически связывается с их более поздними вариантами. В древнейшем слое пожарища, перекрытом толстым слоем песка (выброс из траншеи), в 3 м от северной стены храма найдена бронзовая деталь подсвечника (рис. 4, *1*). Массивный четырехгранный шпиль длиной 7 см в нижней части имел прямую фигурную ножку, а в сечении почти круглую, длиной 3,5 см. Два таких изделия с укрепленными на них неглубокими медными чашечками известны из Киева. Они опубликованы без указания даты и определены как готовые подсвечники [57]. Сомнительно, чтобы на них могли устанавливаться большие свечи вследствие неустойчивости изделий, имеющих малую площадь опоры.

В 1949 г. в Минске рядом со стеной северной абсиды вне храма найдены две детали подсвечника. Составленные вместе, они образовали изделие. Верхняя часть подсвечника, заканчивающаяся шпилем с укрепленной на ней чашечкой для воска, напоминает деталь, обнаруженную в 1976 г. рядом с раскопом В. Р. Тарасенко, и, надо думать, в том же слое пожарища [58].

На основной площади раскопа 1976 г. находился крупнозернистый материковый песок, который, видимо, был в основании проходившего

здесь вала. В нижнем горизонте песка над материком прослеживается серая прослойка в 0,2 м, примечательная тем, что в ней встречаются обломки горшков XII в. и много красноглиняных амфор. Эти же материалы есть и в нижней части предполагаемой насыпи вала. Всего найдено 68 обломков амфор, в том числе их ручки, шиферное пряслице, стеклянная золоченая бочонковидная бусина, кусок янтаря, железный серп, кости лошади, быка, овцы.

В восточной стенке раскопа на глубине 1,1 м от современного уровня дневной поверхности хорошо прослеживалась прослойка извести толщиной 0,12 м. Ниже ее был культурный слой в 0,2 м, а под ним предматериковый серый слой, составлявший 0,15 м. В прослойке извести сильно деформированная в огне керамика XII в. В культурном слое, перекрытом известью, найдено много глиняной посуды, деформированной в огне. Есть верхняя часть горшка, типичного для XII в. Обнаружены семь обломков красноглиняных амфор, обломок белоглиняного сосуда с редкой зеленой поливой. В предматериковом слое была керамика, которую можно датировать концом XI — началом XII в. Прослойка извести образовалась возле ямы для гашения извести, открытой В. Р. Тарасенко в 1949 г. К раскопу были прирезаны два квадрата. В них обнаружен край раскопа и угол ямы (творила), не вскрытый им в прошлые годы, что хорошо видно из опубликованного им чертежа [59]. Творило представляло собой яму со слоем извести до 0,4—0,5 м в культурном слое. Нами вскрыто 6 кв. м этой ямы.

До закладки фундамента храма восточная часть замчища была застроенной, постройки погибли в сильном огне. Возможно, здесь была деревянная церковь, затем сгоревшая. Такое предположение можно подкрепить обнаружением деталей подсвечников, обломка колокола, найденного в 1949 г., фактом использования недостроенного фундамента храма для захоронений (место считалось святым). Каменный храм начали возводить в XII в. Если храм следует датировать первой четвертью XII в., как считает Л. В. Алексеев, то древнейшие напластования замчища могут быть отнесены к концу XI в. Однако вопросы датировки древностей замчища и локализации первоначального Минска трудно решать без сопоставления данных дендрохронологического анализа многочисленных спилов бревен из раскопок прошлых лет с опубликованными графиками исследований древесины из Новгорода, Полоцка и других древних городов, чего до сих пор не сделано.

В 1977 г. в связи с расширением русла Свислочи и благоустройством набережной нами исследована нижняя часть вала близ юго-восточного его поворота. Под валом на площади 24 кв. м залегал культурный слой толщиной от 0,1 до 0,3 м и развал печи из камней. Найдена керамика конца XI в., аналогичная более позднему варианту такой посуды из нижнего слоя городища на Менке.

Материалы раскопок замчища говорят о жизни и хозяйственных занятиях горожан в XII—XIII вв. Обнаружены инструменты ремесленников (кузнечные клещи, бородки для пробивания отверстий, точильные бруски, пинцет ювелира, литейная форма, тесла, топоры, стержень лучкового сверла, шилья, деревянные колодки-правила для шитья обуви). Хорошо представлены многочисленные предметы быта, изготовленные из железа (ножи, ножницы, замки, ключи, дверные ручки, пряжки, булавки, кресала, писала и т. д.), цветных металлов (браслеты, перстни, подвески), дерева (бочки, ведра, лопаты, вилы), кости (двусторонние гребни, рукояти ножей), кожи (обувь, ножны, пояса, кнуты), а также

Рис. 31. Кожаные изделия XII—XIII вв. с замчища в Минске. *1, 2, 4, 6, 8* — обувь и детали; *3* — рукавицы; *5, 7* — ножны; *9* — кошелек

предметы вооружения воина и снаряжения всадника (наконечники копий и стрел, обрывки кольчуг, пластинки от доспехов, удила, шпоры, стремена) [60]. Найдены сошники, серпы, косы-горбуши, ручные жернова, ножные и ручные ступы, скопления зерен культурных растений.

Посад древнего Минска археологи с полным основанием пытались отыскать в непосредственной близости от замчища. Возникал вопрос о территории, примыкавшей к замчищу с севера около Дворца спорта (бывшие Татарские огороды). Ю. А. Егоров, Э. М. Загорульский, Л. В. Алексеев считали, что она никогда не заселялась, что здесь всегда было непролазное болото. Оно действительно обозначено на всех планах Мин-

ска, опубликованных Ю. А. Егоровым [61]. По преданиям, в этих местах находилась древняя Никольская церковь. Среди Татарских огородов располагался значительный по площади более возвышенный участок. В 1946 г. В. Р. Тарасенко при участии Г. И. Пеха произвел раскопки в урочище Николка, в 200—250 м севернее замчища. Здесь был невысокий овальный курган с 9 погребениями-трупоположениями и валообразная насыпь, где их выявлено 14. Под насыпями обнаружен культурный слой XII—XIII вв. В глинистом грунте вскрыта яма полуземлянки, в другом месте остатки печи для обжига посуды [62].

Вещевой материал из этих раскопок частично сохранился в Институте истории АН БССР. В 1975 г. он нами изучен. В пакете с шифром «Минск 46, Николка, шурф 8» есть 28 обломков горшков. Фрагментов от верхней части сосудов 6. Все они типичны для керамики XII—XIII вв. (рис. 32, *5, 6*). Восемь стенок от орнаментированных горшков: 3 с линейным орнаментом, 2 с линейно-волнистым и 3 с украшением, сделанным штампом в виде наколов, расположенных параллельными рядами. В одном случае наколы треугольные. В пакете с аналогичным шифром и обозначением «курган I» 31 обломок керамики: венчиков 23, днищ 4, неопределимых фрагментов 4. Все венчики от посуды XII—XIII вв. (рис. 32, *1—4*). Среди керамики с шифром «Николка, погребение 2» есть одно днище и 14 венчиков от сосудов поздних типов, а в пакете с шифром «Минск 46, Николка», кроме 6 обломков сосудов, глиняная крышка для горшков. Железный ключ, найденный в заполнении полуземлянки, имеет лопасть с крестообразной прорезью (рис. 4, *3*). Аналогичный ключ встречен в Волковыске в слое второй половины XII—XIII вв. [63] От железной оковки лопаты осталась часть, есть 23 кованых гвоздя. Керамика с шифром «Николка, насыпь в виде кургана» датируется XVI—XVII вв. В наличии 69 обломков, большинство с зеленой поливой. Два фрагмента изразцов.

На основании данных раскопок 1946 г. «на болоте», можно заключить, что севернее замчища находилось поселение XII—XIII вв., а затем здесь возник могильник. Место постепенно заболачивалось и стало известно под названием «Татарские огороды». Заболачивание участков, где ранее образовался культурный слой,— явление распространенное. На старых планах Минска замчище имело три въезда: два с севера и один с юга [64]. К ним вели основные улицы детинца.

Летом 1974 г. прокладывалась огромная траншея для нужд коммунального хозяйства, которая проходила вдоль Парковой магистрали от Дома физкультуры «Трудовые резервы» и до Дворца спорта. В 20 м от угла Дома физкультуры, где начиналась траншея, мощность культурного слоя 6—7 м. Сверху были видны остатки фундаментов зданий, сложенных из кирпича, и слой балласта до глубины 1,5 м. Ниже был черный слой со щепой и деревом. Признаков вала, окружавшего замчище, не прослеживалось: он заходил на север немного далее стены Дома физкультуры. Мощность слоя постепенно уменьшалась к северу. Примерно на половине расстояния между Дворцом спорта и Домом физкультуры она достигала 4 м, из которых 3 м составлял балласт, а под ним прослеживался черный слой до 1 м. Возле Дворца спорта мощность слоя 2—2,5 м. Сверху он насыщен битым кирпичом и другими поздними материалами, внизу прослеживается слой иного характера, толщиной 0,5 м.

В 1977 г. нами был заложен раскоп (48 кв. м) на правом берегу Свислочи севернее вала. Мощность слоя 5 м. Он образовался в XVIII—нача-

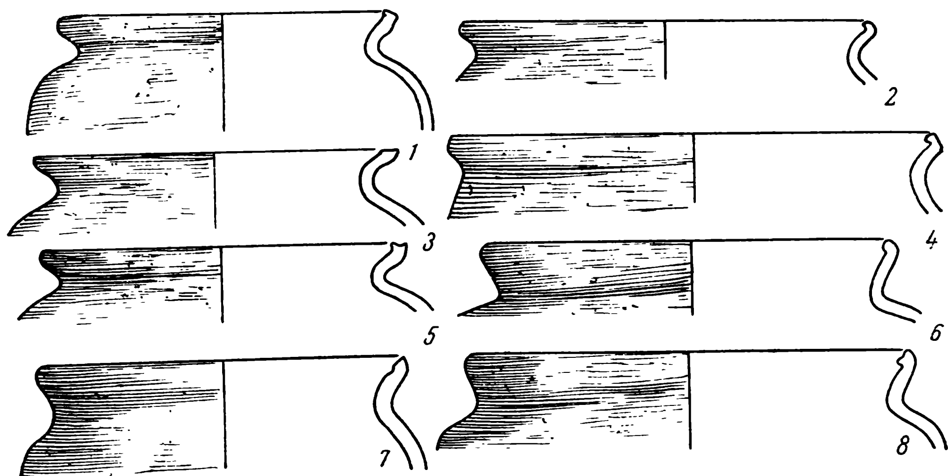

Рис. 32. Находки из Минска. *1—6* — керамика с «Николки»; *7, 8* — сосуды с поселения на левом берегу Свислочи

ле XIX в., здесь позже были забиты деревянные сваи. Возможно, в этом месте засыпался ров, ранее окружавший замчище.

Одной из древнейших улиц Минска по традиции считают Немигу. Она шла вдоль берегов одноименной речки и известна в источниках с XVI в. В 1926 г. на улице Немиге производились земляные работы в связи с прокладкой канализации. Ученые вели за ними наблюдение. Были найдены бытовые предметы, монеты XVI—XVII вв. и 2 монетных клада этого времени[65]. В 1971 г. улица реконструировалась и расширялась. Вдоль нее на протяжении нескольких сот метров была проложена траншея шириной 3 м, глубиной 2,5—3 м, а иногда и более. Она почти везде полностью прорезала толщу культурного слоя, которая была не везде одинаковой. Близ Парковой магистрали (в 100 м на юг от предполагаемого местонахождения валов детинца) на глубине 1,2 м был материковый песок. Найдена керамика конца XIII—начала XIV в. В 150 м от эстакады по улице Немиге возле бывшего здания синагоги XVII в. (почти напротив Екатерининской церкви) в траншее мощность культурного слоя достигала 4,5 м. Эта траншея проходила у стены синагоги. Слой балласта, насыщенный битым кирпичом, составлял 1 м. Фундамент синагоги уходил в землю на 2 м от современной дневной поверхности. Здание возводилось тогда, когда образовался большой культурный слой. Его толщина под фундаментом составляла 2 м. На глубине до 4 м в черном культурном слое обнаружена керамика конца XIII—XIV вв. Ниже шел предматериковый слой 0,5 м, без находок. Далее по направлению улицы Немиги мощность культурного слоя постепенно уменьшалась. Материалов домонгольского времени не найдено.

В 1976 г. производились земляные работы юго-западнее и западнее замчища. Близ Екатерининской церкви вдоль улицы Островского закладывался котлован для большого здания. Мощность перемешанного культурного слоя 2—2,5 м, а иногда 3,8 м. В котловане была произведена шурфовка в тех местах, где близко к материку сохранился непотревоженный культурный слой. На материке обнаружены керамические материалы XVII в. Слоя XII—XIII вв. нигде не зафиксировано. Данная территория начала интенсивно застраиваться и заселяться со времени воз-

ведения Петропавловской (Екатерининской) церкви, построенной в 1611 г.

Вблизи предполагаемого местоположения вала, окружавшего детинец, в 120 м западнее магазина «Алеся» и недалеко от здания средней школы № 44 прокладывалась траншея глубиной более 4 м. На отметке 3 м начинался черный слой, где нами произведена шурфовка. Это был насыпной грунт с обломками фарфоровых тарелок и других материалов XIX в. На глубине 5 м он насыщен подземными водами. Создается впечатление, что здесь находился ров, засыпанный сравнительно недавно.

Перспективной для поисков посада считалась местность к юго-востоку от детинца, вдоль правого берега Свислочи. Л. В. Алексеев полагал, что здесь находился окольный город (Нижний замок) древнего Минска [66]. В 1974 г. объединенная экспедиция Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина и Института истории АН БССР произвела раскопки недалеко от Свислочи. Один раскоп площадью 80 кв. м при мощности слоя 3,5 м разработан в 250 м от замчища на бывшей улице Торговой (ранее называлась Зыбицкой). Бурное развитие этой части города приходится на XVI—XVIII вв. [67] В самом низу, в прослойке толщиной 0,2 м найдены черепки керамики XII—XIII вв. В другом раскопе, разбитом в 150 м от замчища, оказались фундаменты и подвалы зданий XIX в. Вполне вероятно, что к востоку и юго-востоку от детинца находилось древнее посадское поселение. В период феодальной раздробленности оно было слабо заселено и незначительный культурный слой уничтожен более поздней застройкой.

На левом берегу Свислочи расположена Троицкая гора (сейчас на ней возвышается здание театра оперы и балета). На северо-запад от Троицкой горы проходила старинная дорога — Виленский гостинец. Согласно преданию, здесь у речки Переспы (бывший левый приток Свислочи) некогда поселился богатырь-кудесник Менеск, основавший город и построивший водяную мельницу на Свислочи. Отсюда пословица: «Не пайду я да Менска ад шляху Віленскага, а (калі ж) пайду па шляху Віленскім, спаткаюся з Менескам» [68].

В 1976 г. на левом берегу Свислочи, напротив замчища, произведены раскопки. Возле здания бани XVII в. (район улицы Старовиленской) на участке, подлежащем срытию в связи с расширением русла реки, раскоп площадью 80 кв. м разработан до глубины 4,5 м, что на 1,5 м ниже современного уровня воды в Свислочи. Близко к материку найдены материалы XVII—XVIII вв. В начале XIX в. берег реки интенсивно повышался и насыпался слой в 2—3 м. Землю, очевидно, брали с соседних вышележащих участков и в ней оказалась керамика XII—XIII и XIV—XVI вв. Несколько дальше от берега реки в шурфе на улице Коммунально-Набережной мощность культурного слоя до 1 м. Среди материалов XIV—XVII вв. встречены обломки горшков XII—XIII вв. (рис. 32, *7*). Керамика XII—XIII вв. найдена и во дворе 2-й клинической больницы при наблюдении за земляными работами на глубине 1,6 м в предматериковом слое. Вероятно, в XII—XIII вв. на склоне Троицкой горы в излучине Свислочи существовало поселение — один из посадов Минска.

Полагаем, что посад Минска в XII—XIII вв. располагался в трех местах: на правом берегу Свислочи, севернее и юго-восточнее замчища и на левом берегу этой реки возле Троицкой горы. Общая площадь посада могла насчитывать 20 га, но она была редко застроенной. Вследствие нарушения тонкого культурного слоя более поздним строительством от древнего посада остались едва обнаруживаемые признаки.

Отсутствие следов посада XI в. на Немиге и Свислочи вновь заставляет нас обращаться к поселению X—XI вв. на Менке, взвешивать аргументы о возможности расположения города в верховьях Птичи и полагать, что там, по-видимому, находился летописный Минск, до того как был основан обширный детинец — значительная для тех времен крепость — на берегу Свислочи при впадении в нее Немиги и вокруг детинца стал развиваться слабо заселенный посад.

3. ДРУЦК

Вкладная запись в Друцкое евангелие XIV в. начинается словами: «В лето 6509 (1001) створена бысть церкви сия святая Богородица въ граде во Дрютьсце...» Это наводит на мысль, что Друцк существовал уже в конце X в., на несколько десятков лет раньше, чем сведения о нем попали в летопись [69]. Для Друцка можно принять первоначальным 1001 г. Город получил свое название (Дрютьск, Дрьтеск, Дрьютск) от реки Друть, на которой он был основан.

Описание памятников Друцка находим в списке 1873 г.[70] В 1920 г. их обследовал А. Д. Коваленя и сделал небольшие раскопки, тогда близ городища еще сохранялись курганы [71].

Археологические раскопки в Друцке производил Л. В. Алексеев в 1956—1962, 1965, 1967 гг., им получен новый огромный материал. На детинце вскрыто свыше 1800 кв. м культурного слоя. О стратиграфии, характерной для всего детинца, можно судить по XI раскопу (1967 г.). Верхний слой позднефеодального периода содержит прослойку со следами пожаров. Второй слой — без видимых следов деревянных построек или иных сооружений — сравнительно тонок. Третий слой толщиной до 0,8 м в верхнем горизонте имеет торфообразный древесный тлен, а в нижнем — щепу, навоз. Недалеко от материка находилось пожарище, которое повсеместно хорошо прослеживается. Между пожарищем и материком была тонкая прослойка [72].

От первоначального родового поселка культурный слой не сохранился. Найдена фибула IV—V вв. На холме жизнь продолжалась и позже, о чем свидетельствует лепная керамика дофеодального времени [73]. Раннефеодальный слой, залегающий почти на материке, сохранил немного остатков строений, в размещении которых не было определенного порядка. Их перекрывает слой упомянутого пожарища. Ближе к материку обнаружены бусы лимонки, ключи от замков типа А. Данный горизонт Л. В. Алексеев датирует XI в., а пожарище, перекрывающее его, предположительно 1116 г., когда город был разорен войсками Ярополка Владимировича.

Нижний (третий) культурный слой изобиловал находками. Выявлены признаки занятий ремеслами: сапожным (обрезки кожи, шилья), ювелирным, кузнечным, плотницким, косторезным (в одном месте было много поделок из кости и их заготовки). Найдена бронзовая застежка от книги, возможно, оказавшаяся здесь в результате ремонта ремесленником кожаного переплета. Тут же были сломанные орнаментированные костяные пластины от колчана. Судя по всему, у южного вала детинца жили ремесленники, которые обслуживали феодальную знать. В XI раскопе в нижней части третьего слоя было 82 обломка браслетов, т. е. свыше половины всех браслетов из этого слоя [74].

Многочисленны майоликовые плитки, обычно применяемые для мозаичного пола в храме. Их размеры 9×9 см, цвет зеленый или желтый,

Рис. 33. Ссвременный вид остатков детинца и окольного города в Друцке

Не исключено, что ими был выстлан пол в деревянной церкви. Много предметов военного обихода. Наконечник копья, навершие меча, шпоры, стремена, удила, фрагменты кольчуги, пластины панциря, 35 железных наконечников стрел представлены разными типами от ранних двушипных втульчатых XI—XII вв. до более поздних арбалетных XIV—XV вв. Повседневный быт населения характеризуют кресала, замки, ключи, писала, ножи, гребни, костяные накладки, деревянные корыта, детали бочек и кадок, многочисленные типы печных горшков, столовая посуда, костяные порхлицы. В детинце найдено несколько сот стеклянных браслетов. Своеобразна костяная накладка с орнаментом, характерным для кочевников. Предметы религиозного культа из детинца представлены нательными крестиками, фрагментом хороса, двумя змеевиками, по всей вероятности, отлитыми в одной форме, крестами-энколпионами.

Окольный город возник в конце XI—начале XII в. [75] Он дважды был сожжен. Его вал насыпался дважды и имел многослойный наружный склон, образовавшийся при послойном обжиге на нем материалов из красной глины. У въезда открыты бревенчатые мостовые. С 1961 по 1969 г. в окрестности Друцка Л. В. Алексеев и Э. М. Сергеева изучали курганы. Были получены новые факты о проживании здесь кривичей в X—XI вв. [76] Результаты раскопок Друцка заслуживают отдельного монографического исследования.

Письменные источники содержат важные известия о Друцке. Владимир Мономах в своем «Поучении» вспоминает, как он шел на «Дрьютьск воюя» (1078 г.). В летописи Друцк впервые назван в статье под 1092 г., где рассказывается о преудивительном чуде (моровом поветрии), которое «поча быти от Дрьюцька» и распространилось по Полоцкой земле, унося многие жизни горожан в Полоцке. В1116 г. на Друцк и Минск шли дружины киевского князя Владимира Мономаха и его союзников. Объединенные войска переяславского и черниговского князей, наступая с юга, взяли приступом Друцк. Переяславский князь Ярополк Владимирович захватил в плен его жителей и переселил их далеко на юг в свое княжество, опустошенное половцами, где «сруби город Желъди дрьючаном». Наверное, значительная часть жителей Друцка скрылась в лесах.

Возвратившись на пепелище, они снова отстроили город и восстановили его укрепления, так что во время очередного похода киевского князя Мстислава в 1127/8 г. против Друцка потребовалось послать сильное войско Ростислава Мстиславича из Смоленска [77].

Около 1140 г. в Друцке княжил сын полоцкого князя Бориса Рогволод. Рогволод упоминается в летописи с 1143 г., когда он женился на дочери великого князя киевского Изяслава Давыдовича. В конце 50-х годов Друцк выступает как один из крупных городов Полоцкой земли, являясь центром удельного княжества.

В 1159 г. в Друцке произошло выступление горожан против князя Глеба Ростиславича. Горожане разгромили его двор и дворы дружинников. В этом году друцкий князь Рогволод занял стол в Полоцке. Потерпев поражение от минского князя Володаря Глебовича, Рогволод Борисович в 1161/2 г. снова возвратился в Друцк [78].

В поход против Друцка вместе с черниговским войском в 1180 г. выступил Всеслав Василькович из Полоцка, его брат Брячислав из Витебска, Всеслав Микулич из Логойска и другие их сородичи, а также отряды ливов и литовцев. Это говорит об ожесточенной междоусобной борьбе среди полоцких князей. В Друцке находился Глеб Рогволодович, союзник смоленских Ростиславичей. Друцк все более попадал в орбиту влияния смоленских князей, которые враждовали с южнорусскими князьями. В Лаврентьевской летописи в рассказе под 1186 г. о походе на Полоцк князей из Смоленска, Новгорода, Логойска назван «из Дреютьска Всеслав», а в Ипатьевской летописи под 1195 г. упоминается друцкий князь Борис, союзник черниговских Ольговичей.

Археологические материалы, городской культурный слой в соответствии с приведенными данными письменных источников показывают, что Друцк был значительным городом Полоцкой земли, который возник в местности, густо заселенной кривичами. В период феодальной раздробленности это был цветущий город.

Сохранились сведения о Друцке и друцких князьях XIV — начала XVI в.[79] Примерно в середине XVI в. укрепления Друцкого замка окончательно обветшали и больше не восстанавливались. А за пределами городища возникла деревня, которая стоит и по сей день и называется, как и древний город,— Друцк.

4. ЗАСЛАВЛЬ (ИЗЯСЛАВЛЬ)

По мнению большинства историков, Заславль построен князем Владимиром Святославичем. Так считали Н. М. Карамзин, Т. Нарбут, К. А. Неволин, А. К. Киркор, К. Тышкевич и др. Некоторые приписывали это сыну Владимира Изяславу (М. Балинский, В. Е. Данилевич), иные — Рогнеде Рогволодовне. Неизвестно, на каком основании Н. М. Карамзин считал, что город возник в 985 г.[80] Возможно, историк пользовался не дошедшим до нас источником. Многие относят летописное предание об основании города Изяславля к концу X в. Здесь сохранились остатки старинных укреплений и бытуют легенды о Рогнеде [81].

В древнерусских летописях есть два рассказа о сватовстве Владимира к полоцкой княжне. Первый рассказ помещен в «Повести временных лет» под 980 годом. Он почти одинаков в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. В Полоцке княжил Рогволод. Тогда происходила ожесточенная борьба за великокняжеский стол между сыновьями Святослава — киевским князем Ярополком и новгородским князем Владимиром. Гото-

вясь к походу против Ярополка, Владимир Святославич решил привлечь силы Полоцка. Он намеревался жениться на дочери Рогволода Рогнеде, но получил отказ. Полоцкий князь Рогволод был сторонником Ярополка. Владимир захватил Полоцк, убил Рогволода и двух его сыновей, а Рогнеду Рогволодовну взял себе в жены. Вскоре он утвердился в Киеве.

В Лаврентьевской летописи в другом месте после краткого известия о смерти полоцкого князя Бориса Всеславича в 1128 г. и некоторых других событиях без всякой определенной связи с предшествующими сообщениями помещен второй рассказ о женитьбе Владимира. Рассказ Лаврентьевской летописи (1128 г.) имеет сходные места с описанием «Повести временных лет», но он значительно полнее и живее. В него включены эпизод покушения Рогнеды на Владимира, намерение Владимира собственноручно покарать ее, заступничество за мать сына Изяслава [82]. Заканчивается сказание 1128 г. услышанным летописцем из уст «ведущих» сообщением об основании города Изяславля Владимиром, который «поверг меч свой, и созва боляры и поведа им. Они же рекоша: «Уже не убий ея, детяти деля сего, но въздвигни отчину ея. И дай ей с сыном своим». Володимер же устрои город, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль» [83].

Второй рассказ Лаврентьевской летописи более древний. Вероятно, запись, помещенная под 980 г. в «Повести временных лет»,— результат переделки этого основного рассказа летописцем. Предание о жестоком обращении Владимира с Рогнедой-Гориславой и о том, как мальчик Изяслав с мечом в руках защитил жизнь матери, сложилось в местной полоцкой среде [84]. Не исключено, что факт женитьбы Владимира на Рогнеде, сохраняясь в народной памяти, обрастал в устах народа новыми деталями и в двух вариантах был записан летописцами [85]. Интересно, что рассказ о Рогнеде перекликается в некоторых случаях с северными сагами [86].

Из повествования 1128 г. явствует, что речь идет об Изяславле в Полоцкой земле, где Владимир построил город и отдал его Рогнеде и Изяславу, назвав Изяславлем. Так трактовал событие В. Н. Татищев [87]. На территории бывшей Полоцкой земли есть единственный населенный пункт, где может быть локализован летописный Изяславль,— современный городской поселок Заславль, что в 20 км от Минска.

Однако, по «Повести временных лет», Изяслав в 988 г. будто находился в Киеве и, надо полагать, был крещен там вместе с другими сыновьями Владимира, а затем направлен в Полоцк. Как бы там ни было, Изяслав действительно получил «отчину» Рогнеды.

О Рогнеде существует третье летописное сказание, занесенное под 988 г. в Тверскую летопись, где говорится, что Рогнеда, расставшись с Владимиром, приняла монашество под именем Анастасии [88], но не указано, в каком монастыре она была. Согласно местным преданиям, Рогнеда и Изяслав после удаления из Киева проживали в замке, расположенном на Свислочи при впадении в нее Княгиньки. Пострижение Рогнеды будто бы происходило в монастыре в Заславле. Здесь она якобы умерла и похоронена. По топонимическим легендам, речки Княгинька и Черница в Заславле получили свои названия в честь Рогнеды. Якобы существовало оз. Рогнедь, но потом высохло. В окрестностях Заславля леса назывались Рогнедиными [89]. Рогнеда умерла в 1000 г., а через год скончался Изяслав.

В 1926 г. историко-археологическая комиссия Института белорусской

I	II	III	IV
43	129	656	25

Рис. 34. Керамика конца X—XIII в. из раскопок посада в Заславле (1968 г.)

культуры изучала далекое прошлое Заславля. Д. И. Довгялло пришел к заключению, что Заславль на Свислочи ранее начала XII в. не существовал. Если в летописной легенде об основании Заславля князем Владимиром есть доля истины, то им мог быть Изяславль или на Волыни или на Смоленщине [90]. Д. И. Довгялло находился под впечатлением раскопок А. Н. Лявданского, в ходе которых не удалось отыскать древнерусских напластований на территории Заславля. Правда, после этого высказывались мнения о расположении Изяславля с конца X в. на месте Заславля [91]. Однако в исторической топографии населенного пункта многое оставалось неясным: отсутствовали надежные археологические данные.

Городище «Замэчек» («могила Рогнеды») продолжает до сих пор оставаться загадочным археологическим объектом древнего Изяславля. Оно находится на окраине современного городского поселка в 2 км от Свислочи, вблизи заболоченной поймы ее притока Черницы, устроено на возвышенности с пологими склонами. Площадка почти круглая (70×74 м), обнесена кольцевым валом высотой 5 м и небольшим рвом. Вал разорван двумя входами с восточной и с западной стороны. В годы войны памятник был сильно испорчен.

У восточного входа в 1967 г. произведена зачистка вала. В поперечном его разрезе ясно различается серая прослойка культурного слоя, использованного для увеличения насыпи. Прослойка с керамикой XI в. перекрывает ядро вала, насыпанного из гравия на древней гумусированной почве. Для второй подсыпки вала использовался культурный слой с площадки городища. Культурный слой на городище почти отсутствует, но на площадке под дерном и ниже попадается круговая керамика XI в.

Недалеко от середины площадки нами в 1971 г. произведены раскопки (18 кв. м). Под дерном простирался насыпной слой песка толщиной 0,3 м, под которым открывается материк. В материке оказалась яма глубиной 0,4 м, заполненная черным культурным слоем с вкраплениями углей. Форма ее близка к овалу (длина 3 м, ширина 1—1,5 м). В ней найдено 516 обломков керамики XI в., в том числе 400 стенок от горшков. Примерно 100 из них с линейным орнаментом. Керамика с волнистым орнаментом отсутствовала. Девять днищ горшков имели клейма, в четырех случаях — клеймо в виде круга. Свыше 50 верхних частей сосудов принадлежало горшкам с карнизиком по краю. Найдены 24 обломка от двух красноглиняных южных амфор, пряслице из розового шифера, лезвие небольшого ножа с толстым обушком и желтая бусина из смальты с тремя вставленными красно-черно-голубыми глазками. Ана-

логичные бусы найдены А. Н. Лявданским в погребении II курганной группы возле Заславля [92].

Вопрос о назначении городища и его отношении к древнейшей истории Заславля нельзя считать окончательно решенным. Возможно, здесь находился укрепленный двор феодала. Для детинца города местность неудобная, удаленная от реки. «Замэчек» — не те укрепления, за которыми укрывались жители Изяславля в XII в., когда им приходилось оборонять город от многочисленного войска, о чем рассказывают летописи.

В 1127/8 г., во время похода в Полоцкую землю, организованного киевским князем Мстиславом Владимировичем, на Изяславль двигалось многочисленное войско «четырьми путьми» (из Турова, Владимира-Волынского, Гродно, Клецка). Жители Изяславля («изяславцы»), несмотря на отсутствие дружины и князя Брячислава Давыдовича, на протяжении нескольких дней защищались против войска Мономаховичей и настаивали на определенных условиях при сдаче города, которые не были выполнены. Из этого можно заключить, что в городе действовало вече и было ополчение горожан. Во время грабежа в городе с трудом князья — участники похода с близкими людьми успели уберечь имущество дочери великого князя Мстислава [93], которая была замужем за изяславским князем Брячиславом Давыдовичем, внуком полоцкого князя Всеслава Брячиславича.

После Брячислава Давыдовича в Изяславле княжил Всеволод Глебович, один из сыновей минского князя Глеба Всеславича. Князь Рогволод Борисович, заняв стол в Полоцке, выступил против Глебовичей (1158/9 г.). Он собрал большое войско из полочан, попросил на помощь у смоленского князя Ростислава Мстиславича двух его сыновей Романа и Рюрика с воеводой Внездом, смоленскими, новгородскими и псковскими полками, намереваясь взять Минск, подошел вначале к Изяславлю. Всеволод Глебович «затворился» в Изяславле и Рогволод Борисович его «оступиша в городе». Всеволод вскоре сдался. Рогволод отдал Изяславль Брячиславу «того бо бяше отцина» [94]. Из летописных сведений явствует, что Изяславль был хорошо укреплен и являлся центром удельного княжества, а также и то, что борьба за него в XII в. имела место только среди князей полоцкой династии, несмотря на участие чужих дружин. Где же происходили эти бурные события?

Посад древнего города был обнаружен нами в 1967 г. Из осмотра местности следовало, что наиболее вероятное место расположения древнего города — правый берег Свислочи между речками Княгинькой и Черницей, обозначенными на плане, опубликованном в 1858 г. К. Тышкевичем [95]. В центральной части городского поселка поныне возвышаются валы позднесредневековой крепости. В 1967 г. возле перекрестка улиц Советской и Луначарского, южнее замчища, называемого «Вал», готовился котлован для нового здания средней школы. В котловане были замечены напластования раннефеодального времени. У самого края рва, окружающего укрепление, произведены раскопки в 1967—1968 гг. Вскрыта площадь 200 кв. м (I—III раскопы) при толщине культурного слоя 0,6—0,7 м без учета глубины ям в материке. Под вспаханным верхним пластом сохранился древний культурный слой, насыщенный обломками круговых горшков эпохи Киевской Руси (их найдено около 10 тыс. экз.). Много керамики XI—XII вв. (рис. 34). На некоторых днищах клейма (рис. 53, *12, 14, 19*). Обломков толстостенных амфор 3. В материке 6 ям глубиной 0,5—0,7 м. В одной яме, круглой в плане, ва-

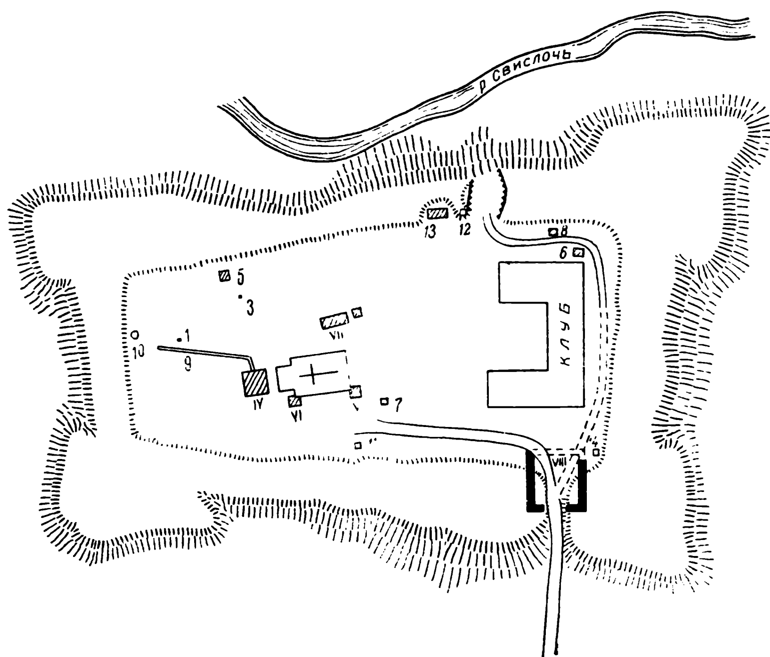

Рис. 35. План детинца «Вал» в Заславле. *1—14* — шурфы и места наблюдения за земляными работами, IV—VII — раскопы, VIII — руины брамы

лунные камни, большое количество древней круговой посуды, бывшей в употреблении, и 3 обломка тиглей из белой глины. В яме и возле нее шлаки от железоделательного производства.

Во второй яме 840 обломков древней круговой керамики, ключ, кресало, в пятой яме стремя. При раскопках найдены железное перовидное сверло, 7 шиферных пряслиц, рог со следами пиления и другие вещи [96]. Исследованные ямы имели хозяйственное или производственное назначение. Так, в ходе раскопок 1967—1968 гг. был открыт посад города XI—XII вв. Возможно, небольшое поселение существовало ранее, о чем свидетельствуют единичные находки лепной керамики VIII—IX вв.

Детинец древнего города, как можно было предположить, находился невдалеке, там, где позже возводилось укрепление позднесредневекового замка и выстроена Спасо-Преображенская церковь (рис. 35). В 1967—1968 гг. в 3 м от башни этого здания разработан IV раскоп (10×10 м). Мощность культурного слоя 1,8—2 м. В самом низу залегает горизонт эпохи Древней Руси. Ближе к материку был раздавленный печной горшок конца X—XI в. (рис. 47, *7*). Это ведущий тип кухонной керамики в Заславле на раннем этапе его существования. Из прочих находок нижнего горизонта детинца назовем бронзовую иглу от фибулы, кость с зарубками по краю, небольшой бронзовый слиток, свыше 200 костей животных. Одна находка не совсем обычная — бронзовый браслет с утолщенными концами VI—VIII вв. Средний слой состоял из желтого песка, перекрывающего слой пожарища, похожего на торфяную крошку и почти лишенного находок. Сверху был балласт до 1 м.

У юго-восточного угла Спасо-Преображенской церкви выявилась иная картина (V раскоп). Стены уходят в землю на 4 м (ниже устроен фундамент). Они сложены из брусчатых кирпичей в той же технике, что

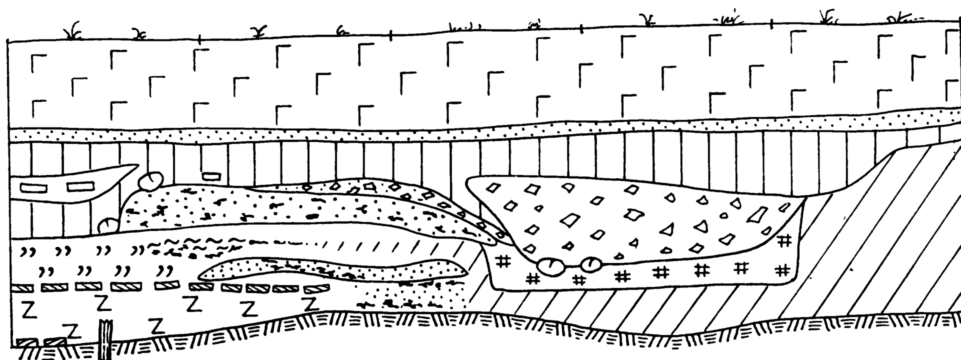
и вся ныне существующая постройка [97]. Вскрытая раскопками стена первоначально могла принадлежать наземному сооружению. Дневная поверхность времени его возведения на 4 м ниже современной. Фундамент здания заложен в черном культурном слое мощностью 1,5 м с керамикой XII—XIII вв. и более позднего времени. Этот слой перекрыт тремя мощными подсыпками песка, разделяющихся тонкими прослойками остатков тех же строительных материалов, которые употреблены для сооружения здания. В самой нижней прослойке на глубине 4 м, на уровне старой дневной поверхности найдена черепица. Уровень материка в IV раскопе выше его уровня в VI раскопе почти на 4 м, что говорит о первоначальной неровной поверхности. Возможны два предположения: либо здание Спасо-Преображенской церкви возведено на стенах более ранней постройки, либо оно сооружалось с учетом того, что его нижняя часть с двумя сводчатыми подвалами должна была засыпаться землей в связи с намеченными работами по выравниванию поверхности детинца и его грандиозной перестройкой.

В северо-восточном углу детинца в 1969 г. на глубине 2,4 м в материке В. А. Гилеп зафиксировал полуземляночное жилище с развалом печи-каменки в одном из его углов. Найденный в печи сосуд позволяет датировать жилище XI—XII вв. [98]

В 1969—1970 гг. произведен VII раскоп (40 кв. м) с северной стороны церкви. Мощность слоя 2,9—3,2 м. Близко к материку открыты остатки двух горизонтов деревянных сооружений, основная часть которых уходила в стенки раскопа. Верхний горизонт представлен настилом от постройки. На нем был слой навоза. Толстые доски уложены на лаги. На этом уровне найдена костяная шахматная фигура пешки, выточенная на токарном станке. Второй горизонт находился недалеко от материка, отделен от первого культурным слоем. Горизонт представлен вымосткой из круглых бревен, лежащих на продольных лагах. Вдоль настила остатки частокола из бревен, которые были закопаны в землю на глубину 0,4 м. Настил примыкал к сооружению другого характера, от которого остался толстый столб, вкопанный в материк более чем на 1 м с пазом, в который вложена «на ребро» доска. По керамическому материалу сооружение датируется XII в. Оно погибло от пожара. Встречены три пряслица из розового шифера, деталь удил, наконечник стрелы, железная пластина от панциря, костяная накладка, орнаментированная глазковым орнаментом, рог оленя со следами пиления и заготовка из кожи для задника сапога.

Этот древний культурный слой перекрыт развалом печи первой половины XVII в. На глубине 2 м в глине было несколько сот изразцов. Примечателен кафель с изображением герба магнатского рода Глебовичей [99], которым принадлежал Заславль в XVI—XVII вв. Фундамент печи длиной 3 м, залитый известковым раствором, прорезал культурный слой (рис. 36, *11*).

В западной части крепости толщина культурного слоя равняется 0,5—0,7 м, а возле церкви, южнее, она превышает 5 м. Следовательно, первоначальный рельеф местности, где сооружены позднесредневековые укрепления, окружающие площадку в 1,5 га, был очень неровный. Строители крепости в XVII в. стояли перед необходимостью включения в защищенную валом площадку нескольких участков, различных по высоте. Они должны были произвести большие работы по выравниванию древнего рельефа, разница высоты которого составляла 4 м. Почти на 4 м ниже западной части были южный и юго-восточный участки. В се-

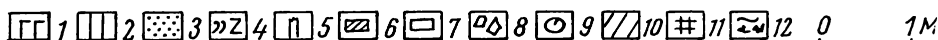

Рис. 36. Заславль. Профиль южной стенки VII раскопа. *1* — балласт; *2* — серый слой; *3* — песок; *4* — щепа и навоз; *5* — столб; *6* — доски; *7* — кирпич; *8* — битый кирпич и изразцы; *9* — камни; *10* — черный слой; *11* — известь; *12* — угли

верной половине крепости с запада на восток было резкое понижение с перепадом высот 2—3 м. С целью выравнивания рельефа делались соответствующие подсыпки.

В 1971—1972 гг. появилась возможность частично исследовать валы в восточной части детинца. У северного входа в детинец (рис. 35, *13*) научно-реставрационные мастерские Министерства культуры БССР производили земляные работы, в результате которых оказался прорезанным вал со стороны внутренней площадки до половины его ширины. Общая высота вала более 8 м. Подсыпка вала осуществлялась три раза. В первоначальной насыпи из песка (высота 1,7 м) найдена керамика конца X—XI вв., под насыпью прослежен культурный слой небольшой толщины. По-видимому, древний вал по периметру был меньше существующего теперь. У южного входа в позднесредневековую крепость выявлена аналогичная картина. Здесь вал перестраивался и подсыпался не менее двух раз. По гребню первоначальной насыпи (она вдвое ниже существующей) проходили наземные деревянные сооружения, которые погибли в огне. В нижней части ядра вала обнаружены березовые бревна толщиной 20 см, лежащие поперек насыпи [100]. Под бревнами находился черный культурный слой толщиной 0,25 м, с углем, щепой, круговой керамикой XI в. В восточной части крепости вал сооружался на культурном слое. Сверху первой подсыпки вала обнаружен слой с остатками сгоревшего дерева и керамикой XIV—XV вв. Последняя мощная подсыпка вала та, которой соответствует сохранившаяся конфигурация укреплений, по-видимому, XVII в.[101] По времени ей соответствует сооружение каменных ворот (брамы) размером 24×21 м, руины которых вскрыты при раскопках [102].

Возле Изяславля находились села. Следы селища XI—XII вв. были и на правом берегу Свислочи в 1 км на юго-восток от замчища «Вал», рядом с третьей курганной группой. Часть ее курганов насыпана на месте более раннего селища с лепной керамикой [103]. Второе селище было в 1 км на север от городища «Замэчек».

За четыре года в Заславле раскопана площадь 500 кв. м, в детинце и на посаде. Заславский курганный могильник один из лучше исследо-

ванных в Белоруссии. Археологические материалы, письменные источники и топонимические данные позволяют заключить, что Изяславль действительно возник в конце X в. и располагался на месте нынешнего Заславля. Вероятнее всего, город назван по имени сына Рогнеды и Владимира Изяслава, впоследствии полоцкого князя.

5. ЛОГОЙСК

В «Поучении» Владимира Мономаха Логойск упомянут вместе с Лукомлем и Друцком при описании событий, происшедших в 1078 г. Еще в середине XIX в. высказана мысль, что название Логойск (Логожьск) образовалось от «лог» (белорусское «лагчына»)[104]. Языковеды считают, что название города происходит от реки Логоза[105].

С Логойском связана жизнь и научная деятельность братьев Евстафия и Константина Тышкевичей, известных археологов XIX в.[106] Они раскопали много курганов на Логойщине и Борисовщине. В их родовом имении в Логойске был создан первый в Белоруссии музей.

Недалеко от Логойска известны два городища: Паненская гора на восточной его окраине и второе в 1,5 км западнее Логойска. Оба городища являются памятниками раннего железного века и не имеют отношения к истории Логойка как города западных земель Руси.

Остатки древнего города лежат на правом берегу Гайны (ныне здесь парк культуры и отдыха). Огромный земляной вал и глубокий ров окружают площадку в 1,5 га. В прошлом значительных исследований здесь не производилось. А. Н. Лявданский, осмотрев городище-замчище и сняв его план, писал в 1926 г., что на площадке совершенно не заметно культурного слоя, лишь кое-где удалось найти очень небольшое количество черепков от гончарной посуды из хорошо отмученной глины без поливы. Он датировал городище «временем не ранее XII в.», руководствуясь больше летописными данными[107]. Оставалось неясным, какой характер имеет культурный слой. В 1966, 1968, 1971 гг. нами было произведено исследование городища в трех местах общей площадью 420 кв. м.

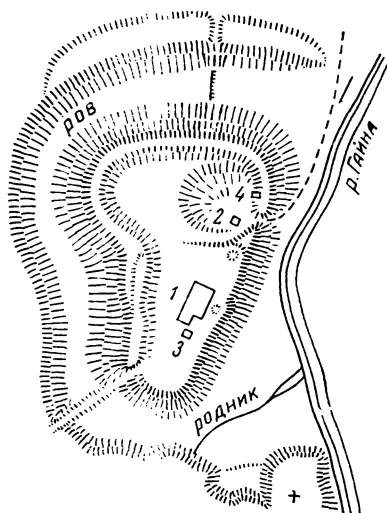
Основной раскоп (388 кв. м) расположен недалеко от обрыва берега реки (рис. 37, *1*). Мощность культурного слоя 0,8—1,2 м. Стратиграфия проста: сверху серый слой, ниже слой черной окраски. Между слоями небольшая прослойка песка. В северо-восточном углу раскопа материк понижается и мощность слоя достигает 1,7 м (включая балласт до 1 м).

В нижнем слое преобладают находки Киевской Руси. Остатков древних сооружений нет. Найдены почти целиком сохранившийся небольшой горшок с линейным орнаментом второй половины X в. (рис. 47, *3*) и несколько обломков от лепной посуды. Много обломков кухонных горшков, распространенных в Полоцкой земле XI—XIII вв. Среди круговой керамики, кроме позднего типа, выделяется еще два: ранний X—XI вв. и развитый XII—XIII вв.

Сравнительно много изделий из железа: 21 наконечник стрелы, наконечник копья, 4 обломка шпор, 2 стремени, 3 остроги, детали нутряных замков и ключи к ним, 3 экземпляра пружинных ножниц, фигурный резец (ложкарь), ключи от навесных замков (2 из них раннего типа А), железная гиря от весов, сошник, косарь.

В нижнем слое были 16 шиферных пряслиц, 3 обломка стеклянных браслетов (коричневый, зеленый, синий), 3 костяных трапециевидных гребня, 17 обломков амфор, 2 керамические плитки. Одна плитка по-

Рис. 37. План детинца в Логойске с обозначением раскопов и шурфов

крыта желтой поливой (рис. 38, *11*). Она квадратная, размером 8 см, толщиной 2 см. В глине много древесины. Плитка побывала в огне, но следов раствора на ней нет. Видимо, такой материал употреблялся для покрытия полов в деревянных церквах. Изделия из цветных металлов: бронзовый конек с циркульным орнаментом, бронзовая подковообразная пряжка XII в. (рис. 38, *15*). В верхнем слое встречены обломки сосудов с зеленой поливой и печные изразцы. Есть неполивные горшки XIV—XVII вв.

В третьем (небольшом) раскопе мощность культурного слоя 1,2 м. В нижних пластах преобладала круговая керамика и попадались другие вещи XI—XIII вв. Сверху был завал строительных материалов XVI—XVIII вв.— кирпичей и изразцов с зеленой поливой, аналогии которым известны в литературе [108].

В северо-восточной части городища есть впадина, занимающая значительную площадь. В раскопе (4×4 м) материк оказался сильно пониженным в южном направлении (рис. 37, *2*). Если мощность культурного слоя в северо-западном углу раскопа 1,4 м, то с противоположной стороны она достигает 2,5 м. В месте наибольшего понижения материка выявлен культурный слой времен Киевской Руси. Это было пожарище толщиной 20 см, покрывавшее материк. В нем кости животных, обломки круговой керамики. Есть несколько крупных фрагментов от печных горшков XII—XIII вв. Почти на материке найдены хорошо сохранившиеся железные удила. Это пониженное место было засыпано в XVII в., вследствие чего образовался вышележащий слой балласта толщиной 1,2—1,8 м.

Нами произведена зачистка вала (рис. 37, *4*) с внутренней стороны на глубину более 1 м при общей его высоте 2,5 м. В валу встречены фрагменты поливных изразцов и посуды XVI—XVIII вв. вместе с обломками керамики XII—XIII вв. Вал подсыпался на протяжении многих столетий.

Посад древнего города нужно искать в местности, непосредственно прилегающей к замчищу с юга. Культурный слой сильно испорчен перекопами, и широкие раскопки затруднены современной застройкой.

Славянское население на Гайне возникло раньше, чем известие о Логойске попало в письменный источник. Он, несомненно, существовал во второй половине XI в., когда упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха.

Во время похода Мстислава в Полоцкую землю (1127/8 г.) Логойск находился на пути следования дружин из Курска, возглавляемых сыном Мстислава Изяславом. «Логожаны» оборонялись, оказавшись без княжеской дружины, и только затем, убедившись, что она взята в плен близ Логойска, сдали город [109]. Из этих летописных известий следует, что в Логойске, как и в других городах Полоцкой земли, действовало вече.

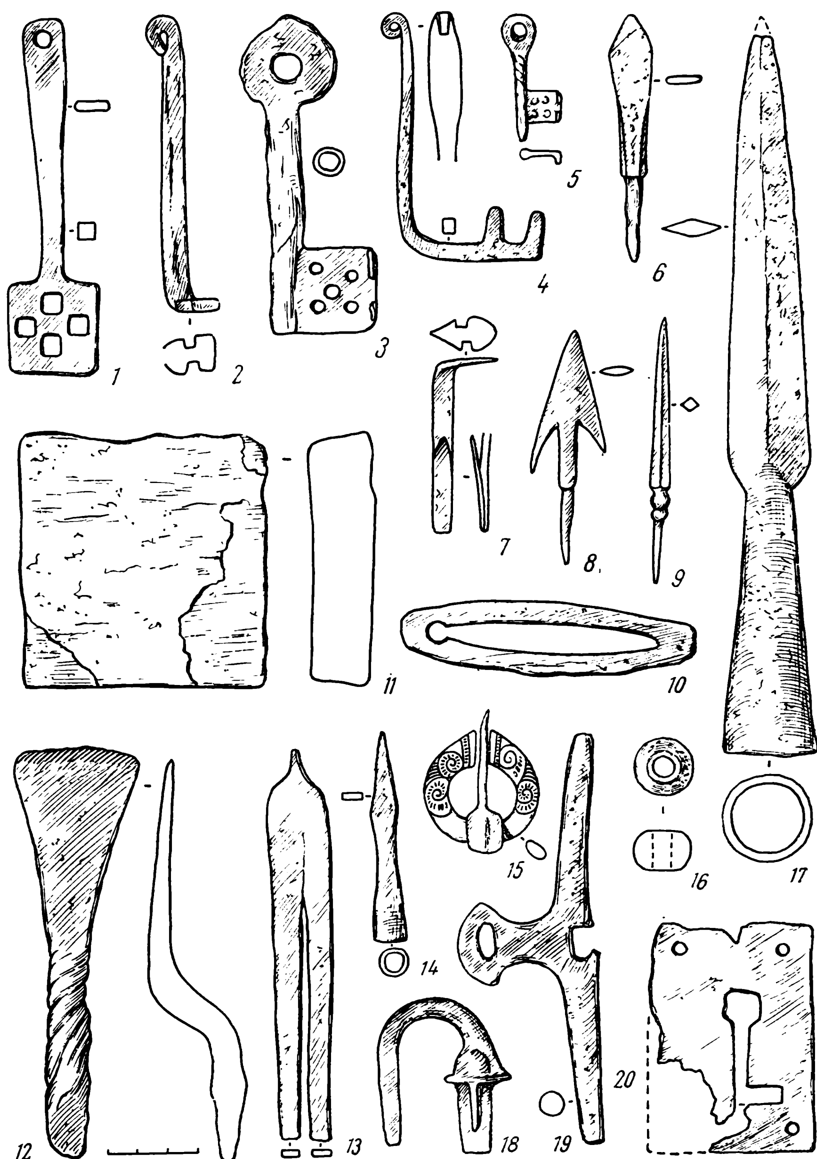

Рис. 38. Находки XI—XIII вв. из Логойска. *1—10*, *12—14*, *17—20* — железные изделия; *11* — глиняная плитка; *15* — бронзовая подкововидная пряжка; *16* — шиферное пряслице

В 1180 г. в Ипатьевской летописи упоминается князь «Всеслав Микулич из Логажеска» — союзник полоцких и черниговских князей. В Лаврентьевской летописи под 1186 г. уже назван другой князь «из Ложьска Василко Володаревич» [110]. Он вместе с новгородцами и смолянами выступил против полочан. В 1387 г. в Логойске существовал православный монастырь Иоанна Предтечи [111]. Примерно тогда в Логойске Витовт расширил укрепления.

6. КОПЫСЬ

Копысь названа в Софийской первой летописи, где под 1060 г. сказано о смерти сына Ярослава Владимировича Игоря, а затем повествуется, что умер новгородский архиепископ Лука Жидята, «идя из Киева на Копысе, месяца октября 15» [112]. Дату подтверждает «Повесть временных лет», сообщая о смерти Игоря (1060), хотя здесь нет сведений о Копыси. В Тверской летописи и Владимирском летописце Копысь упомянута под 1060 г. [113], в Никоновской летописи — под 1059 г. [114]

Во время похода Владимира Мономаха на Минск в 1116 г. Копысь была взята его сыном — смоленским князем Вячеславом («и взя Вячеслав... Копысу») [115], из чего следует, что она являлась укрепленным пунктом Полоцкой земли, затем отошла к Смоленску. Копысь упомянута в уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича, пожалованной им Смоленской епископии при ее учреждении (1136 г.), а также в дополнительной грамоте, приписанной к основному документу после 30 сентября 1150 г. [116] В уставных грамотах определяется размер феодальных поборов. Заслуживает внимания то, что «от Копосы» причиталось 6 гривен «погородия» [117], взимавшегося, как правило, с городов. Для изучения топографии Копыси имеет значение план 1778 г. [118] «Старый замок» на холме левого берега Днепра огибался двумя протоками Сморковки, уровень которой поднимался плотинами. Подле замка расположились торговая площадь и посад, окруженный валом и рвом.

В 1901 г. в 10 км восточнее Копыси на Киевском шоссе в д. Застенок обнаружен клад из 1200 куфических монет [119].

Первые раскопки на городище произвел Л. А. Михайловский (1950 г.). Ошибочно сообщение, будто бы тогда в Копыси в шурфах была найдена лепная керамика раннего железного века [120]. Л. А. Михайловский не исключал возможности существования русского поселения в IX—X вв., что впоследствии не подтвердилось. При раскопках были открыты напластования XI—XIII вв. [121]

В 1962 г. на городище работала археологическая экспедиция Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина (руководитель Л. А. Михайловский). Раскоп до 100 кв. м располагался у самого вала (рис. 39, *1*). Обнаружены хорошо сохранившаяся печь и значительное количество вещей, особенно много стеклянных браслетов.

Автор в 1968—1969 гг. обследовал городище в Копыси, снял его план и предпринял новые раскопки. Периметр вала 370 м, размеры городища 80×60 м (в древности площадь укрепленного центра равнялась 0,5 га). Высота вала с внутренней стороны местами достигает 5 м. Конфигурация городища изменена поздними переделками. Не исключено, что первоначальное городище было округлым мысовым с немного выступающим северным краем, со всех сторон окруженным водой. Вход находился с восточной стороны. На Сморковке мог быть подъемный мост. В XVI—XVII вв. вал неоднократно подправлялся, а во время Северной войны по приказу Петра I дополнительно укреплялся, отсюда нынешнее название замчища «Петровский вал». На городище нами исследовано 240 кв. м в раскопе, который был строго ориентирован по странам света (рис. 39, *2*). Наименьшая мощность культурного слоя с южной стороны раскопа 0,8 м. Материк понижается к северу, где толщина культурного слоя достигала 2 м. Особенно увеличивается в северном направлении мощность нижнего горизонта напластований черного цвета. Это в основном культурный слой периода Киевской Руси, но в нем встречаются бо-

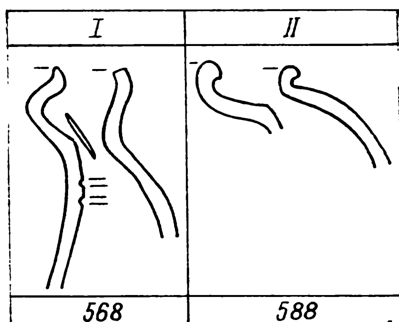
Рис. 39. План городища «Петровский вал» в Копыси с обозначением шурфов и раскопов

лее поздние вещи, которые попали сюда вследствие перекопов. Дерево на данном участке не сохраняется. В материке в одном случае выявлена хозяйственная яма, в ней нижний камень от жернова. Обнаружено большое количество отходов косторезного ремесла в виде обрезков рогов лосей и оленей (200 кусков), что свидетельствует о существовании косторезной мастерской в XII в. Здесь же были костяные изделия: обломок накладки, украшенной циркульным орнаментом, двусторонние гребни, шахматная фигура—ладья (рис. 3, *8*) Значительно количество изделий из железа: висячие цилиндрические замки (5), ключи (4), дужки к замкам (3), ножи (22), петли от сундуков (2), удила с кольцами (4), ручки дверные (2), наконечники стрел (2), шпоры (2), массивное круглое кольцо (вес 370 г), дужка от ведра, сковородка, пружинные ножницы, ложкарь, деталь от нутряного замка, медорезка. Встречены железные шлаки. Для датировки имеет значение писало с фигурными вырезами на лопаточке (рис. 3, *4*). В Новгороде, Полоцке такой тип писал датируется серединой XIII в. В яме, где был жернов, находилась подковообразная фибула. Вещей из цветных металлов немного: сплетенный из проволочек браслет, перстень со щитком, бубенец с линейной прорезью, кольцо[122], звездчатая пряжка (рис. 3, *7*), ушко от медного котла. Неясно назначение свинцового предмета весом 1060 г., в сечении овального и с цилиндрическим отверстием посередине. Найдено 130 стеклянных браслетов и только одна стеклянная бусина, в сечении квадратная. Браслеты были преимущественно в нижних пластах, а некоторые — на материке. Шиферных пряслиц 16. Лепная керамика отсутствует. Обломки керамики, которые можно было отнести к XI в., единичны. Круговая неполивная керамика представлена главным образом двумя типами горшков, из которых первый относится к XII—XIII вв. (рис. 40).

Помимо основного раскопа, произведен шурф (2×4 м) на северном выступе городища (рис. 39, *3*). Мощность культурного слоя до 2 м. Нижний слой (0,7 м) насыщен щепой и навозом. В шурфе расчищено хорошо сохранившееся бревно. Здесь была круговая керамика эпохи Киевской Руси и 4 обломка стеклянных браслетов.

В 1972 г. экспедицией Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина (руководитель Э. М. Загорульский) предприняты раскопки на городище. Напластования вскрывались в трех местах (рис. 39, *4—6*) общей площадью 316 кв. м. Их стратиграфия была нечеткой, без остатков деревянных сооружений. Близ юго-западного угла городища вал со стороны площадки исследован траншеей длиной 5 м. В профиле прослеживались два строительных периода. Первоначальный вал насыпался из мелкого песка, но сюда попали прослойки культурного слоя.

Рис. 40. Основные типы керамики с городища в Копыси (1969 г.)

В одной из них обнаружена круторогая лунница [123]. По мнению Э. М. Загорульского, сооружение ядра вала восходит ко второй половине XI — началу XII в., а городищу предшествовало неукрепленное поселение. Древний вал был высотой до 5 м по отношению к площадке городища. Во второй период истории укреплений (XVI — первая половина XVII в.) вал был несколько расширен и поднят еще на 2 м. В древнерусских напластованиях найдены топор, обломок косы, ножи, ножницы (5), перекрестье сабли, наконечники стрел (13) и копьев, фрагменты шпор, стеклянная посуда, замки, ключи, бусы, шиферные пряслица, изделия из кости. Стеклянных браслетов около 200. Некоторые предметы относятся к числу редких: бронзовое навершие булавы XII—XIII вв. с четырьмя большими центральными выступами и восемью крайними шипами, шахматная фигура, выточенная на токарном станке, бронзовая подвесная иконка с изображением Бориса и Глеба [124]. Таким образом, за все годы исследований городища изучена площадь 664 кв. м. Разнообразные находки говорят об интенсивной жизни в укрепленном центре в XII—XIII вв.

Посад древнего города находился на северо-восток от городища на территории современного городского поселка. Следы древнего поселения были открыты во время земляных работ в центре городского поселка (во дворе комбината бытовых услуг). При обследовании котлована для здания в 1969 г. нами зафиксирован культурный слой черного цвета толщиной до 1,4 м. В нижней его части были отдельные обломки горшков XII—XIII вв., аналогичные материалам городища, но преобладала керамика XIV—XVII вв.

Близ входа в городище и современной базарной площади нами проведены раскопки (4×4 м). Мощность культурного слоя превышает 2 м. Он относится к XVI—XVIII вв. На глубине 1,8 м был фрагмент стеклянной чары с изображением герба магната Острожского, владельца Копыси в XVI в. [125] На этом уровне находились бревна дренажа, укрепленные вертикально поставленными кольями. Следов поселения эпохи Киевской Руси не обнаружено. По-видимому, в этой местности в древности проходила протока Сморковки и при сильном паводке место заливалось водой.

Источники подтверждают, что Копысь возникла во второй половине XI в. В XII—XIII вв. она являлась небольшим городом на Днепре.

7. ОРША

Орша (Ръша), как и летописное выражение «на Рши», означает город, расположенный на р. Рша [126]. В «Повести временных лет» Орша упоминается дважды. Первый раз в связи с событиями 1067 г., когда полоцкий князь Всеслав после поражения в Немигской битве был приглашен киевским князем Изяславом для переговоров. Всеслав «перееха в лодьи черес Днепр, Изяславу же в шатер предъидущю, и тако яша

Всеслав на Рши у Смолиньска». Захватив Всеслава в плен, Изяслав «привед» его в Киев и заключил с двумя сыновьями «в поруб».

Летописца интересовал в первую очередь факт вероломного пленения Всеслава «на Рши», находящейся, по его предположению, где-то у Смоленска. Неясность такого выражения породила споры среди историков. В. Н. Татищев писал, что Всеслав «приехал лодкою по Днепру к Орше, где Ярославичи стояли» [127]. Поскольку Орша на Днепре расположена от Смоленска на значительном расстоянии (примерно 110 км), М. Н. Карамзин полагал, будто речь идет о более близкой к Смоленску местности Оршанский Ям подле Красного [128]. И. П. Барсов считал причиной столкновения Ярославичей с Всеславом Полоцким борьбу за Оршу и Копысь. Сыновьям Ярослава удалось временно овладеть Оршей [129]. Вероятно, незадолго до этого Всеслав из детинца Орши (от устья Оршицы) переправился на противоположный левый берег Днепра, где лагерем (в шатрах) стояли Ярославичи и здесь он был схвачен их дружинниками.

Во второй раз об Орше в Ипатьевской летописи говорится под 1116 г., когда Владимир Мономах совершил поход против минского князя Глеба Всеславича. О действиях сына Мономаха, княжившего в Смоленске, летописец говорит: «И взя Вячеслав Ръшю и Копысу». Орша была укреплена и ее пришлось брать с боем. С этого времени, как обычно считали историки, она была отнята у полоцких князей смоленскими князьями. Однако Орша отсутствует в уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича, пожалованной им Смоленской епископии при ее учреждении (1136 г.). Между тем Копысь, расположенная на Днепре в 22 км от Орши, включена в устав Ростислава Смоленского. Следует согласиться с Л. В. Алексеевым, что в 1116 г. «Копысь, лежавшая на смоленской стороне Днепра, была присоединена к Смоленску, а Орша возвращена Полоцку» [130].

С конца 20-х годов XIV в. Орша в составе Великого княжества Литовского [131]. Строительству ее укреплений (из камня и дерева) придавалось важное значение. По инвентарю 1560 г. в Орше замок с пятью башнями (рис. 41). Гарнизон замка насчитывал до 300 человек [132].

Оршанское городище находится на мысу при слиянии Оршицы и Днепра. Его площадка напоминает треугольник. Общая площадь 0,57 га, с напольной восточной стороны заплывший ров. В 1926 г. на городище А. Н. Лявданский произвел раскопки и заключил, что оно служило «первоначальным укреплением города», время возникновения которого «не ранее X и не позже XI века» [133]. Археологических данных для такой датировки не было. Наиболее древняя из обнаруженных вещей эпохи Киевской Руси — калачевидное кресало. Другие вещи датируются XII—XIII вв.

Ныне высота городища (со стороны Оршицы) 5,8 м от уровня воды. В 1964 г. небольшие раскопки производил автор. В нижнем слое найдены обломки стеклянных браслетов, толстостенная красноглиняная амфора, шиферное пряслице, ножи, много круговой керамики XII—XIII вв.[134]

Наиболее значительные раскопки в Орше сделаны под руководством Ю. И. Драгуна в 1965—1968 гг. (археологическая экспедиция Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина). В детинце вскрыто 503 кв. м, или 1/11 его площади (рис. 41, *1, 2*). Мощность слоя колебалась от 1,6 до 3,6 м.

В 1965 г. в южной части городища, недалеко от его края, разрабатывались I и II раскопы общей площадью 200 кв. м. От II раскопа к

краю городища была проложена траншея. Толщина слоя 1,6—2 м. В 1966 г. разрабатывался III раскоп площадью 60 кв. м в восточной части детинца. Мощность культурного слоя от 2,6 до 3,6 м. В нем дерево сохранилось плохо. На всей площади детинца культурные напластования стратиграфически можно разделить на три основных слоя (верхний, средний, нижний). В каждом из них выделяются более мелкие прослойки.

На материке попадались предметы эпохи бронзы: каменные клиновидные топоры, кремневые отщепы, костяной топор. Стратиграфически слой эпохи бронзы не прослеживается. На городище в Орше, как и в Копыси, не обнаружено признаков поселения раннего железного века.

Нижний слой черного цвета содержит прослойки угля, золы, обожженной глины. Его толщина в I и II раскопах 0,2—0,8 м, а в III раскопе от 0,8 до 2 м. Местами прослеживалось истлевшее дерево. Выявлены признаки хозяйственных срубных построек. Зафиксировано от 7 до 11 строительных горизонтов (ярусов). При каждой последующей застройке дома возводились в нескольких метрах от расположения прежнего жилища. Постройки рублены в обло. Жилища однокамерные, квадратные в плане (16—22 кв. м). Нижние венцы срубов лежат на земле. Иногда под углы срубов подкладывались камни для придания венцам горизонтального положения. В некоторых постройках прослежены остатки полов [135]. Печи глинобитные, на опечке. В один опечек при строительстве были заложены два рога молодого лося. Интересно, что при раскопках в Минске, по свидетельству Ю. И. Драгуна, под устьем печи оказался череп быка с рогами, вмазанный в глину. Возможно, обычай закладывать рога животных в основание печи имеет какую-то связь с народными поверьями.

Перейдем к характеристике вещевого материала. Изделий из железа большое количество: навесные и нутряные замки, ключи к ним, пружинные и шарнирные ножницы, топоры (2), долото, шило, ложкарь (резец), овальные кресала (4), различные пряжки (6) и пр. Навесные цилиндрические замки принадлежат к двум типам Б (XII—XIII вв.) и В (XII—XIV вв.).Найдено шесть коленчатых ключей для таких замков (по три для каждого типа). Один ключ от замка индивидуальной конструкции с небольшой винтообразной щелью. Такие замки и ключи изредка встречаются в Новгороде в слое середины XIII в. [136] Четыре ключа с пустотелыми стержнями от нутряных замков. Все ключи от более раннего типа комбинированных замков, которые изготовлялись со второй половины X до начала XIII в. Сравнительно часты находки предметов вооружения воина и снаряжения всадника: наконечники копий (3), стрелы (8), детали сабли, сломанные шпоры и стремена.

Сохранность изделий из меди и бронзы плохая. Из трех обнаруженных колец одно с утолщенной средней частью и разомкнутыми заходящими частями. Два другие круглопроволочные. Костяные изделия представлены двумя двусторонними гребнями. Довольно многочисленны шиферные пряслица. Диаметр их внутреннего канала 6—7 мм, в отдельных случаях 10 мм. Пряслица имеют бочонковидную или битрапецоидную форму. Найдены два небольших нательных крестика из камня. Один светло-коричневого цвета, второй синего. Они имеют просверленные отверстия для продевания нити. Есть сердоликовая бипирамидальная бусина. Точильные камни из песчаника и сланца.

В нижнем слое обнаружено большое количество стеклянных браслетов, но в самом древнем горизонте, ближе к материку, их не встречено.

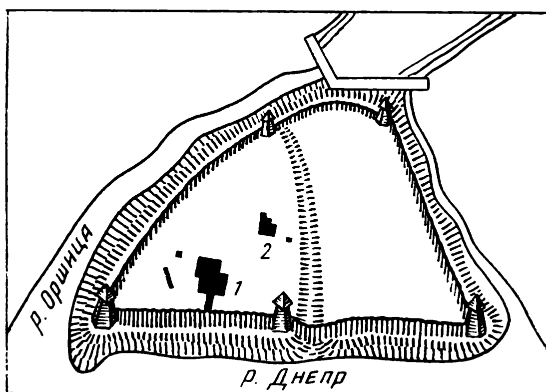

Рис. 41. Реконструкция замка в Орше (по Д. И. Довгялло)

Всего в Орше найдено 370 обломков стеклянных браслетов. Среди них более часты браслеты синего, черного и зеленого цвета. Меньше браслетов фиолетовых и желтых, 4 браслета темно-красного цвета. Браслеты красного цвета — весьма редкая находка. В Новгороде среди тысяч находок изделий красного цвета нет. Лишь среди смоленских украшений есть несколько темно-красных браслетов [137]. О стеклянных браслетах Ю. И. Драгун пишет: «Основные типы браслетов из Орши, Копыси и Друцка имеют очень близкие процентные соотношения и отличаются от смоленских, новгородских и полоцких. Основная их масса изготовлена по русскому рецепту, а 6 процентов — по «античному» [138]. Большинство браслетов из Орши крученые. Попадаются единичные гладкие трехгранные в поперечном сечении браслеты. Стеклянных бусин 8 штук: лимоновидная тройная синяя, полосатая лимонка, две крупных ребристых элипсоидных синих, зеленая зонная из полупрозрачного стекла (диаметр 6,4 мм, высота 2,6 мм). Они датируются X—XI вв. Есть бусы: синяя зонная прозрачная, белая шарообразная непрозрачная, цилиндрическая светло-коричневая (диаметр 7,8 мм, высота 8,3 мм).

Из кожаных изделий найдена подошва от сапога с заостренным носком, простой и ажурный поршни.

Земледельческие орудия представлены тремя экземплярами сошников (в обломках), рыболовные снасти — железным крючком без оттянутого зуба и обломками остроги.

Наибольшее количество обломков от кухонных горшков. Гораздо меньше мисок, чашек, сковород, а также грузил для сетей. По мнению Ю. И. Драгуна, керамический материал из Орши типологически близок к керамике из раскопок замчища в Минске. Преобладают сосуды со сложным венчиком, край которого в большей или меньшей мере загнут внутрь, шейка мягко изогнута. Такая керамика основная, количественно преобладающая в слоях XII — первой половины XIII в. в городах Полоцкого княжества. Особо выделенный Ю. И. Драгуном тип горшков, составляющий 11% от общего числа всех обнаруженных венчиков, близок к керамике специфического полоцкого типа со скошенным внутрь краем венчика, вдоль которого проходит желобок. Волнистый или линейный орнамент иногда наносился по венчику или близко к его краю. Наличие этой керамики свидетельствует о связях Орши с Полоцком. Орнамент на сосудах волнистый или линейный, как правило, на плечи-

ках. Иногда линейный орнамент покрывал 2/3 тулова. На днищах сосудов заметны остатки подсыпки из мелкой дресвы. Экземпляров с клеймами очень мало. На одном клеймо в виде круга, на другом изображен княжеский трезубец, подобный знакам на керамике городища на Менке. Красноглиняных амфор сравнительно немного. Они найдены только в нижнем слое.

Средний слой (желтый песок) толщиной 0,6—1,4 м однороден по составу. Местами встречаются темно-серые прослойки. Вещей в нем почти нет, изредка попадается керамика. Как показало бурение, этот слой песка, перекрывающий более ранние напластования, есть на всей территории детинца, причем к краям мощность слоя песка возрастает. Слой образовался в результате срытия насыпи вала и ее последующего выравнивания на площадке городища.

Верхний слой серой или темно-серой земли в I и II раскопах имел толщину от 0,4 до 0,9 м, а в III раскопе — от 0,6 до 1,3 м. Он сильно поврежден перекопами, содержит разновременные вещи начиная с XIV в. и до наших дней. Находки представлены круговой керамикой (горшки с раздутым туловом, небольшого размера миски, которые иногда имеют по три ручки). Много изразцов с зеленой поливой XVI—XVIII вв. Попадались гвозди, куски металла, много битого кирпича — пальчатки.

Ю. И. Драгун провел обследование за пределами Оршанского городища. При помощи бурения был получен графический профиль прилегающей территории и подтверждено, что городище с напольной стороны было защищено рвом, прокопанным от Днепра до Оршицы. Он заметен на плане Орши 1781 г. За рвом находился посад, с восточной стороны защищенный вторым рвом, соединявшим Днепр и Оршицу, и вырытый, по-видимому, в XIV в. при расширении главной укрепленной части города. Ров хорошо сохранился до настоящего времени. Участок, о котором идет речь, намного больше городища. Его длина около 150 м. Площадь примерно 3,5 га. Здесь проходила Замковая улица, а также 1-й и 2-й Замковые переулки. В 1966 г. недалеко от склонов рва были разработаны два шурфа. В шурфе, заложенном в юго-восточном углу участка, толщина культурного слоя более 1 м. Он весь перемешан. Найдены поливные изразцы, поздняя керамика и обломки сосудов эпохи Киевской Руси. Невдалеке при зачистке склона обнаружены огромные валуны и известковый раствор.

Итак, детинец Орши располагался на мысу при впадении Оршицы в Днепр. Здесь в XI в. при князе Всеславе Брячиславиче был основан населенный пункт на восточных рубежах Полоцкого княжества. Ранее этого времени Орша так же, как и соседняя Копысь, не существовала. В археологическом материале данных памятников XI в. отражен слабо, а большинство найденных вещей относится к XII—XIII вв. В конце XIV в. или в начале XV в. укрепленная часть Орши была перестроена и расширена. Старый ров, ограждавший городище с востока, был засыпан. Несколько выше по Днепру, между ним и речкой Оршицей, был прокопан другой ров. Площадь укрепленной части Орши увеличилась до 3,5 га. В связи с перестройкой старый вал на городище снивелирован и песок (средний слой) перекрыл древнейшие напластования (нижний слой).

В 14 км от Орши у д. Черкасово есть трехслойное городище с лепной керамикой днепро-двинской культуры, а также типа верхнего слоя Банцеровщины и материалами Киевской Руси (X—XIII вв.), включая стек-

лянные браслеты, железное писало[139]. В 2 км от городища было 136 курганов XI — начала XII в. При раскопках в них найдены кривичские височные кольца[140].

По-видимому, Черкасовское городище — остатки феодальной усадьбы, возникшей на месте поселения первобытнообщинного времени ранее основания Орши. Для понимания первоначальной истории Орши такой факт заслуживает внимания. Строительство другого укрепленного городка — Ръши на правом берегу Днепра при устье Оршицы вызывалось в первую очередь соображениями военного характера. Орша в XII в. была небольшим городом.

8. БОРИСОВ

Вероятнее всего, Борисов основал князь Борис Всеславич (умер в 1128 г.). Татищев без ссылки на источник писал: «В 1102 г. Борис Всеславич полоцкий ходил на ятвяг и, победя их, возвратясь, поставил град Борисов в свое имя и людьми населил»[141]. В белорусско-литовских летописях также говорится, что город Борисов на реке Березине «вчинил» полоцкий князь Борис[142]. Представляется маловероятным мнение В. Е. Данилевича, будто город построен для пленных ятвягов[143].

Борисов существовал в качестве укрепленного пункта Полоцкой земли в первой трети XII в. Во время большого похода 1127/8 г. против него направлялось сильное черниговское войско. В документах XV—XVII вв. неоднократно упоминается замок в Борисове[144]. Он находился на острове Березины и имел хорошие деревянные укрепления: фундамент из равностенных срубов, заполненных землей и камнем, сверху острог (тын) из дуба и «вежи» (башни). Размещение замка низинное, с максимальным использованием водоемов[145]. К нему примыкал город, исключительно деревянный.

В 1928 г. А. Н. Лявданский обследовал замчище на острове (300×200 м), окруженном старицей Березины (теперь ул. Гоголя). Следов вала тогда уже не было. В двух шурфах зафиксирован слой мощностью до 2 м без четкой стратиграфии. В нижней угольной прослойке найдены 2 обломка круговой керамики. В третьем шурфе на середине площадки замчища с самого верха шел песчаный грунт. Материалов Киевской Руси на замчище Лявданский не нашел, и он этого не утверждал, однако, судя по близлежащему курганному могильнику, писал о зарождении здесь Борисова в XI в.[146]

В 1963 г. при земляных работах на ул. Гоголя из глубины 1 м извлечено 10 каменных ядер диаметром 20—40 см от бомбард XIV—XV вв. Начиная с 1965 г. мы неоднократно обследовали данный участок. Никаких признаков древнего поселения обнаружить не удалось. Затем было выяснено, что древнее городище находится в другом месте в пос. Старо-Борисов на левом берегу Березины. Городище возвышается на 8—10 м над широкой заболоченной поймой (рис. 42). Площадка (150×80 м) ровная, вал не сохранился. Участок в 1 га отделен искусственным рвом. Вход на городище с северо-восточной стороны, рядом озерцо с вытекающим ручьем, впадающим в Березину. На карте 1595 г. примерно в этом месте показана речка Борисса[147]. Городище занимает оконечность большого мыса, огражденного с востока озером и ручьем, а с запада длинным оврагом.

Археологические раскопки производились в Старо-Борисове в 1963, 1969, 1971 гг. На городище изучено 224 кв. м, на селище — 96 кв. м.

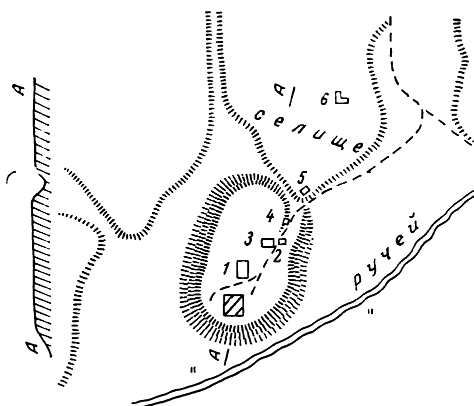

Рис. 42. Городище и селище в Старо-Борисове. *1—6* — местоположение раскопов

Ввиду того что городище тесно застроено, наибольшие раскопы сделаны в четырех местах. В трех раскопах мощность культурного слоя до 0,8 м, не считая ям в материке. На материке в единичных случаях найдена лепная керамика IX в. Дерево не сохранилось. Культурный слой испорчен перекопами. Местами уцелели наслоения XII—XIII вв. В I раскопе при зачистке материка выявлены следы постройки (3×3 м) столбовой конструкции.

В III раскопе в материке обнаружено, по-видимому, полуземляночное жилище 2,2×2,2 м, углубленное в материк на 0,8 м и погибшее в результате пожара. В заполнении много закопченных камней от печи-каменки, найдены вещи: 5 стеклянных браслетов и обломок стеклянного перстня синего цвета, 2 шиферных пряслица, железный топор XII—XIII вв., 2 ножа, точильный камень, гвоздь, навесной замок, костяной трапециевидный гребень и еще 8 неопределимых, плохо сохранившихся изделий. Самая важная находка — золотое трехбусинное височное кольцо, украшенное сканью (рис. 43, *1*). Вес изделия 4,5 г, диаметр соединительного кольца 2,7 см. Такие находки в Белоруссии редки, но часто встречаются в кладах на Киевщине [148], в самом Киеве [149] и в Старой Рязани [150]. Дата зарытия кладов — 70-е годы XII в. и 1240 г. Быть может, землянка принадлежала выходцу с Киевщины. В небольшом IV раскопе близ склона городища найдено в перемешанном слое финно-угорское украшение из серебра или биллона — полая зооморфная шумящая подвеска XII—XIII вв. (рис. 43, *2*).

Вещевой инвентарь с городища типичный для города XII—XIII вв.: 59 стеклянных браслетов, 26 шиферных пряслиц, несколько обломков красноглиняных амфор, дно стеклянного сосуда типа ритона. Предметов вооружения сравнительно немного: наконечники стрел, шпоры. Есть 2 серпа, коса-горбуша, острога с одним зубом. Встречены 3 подковообразные бронзовые фибулы, из них 2 орнаментированные, принадлежат к восточноприбалтийским типам. Стеклянные браслеты по цвету и форме обычны для других городов Руси. Лишь один браслет особый — темно-красного цвета, гладкий тонкий, в поперечном разрезе 3 мм. В небольшом количестве красные браслеты найдены в Смоленске и Орше. Керамика почти вся круговая, преимущественно XII—XIII вв. Встречаются сосуды полоцкого типа.

На селище у самого рва, отделяющего его от городища, произведены

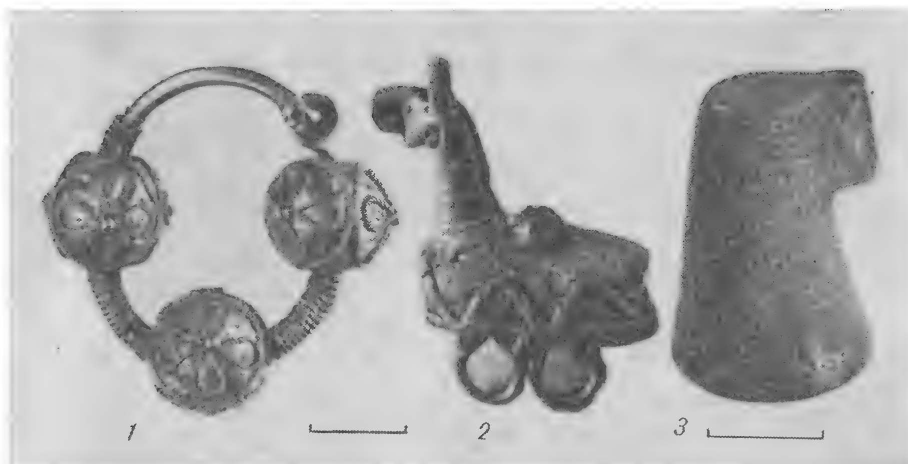

Рис. 43. *1—2* — золотое височное кольцо и серебряная зооморфная подвеска из Старо-Борисова (XII—XIII вв.); *3* — костяная шахматная фигура (конь) XI в. с поселения на Менке

раскопки. В V раскопе вскрыто 60 кв. м культурного слоя мощностью до 0,9 м. Под дерном был слой серой земли, ниже — черный слой с углем и вещами домонгольского времени (7 стеклянных браслетов, 2 бусины, дно стеклянного сосуда, бубенец с линейной прорезью, крупная бронзовая пустотелая зерненая бусина, смальтовый кубик синего цвета, какие употреблены для мозаик Киевской Софии) [151]. Керамика с селища аналогична глиняной посуде городища. На ручке амфоры есть граффито — буква «В». На селище заложен еще VI раскоп площадью 32 кв. м (рис. 42, *6*). Мощность слоя от 0,3 до 1 м. Обнаружены 2 стеклянных браслета, обломок горшка конца X — начала XI в. Таким образом, основное селище находилось на север от городища и имело площадь 2—3 га. Видимо, поселения были в других близлежащих местах.

На левом берегу Березины, между Старо-Борисовом и Борисовом — курганный могильник. В составе женских ожерелий есть филигранные (дреговичские) бусы. Ныне сохранились две курганные группы близ интерната ветеранов труда. В 1971 г. раскопан курган с трупоположением. При нем был серп.

Е. И. Тимофеев, рассмотрев материалы курганных могильников, установил, что в районе расположения Логойска, Борисова, Минска, Заславля преобладают кривичские курганы. Погребений с типично дреговичским инвентарем мало [152].

Как показывают данные наших раскопок и топонимики, Борисов возник в XII в. на месте небольшого поселения. Тем самым подтверждается сообщение В. Н. Татищева, что город был построен в 1102 г. и наиболее вероятным его основателем следует считать полоцкого князя Бориса Всеславича. Через несколько столетий город переместился на 4 км от своего первоначального местоположения.

Глава IV

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ, БЫТ И КУЛЬТУРА

1. РЕМЕСЛО. ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ВОЕННОГО ОБИХОДА

В поселениях третьей четверти I тыс. н. э., существовавших на тех местах, где потом сложились древнейшие города Полоцкой земли (Полоцк, Витебск, Лукомль), население занималось обработкой железа, бронзолитейным делом и другими промыслами. При археологических раскопках в культурном слое этого времени в Витебске и Лукомле находили шлаки, остатки железоделательного производства. О литейном деле свидетельствуют находки в Витебске тиглей для плавки цветных металлов и каменных отливочных форм. Одна каменная форма (рис. 58, *1*) употреблялась для изготовления лунниц с выступом посередине нижнего края, напоминающих трехконечные лунницы. Вторая форма была хорошо обработана снаружи. Ее рабочая часть тщательно выровнена, на ней изображение будущей отливки, которая служила, очевидно, заготовкой для украшения.

Обработка черного металла выделилась первой в самостоятельную отрасль ремесленного производства. В Древней Руси металлургическое производство было основано на местных болотных рудах. Железные шлаки неоднократно встречались в слоях X—XIII вв. в Полоцке, Заславле, Минске, Логойске, Витебске, Лукомле и других городах. На Верхнем замке в Полоцке обнаружены остатки производственного сооружения — кузницы. В Друцке при выезде из детинца много лет стояла кузница, удовлетворявшая нужды княжеской дружины. Здесь выявлена яма со шлаками и несколькими большими соплами [1]. Ямы с железными шлаками найдены на посаде в Заславле. Городские кузнецы хорошо знали способы получения стали путем науглероживания железа, что требовало специальных знаний.

Из железа и стали ремесленники изготовляли инструменты для различных ремесел, сельскохозяйственные орудия, предметы вооружения, всевозможные бытовые изделия.

В Полоцке и Минске найдены кузнечные клещи и бородки для пробивания отверстий. Кузнечные клещи были в кургане под Заславлем (вместе с монетой Оттона и Адельгейды 60—70-х годов X в.). На детинце в Друцке обнаружены кузнечные клещи, молоток, небольшая наковальня, несколько видов зубил. Металл обтачивался с помощью точильных кругов и брусков. Бруски-оселки из песчаника и сланца попадаются повсеместно. В Минске, например, их найдено около 100. Некоторые оселки имеют отверстия для ношения на ремешке возле пояса.

Металлографические анализы изделий из раскопок Минска [2], Полоцка [3], Витебска, Друцка [4] подтвердили, что городские ремесленники применяли многие технические приемы, в том числе кузнечную сварку железа и стали, обработку стали термическим способом. На рабочие грани

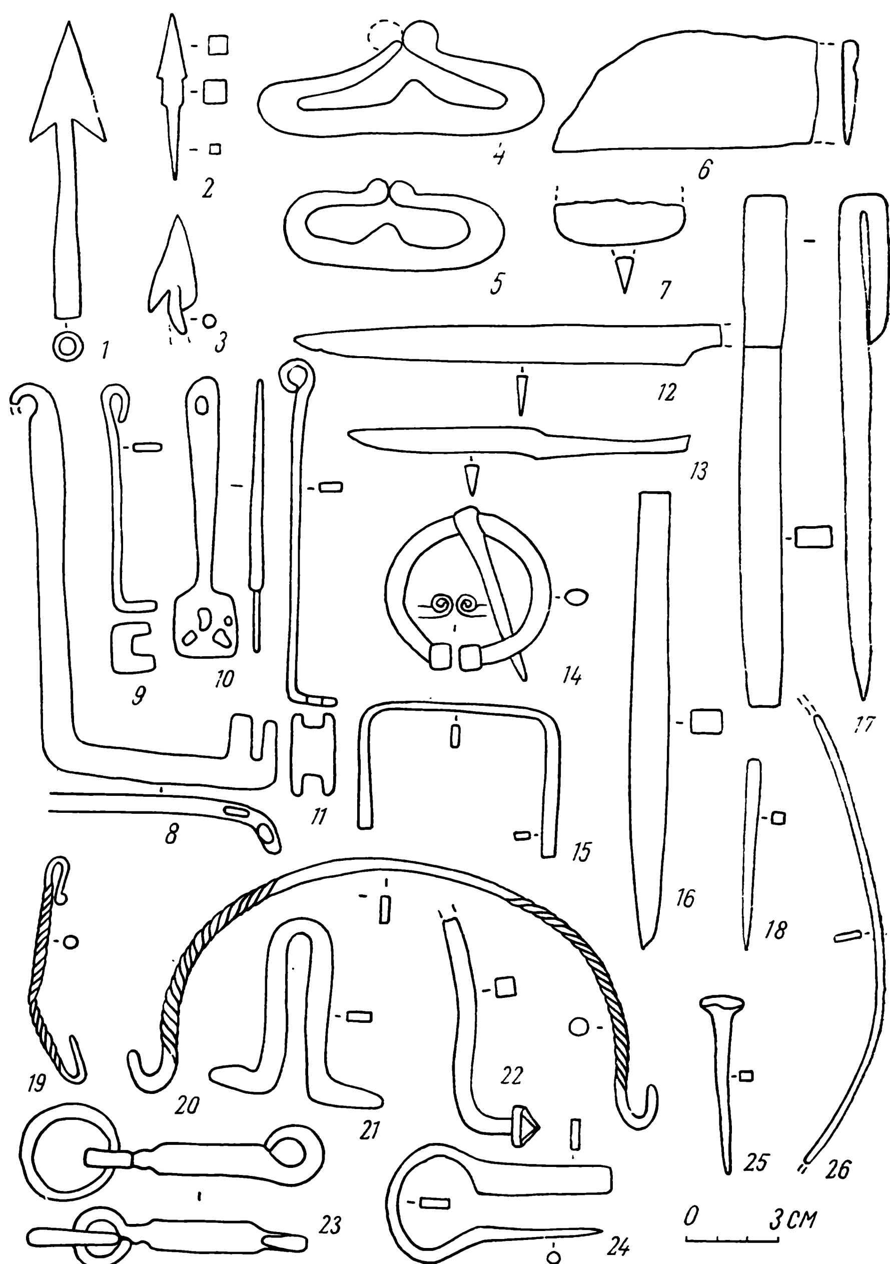

Рис. 44. Железные изделия X—XI вв. с поселения на Менке

орудий труда — ножей, ножниц, топоров, долот, зубил, серпов, кос — наваривались стальные полосы.

Некоторые изделия из железа (стремена, шпоры) покрывались тонким слоем олова (лужение), другие инкрустировались цветными металлами, замочные личины украшались орнаментальной мелко-пуансонной чеканкой.

Кузнецы делали многочисленные универсальные инструменты, которыми пользовались горожане в домашнем хозяйстве и быту. При раскопках часто встречаются обычные хозяйственные ножи, иногда с костяными рукоятками (рис. 17, *23*). Изредка попадаются двулезвийные складные ножи (рис. 18, *10*; рис. 20, *2*). С X в. в городах Полоцкой земли были распространены пружинные ножницы. Шарнирные ножницы в домонгольских слоях редки. Самые многочисленные железные изделия — гвозди.

Наиболее сложной продукцией слесарей были съемные замки, которые встречаются в культурном слое всех городов. Древнейший тип навесного замка X—XI вв. имеет боковое Т-образное отверстие, где проходил плоский ключ (тип А по классификации Б. А. Колчина)[5]. Такие замки и ключи найдены на городище и селище на Менке, в Лукомле, Минске, Витебске, Логойске, Друцке, Браславе (рис. 44 *10;* рис. 38, *1*). В XII—XIII вв. получили распространение навесные цилиндрические замки типов Б и В с коленчатыми ключами. Они встречаются повсеместно в городах Полоцкой земли (рис. 38, *2*). Корпус цилиндрического замка сделан из цветных металлов, а дужка — из железа. Неподвижные (нутряные) замки, известные по раскопкам Новгорода, применялись также в городах Полоцкой земли. Ключи-отмычки от накладных деревянных замков X—XI вв. найдены в Полоцке, Лукомле, Заславле, Логойске, поселении на Менке (рис. 44, *8*). Более поздний тип неподвижного комбинированного замка из деревянных и железных деталей относится к XII—XIII вв. Для него употреблялись ключи с заостренными стержнями, найденные в Минске, Полоцке, Лукомле, Логойске (рис. 38, *5*).

Кресала (огнива) в городах Полоцкой земли представлены двумя основными типами: калачевидными с язычком X—XI вв. из поселений на Менке, из Заславля, Полоцка, Браслава, Орши, Друцка (рис. 44, *4*, *5*) и овальными XIII в. из Лукомля, Витебска, Полоцка, Логойска, Орши, Друцка, Минска (рис. 17, *22*).

При раскопках обнаружены многие виды оружия, защитного вооружения, предметов снаряжения всадника и верхового коня, применяемые в Киевской Руси. Детали мечей и сабель найдены в Минске[6], Друцке, Орше, Кукенойсе, другие виды оружия ближнего боя (наконечники копьев и сулиц, булавы, топоры) — в Браславе, Друцке, Логойске, Минске[7], Полоцке, Лукомле. В Копыси обнаружено бронзовое навершие булавы XII—XIII вв. с четырьмя большими центральными выступами и восемью малыми крайними шипами. Бронзовое навершие из Лукомля имеет шаровидную форму и небольшие ребристые выпуклости (рис. 17, *9*).

Многочисленны железные наконечники стрел, особенно черешковые. Двушипные втульчатые наконечники (2-й тип по классификации А. Ф. Медведева) употреблялись с VIII до середины XIII в. Они найдены в Полоцке, Минске, Браславе, Друцке. Ранние экземпляры с перекрученной шейкой из Лукомля относятся к IX—X вв. (рис. 18, *1*). Ромбовидные наконечники гнездовского типа (41-й тип), широко распространенные с VIII—IX вв. до середины XI в., были в Полоцке, Лукомле, Витебске (рис. 45, *9*). Ланцетовидные наконечники с Полоцкого (1 экз.) и Лукомльского (5) городищ являются важным признаком для IX — первой половины XI в. (рис. 45, *6*). Ланцетовидные трехгранные наконечники без валика на шейке и с валиком (75-й тип) найдены в Лукомле (4 экз.), они датируются X—XI вв. (рис. 45, *7*). Обращает внимание значительное количество (9 экз.) шиловидных наконечников XII—XIII вв. из Логойска (95-й тип), предназначенных для поражения воинов в кольчуге.

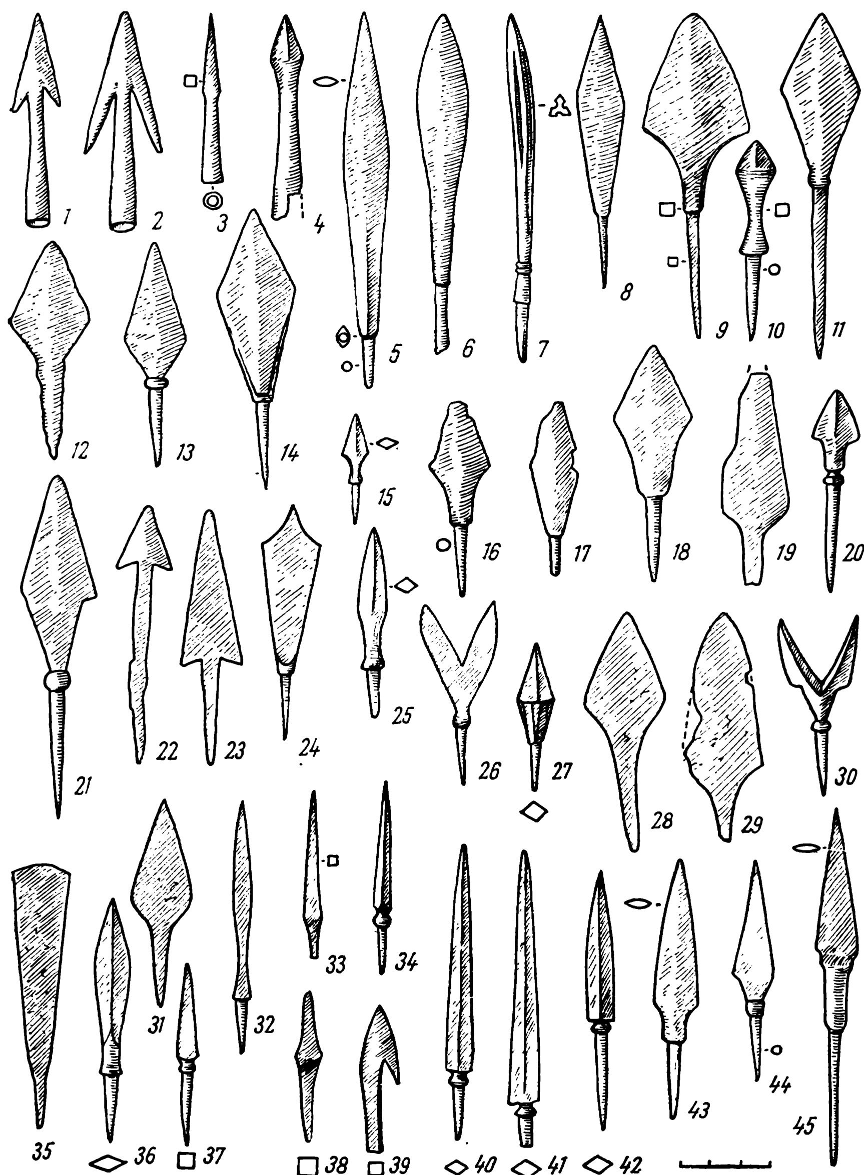

Рис. 45. Железные и стальные наконечники стрел городов Полоцкой земли. *1, 6, 7, 11, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 32, 33, 38* — Лукомль; *2, 4, 20* — Минск; *3, 12, 13, 14, 15, 21, 34, 37, 39, 40, 41, 42* — Логойск; *5, 8, 9, 45* — Витебск; *10* — городище на Менке; *44* — селище на Менке; *16, 17* — Копысь; *18, 19* — Старо-Борисов; *24, 35, 36* — Друцк; *26, 31* — Орша; *30* — Браслав; *43* — Заславль

Шиловидные наконечники найдены в Браславе [8], Орше, Лукомле, Друцке (рис. 45, *32—34, 40, 41*).

Защитное вооружение представлено фрагментами кольчуги и пластинами панциря (Друцк, Минск [9], Полоцк, Лукомль).

К предметам снаряжения всадника и коня из городов Полоцкой земли относятся удила, стремена, шпоры. Стержневидный псалий с двумя

отверстиями бокового щитка от удил из Витебска датируется X в.[10] Разновидностью этого типа является железный псалий из Логойска (рис. 38 *19*). В X—XIII вв. в городах Полоцкой земли были особенно популярны удила, состоящие из двух подвижных звеньев и двух колец. Они найдены на поселении на Менке (рис. 44, *23*), в Лукомле, Копыси, Логойске, Полоцке, Минске, Браславе. В Браславе были также удила, состоящие из одного изогнутого стержня [11].

В Заславле на посаде обнаружено стремя округлой формы с пластинчатым прямоугольным ушком, а в Лукомле на городище — стремя с контуром в виде арки и плоской подножкой. В Копыси найдено стремя кольцевидной формы (V тип по классификации А. Н. Кирпичникова), в Логойске — фрагмент стремени с дужкой, имеющей стрельчатое завершение [12] (VII тип), в Браславе — с дужкой, которая имеет килевидное завершение (IX тип). В Минске найдены два стремени IX типа и одно X типа, в Полоцке — три обломка стремян, тип которых трудно установить.

В Минске на замчище обнаружено 28 шпор, которые описаны А. Н. Кирпичниковым и отнесены к I—V типам [13]. Среди 14 «угловатых» шпор (III тип) из Минска XII—XIII вв. есть парные детские. Шпоры этого типа найдены в Старо-Борисове со стержневидным длинным шипом, Браславле с пирамидальным шипом (3 экз.), Логойске, Лукомле с пирамидальным шипом. В Копыси две шпоры со стержневидным шипом. Одна из них инкрустирована проволокой. Шпоры со звездочкой или колесиком (V тип) известны из Минска, Полоцка, Старо-Борисова, Витебска, Лукомля.

При раскопках городов часто попадались так называемые ледоходные шипы для человека и коня. В Орше найдены подпружные пряжки и скребница с одной пластинчатой гребенкой для чистки коней. В Витебске и Лукомле обнаружены подковы с одним передним шипом. Подобное изделие найдено в Браславе [14].

Литейное дело было широко распространено в городах. С помощью литья производились различные предметы быта и украшения из цветных металлов и их сплавов. На городище в Лукомле в слое X в. обнаружена створка каменной формы для отливки трапециевидных и круглых украшений-подвесок (рис. 18, *2*). Подобные литейные формы известны с городища Камно на Псковщине [15]. Глиняные льячки X в. найдены на селищах в Лукомле (рис. 18, *11*) и на Менке. На селище на левом берегу Лукомки среди вещей XII—XIII вв. была каменная створка литейной формы, служившей для изготовления монетовидных и трапециевидных подвесок, а также крестиков [16]. Разъемные формы, вырезанные из мягких пород камня, найдены в Минске, Витебске, Друцке. Наибольшее их количество из Полоцка (21 экз.). Они служили для отливки трехбусинных серег, подвесок, крестиков, пуговиц, перстней. Пять из них с двумя литниками употреблялись для отливки пустотелых объемных украшений способом «навыплеск». Некоторые формы выполнены с такой тщательностью, что сами по себе являются замечательными образцами прикладного искусства. В Полоцке на Верхнем замке в слоях конца X—XIII вв. встречено 42 тигля [17].

О ювелирном деле в детинце древнего Минска свидетельствуют 4 ювелирных пинцета, остатки небольшой мастерской, где найдены 2 створки каменной формы для изготовления пуговиц, брак отливки пуговицы, незаконченные обработкой прямоугольные накладки. В распоряжении ювелира, работавшего здесь, был набор форм [18]. Каменные отливочные

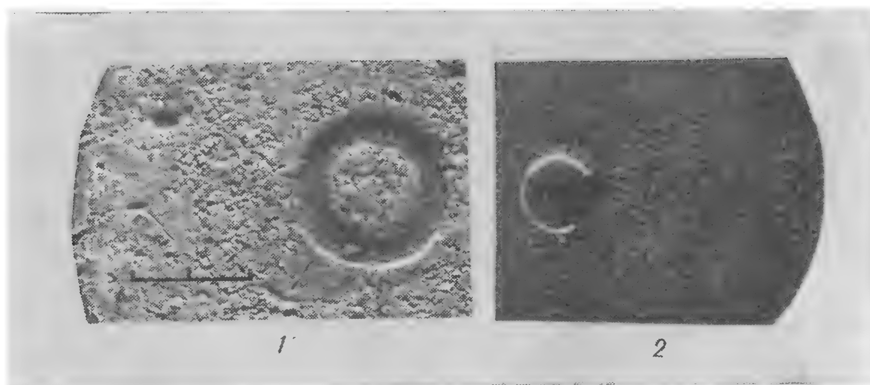

Рис. 46. Отпечатки на днищах горшков X в. *1* — сосуд из Лукомля; *2* — горшок из Витебска

формы найдены в Витебске (4), Друцке (3), Лукомле (2), Ерсике (5). В Друцке обнаружены 6 тиглей, сохранившихся почти целиком, и железный молоточек, употреблявшийся для чеканки при ювелирных работах [19].

Мастера ювелирного дела в городах, кроме литья, владели другими приемами обработки цветных и благородных металлов — чеканкой, гравировкой, тиснением, штамповкой, сканью и зернью. Есть основания полагать, что в Полоцке было налажено производство перегородчатых эмалей.

Керамика — массовый материал из раскопок всех городов. Она представляет интерес в одинаковой мере для изучения ремесла и быта населения. В Полоцке, Витебске, Лукомле, Браславе в ранних напластованиях найдена лепная керамика. Наибольшее количество ее в нижних слоях Витебска и Лукомля.

Лепная керамика VIII — начала X в. подразделяется на три типа: горшки, сковородки, миски. Горшки имеют почти прямой верхний край (иногда он чуть отогнут наружу) и хорошо выраженные плечики, что отличает их от слабопрофилированных или тюльпановидных сосудов (с наибольшим диаметром примерно в средней части их высоты) третьей четверти I тыс. н. э. Горшки с плечиками непосредственно переходят в раннекруговую посуду. Наряду с этим есть круговая керамика, типологически связанная с упомянутой слабопрофилированной лепной посудой.

Лепные «плечистые» горшки IX — начала X в. Лукомльского городища, Нижнего замка в Витебске, Полоцкого городища близки керамике длинных курганов. Сосуды изготовлялись из неотмученной глины с примесью крупнозернистой дресвы. Стенки их толстые, неровные и шероховатые. Качество обжига невысокое. На изломе они имеют темный цвет. В Лукомле на селище найден лепной горшок с выразительным отпечатком кольца в глубь поверхности днища (рис. 46, *1*). Горшок этот лепился на формовочной подкладке. Сосуд весьма близок к раннекруговой посуде.

Обычно сосуды изготовлялись на твердой подставке. Для того чтобы сосуд к ней не прилипал, подсыпали золу, мелкий песок или дресву. Лепные горшки иногда имеют веревочный орнамент роменского типа по плечику и закраинам венчика. Такая керамика встречена в Полоцке,

Витебске (рис. 14, *2*), Лукомле, поселении на Менке. Изготовление керамики от руки, лепным способом говорит о гончарном деле как домашнем промысле. С появлением гончарного круга связано выделение специалистов-гончаров.

В Витебске и Лукомле в слое X в., как правило, лепная керамика присутствует вместе с горшками, подправленными на простом гончарном круге с неподвижной осью и скользящим подшипником. Это простейший гончарный круг с грибовидным диском, описанный А. А. Бобринским [20]. Гончарный круг появляется в Полоцкой земле примерно в середине X в. Он повсеместно распространился во второй половине этого столетия в лесной полосе [21]. Раннекруговая керамика из Витебска, Лукомля, поселения на Менке имеет отогнутый венчик и покатые плечики (рис. 47, *1, 2, 4—6*).

Глиняные сковородки обычно считают специфической славянской формой посуды. Они встречаются на славянских памятниках VI—VII вв.[22] на большой территории от Приднепровья до Румынии и Чехословакии. Лепные сковородки VIII — начала X в. из Витебска (4 экз.), Лукомля (5), поселения на Менке (3) представляют собой плоские диски диаметром 20—25 см с бортиками высотой до 2 см, прямыми или слегка склоненными наружу. Позднее сковородки стали изготовляться на гончарном круге. На Менке найдено до 70 обломков такой посуды. Некоторые сковородки имеют линейный орнамент с внутренней стороны (рис. 26, *3, 6*).

Со второй половины X в. интенсивно использовался гончарный круг для производства кухонных горшков. По сравнению с изготовлением сосудов в VIII—IX вв. способом ручной лепки произошло качественное изменение гончарного дела, оно выделилось в важную отрасль ремесленного производства.

В городах, расположенных в южной части Полоцкой земли (Изяславль, поселение на Менке), широкое распространение получили горшки с наружным выступом (валиком или карнизиком) на верхней части сосуда, что характерно для посуды, употреблявшейся с конца X в. на протяжении XI в. Огромное количество ее найдено на поселении на Менке (рис. 27). Орнамент на горшках исключительно линейный, нанесенный гребенчатым инструментом с различной частотой зубьев. Линии отстоят друг от друга на расстоянии от 0,5 до 5 мм. На плечиках они расположены более густо, а в придонной части немного реже. Горшки с развитым профилем венчика (с карнизиком) встречаются в северной части Полоцкого княжества (Полоцк, Витебск, Лукомль) в слоях XI в.

Особенно многочисленна круговая керамика в культурном слое городов периода феодальной раздробленности. В большинстве случаев это кухонные горшки нескольких основных типов с усложненным венчиком, округлый край которого загнут внутрь [23]. Среди посуды преобладают печные горшки средних размеров, на их плечиках волнистый или линейный орнамент. Это основная группа керамики, количественно преобладающей в слоях XII — первой половины XIII в. в Полоцке, Минске, Борисове, Логойске и других городах.

По материалам Полоцка нами выделен особый тип горшков со скошенным внутрь краем венчика, вдоль которого проходит желобок. Такие горшки появились в Полоцке в XI в. и имели значительное распространение в XII — начале XIII в.[24] Керамика полоцкого типа есть в Минске, Орше, Борисове, Витебске.

При раскопках городов встречаются глиняные крышки к горшкам.

Рис. 47. Круговая керамика. *1*, *2*, *4—6*, *8* — с поселения на Менке (X—XI вв.); *3* — из Логойска; *7* — из Заславля; *9* — из Минска (XII—XIII вв.); *10*, *11* — с Лукомльского городища (XII—XIII вв.); *12—14* — из Копыси (XII — первая половина XIII в.); *15* — из Полоцка (рубеж XIII—XIV вв.); *16—18* — из Старо-Борисова; *19* — из Лукомля (XVI в.)

Их число значительно возрастает в слоях XIII в. В Полоцке выявлены крышки двух типов — почти плоские и глубокие, конической формы. Найдены целиком сохранившиеся кувшины в Друцке и Лукомле (рис. 47, *11*). В употреблении были миски и плошки. Они изготовлены на гончарном круге. Стенки плошек из Друцка и Полоцка немного наклонены.

В Друцке обнаружен целиком сохранившийся сосудик, похожий на амфорку киевского типа, с двумя ушками сбоку, симметрично расположенными. В такой посуде обычно ставили на стол вино. Корчажцы известны из раскопок Киева и других памятников на территории Украины. Три корчажца найдены в Копыси (рис. 47, *13, 14*). На днище одного корчажца есть клеймо (рис. 53, *17*).

Вопрос о назначении отпечатков рельефных клейм неоднократно поднимался в литературе и до сих пор остается спорным [25]. В Полоцке из 400 днищ 9% имеют клейма, причем на 28 днищах середины XIII в. тождественные знаки. Мы присоединяемся к предположению Б. А. Рыбакова, что клейма — скорее знаки гончаров, чем заказчиков. Это еще раз подтверждают материалы из раскопок на Менке, где в 1975 г. на площади 900 кв. м обнаружено 650 днищ от горшков X—XI вв. и 38 днищ, включая четыре целых сосуда, имели клейма. У более древних горшков очень простой рисунок клейма — один круг (солярный знак). Затем клеймо, усложняясь, представляет 2—3 концентрических круга. Внутри них появляются пересекающиеся линии — две, три, четыре. Есть два вида тождественных клейм. Первый вид (3 экз.) — круг с тремя пересекающимися немного не по центру линиями (рис. 53, *11*). Другой вид более сложного клейма (рис. 53, *6*) обнаружен на шести горшках, снятых с одного круга. Собранный из осколков сосуд имел высоту 35 см (рис. 47, *5*). Б. А. Рыбаков проследил по курганным материалам усложнение клейм и на основании этого выдвинул гипотезу о наследственности гончарного ремесла [26]. Именно такое усложнение клейм хорошо прослеживается на керамике Менского поселения. Мысль Б. А. Рыбакова о принадлежности клейм ремесленникам находит подтверждение. Можно говорить о существовании гончарных мастерских на Менке. В них изготовлено то огромное количество единообразной по форме венчика и орнаменту керамики, которая найдена при раскопках. Но есть разнообразие в размерах горшков. Самый большой сосуд имел диаметр горла 28 см, самый малый горшочек — 4 см.

В Витебске, Лукомле, поселении на Менке часто попадаются глиняные пряслица конца IX — начала XI в. У них ровная, как будто бы выточенная поверхность (рис. 18, *8, 9*). В иных случаях хорошо заметны круговые борозды. Аналогии пряслицам можно указать среди материалов многочисленных поселений восточных славян IX—X вв. лесостепного левобережья Днепра [27]. Форма пряслиц биконическая, усеченная, есть и овальная. С середины XI в. производство глиняных пряслиц почти прекратилось в связи с широким распространением изделий из шифера.

В крупных городах производился тонкий широкий красный кирпич хорошего обжига. Для строительства монументальных сооружений требовались также декоративные керамические плитки, найденные в большом количестве в Полоцке. Обычно ими украшались пол и стены церквей. Плитки обнаружены в Друцке, Логойске, Витебске. Процесс изготовления керамических плиток имеет связь со стеклоделием.

Деревянные сооружения и разнообразные предметы быта сохранились в культурном слое Минска, Полоцка, в меньшей мере Друцка, Витебска, что позволяет судить об обработке дерева. Плотничество — очень распространенное занятие у населения лесной полосы. В городах были плотники-профессионалы. К плотницкому делу относится строительство жилищ. Основным инструментом при возведении всех деревянных построек был топор. Срубы рубились в обло, чашками и продольными пазами вверх. Длина концов бревен, выступающих наружу, 20—

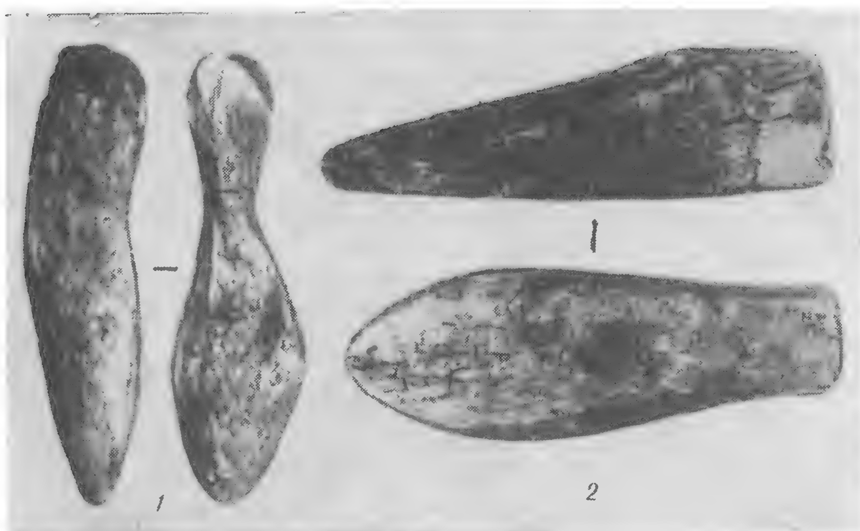

Рис. 48. Деревянные колодки-правила XII—XIII вв. (Минск)

30 см. Инструменты обработки дерева: долота, скобели, сверла, тесла, резцы крючковидной формы — найдены во многих городах Полоцкой земли. В Друцке обнаружен обломок пилы-ножовки длиной до 13 см. Наибольшая ширина 3 см. Пилка служила для обработки дерева, а возможно, и кости. Пила найдена в Минске. Разнообразна домашняя утварь — ведра, кадки, ложки, миски, ковши (из Полоцка и Минска). В городах была посуда, точенная на токарном станке. Свидетельством применения токарного станка служат бабышки — отходы токарного дела (Полоцк). Некоторые изделия украшались резьбой (рис. 9).

Кость и рог — сырье, широко использовавшееся в ремесленном производстве средневековья. Отходы косторезного ремесла — отпилы рогов, костей — встречаются повсеместно, но больше всего их в детинце Копыси (в одном только месте до 200 заготовок и обрезков). Значительное скопление таких отходов отмечено в Друцке. В XI—XIII вв. для изготовления мелких поделок из кости применялся токарный станок. Орнамент наносился ножом-резцом или циркулем. Лучковое сверло — специальный инструмент костореза — найдено в Минске, а напильник-рашпиль для обработки кости и кожи — в Друцке.

Из кости (чаще рога лося) делали гребни. В X—XI вв. были распространены односторонние гребни, составленные из нескольких пластин с зубьями (Полоцк, Витебск, Лукомль). Полуфабрикат такого изделия из Полоцка — доказательство местного производства. В Лукомле обнаружен футляр от одностороннего гребня (рис. 7, *1*). Среди двусторонних гребней есть составные с поперечными накладками (рис. 3, *1*; рис. 22, *1*) и цельные (рис. 20, *9*), нередки трапециевидные по форме. Оба вида гребней — частая находка на городище в Лукомле и Копыси. В Друцке, Минске, Браславе преобладают цельные трапециевидные гребни. Стандартность гребней — свидетельство ремесленного производства. Костяные рукояти ножей нередко украшались циркульным или линейным орнаментом. Пуговицами служили костыльки-застежки XI—XII вв. (Полоцк и Лукомль). Из костяных пластин делались всевозможные наклад-

Рис. 49. Отходы от изготовления пряслиц из розового шифера и брак производства XI в. (поселение на Менке)

ки. Костяные петли для колчанов найдены в Борисове, Лукомле (рис. 17, *16*). В хозяйстве применялись некоторые виды костяных орудий труда. Костяные проколки — обычные находки при раскопках городов.

Кожевенно-сапожное ремесло играло значительную роль в экономике городов. В Полоцке обнаружена кожевенная мастерская середины XIII в., в Минске — мастерская сапожника, где найдены инструменты и много кожаных изделий. Химико-технологическое изучение кож XII—XIII вв. из Полоцка и Минска показало, что они близки кожам кустарного приготовления, процесс выделки которых известен по этнографическим данным, что рассмотрено нами в отдельной публикации [28]. Простая древнерусская кожаная обувь — поршни, внешне похожие на лапти. Башмаки и сапоги были выворотными, без твердого задника и каблука. Поверхность женских башмаков часто украшалась узорами, вышитыми разноцветными нитками. В Минске, Полоцке, Витебске обнаружены сапожные колодки — правила, применявшиеся для изготовления выворотной обуви, много шильев. Из кожи делали кошельки, футляры, рукавицы (рис. 31).

Камнетесы были связаны со строительным делом. Они высекали квадры и блоки для возведения монументальных сооружений. Квадры, изготовленные из местных доломитизированных известняков, залегающих в окрестности Витебска, использовались для строительства Благовещенской церкви (XII в.). В Минске на замчище фундамент храма XII в. сложен из булыжных камней. Стены изнутри облицовывались известняковыми плитками, которые высекались на месте строительства. Мягкие породы камня использовались для изготовления предметов религиозного культа, в первую очередь иконок. Иконки из Минска и Полоцка — замечательные образцы прикладного искусства. Встречаются небольшие простые нательные каменные крестики. Не совсем обычной находкой для древнего города являются каменные топоры эпохи неолита и бронзы, с которыми у горожан были связаны поверья. Много каменных топоров найдено в культурном слое Полоцка, Лукомля, Минска и других городов.

На поселении на Менке, впервые на территории Белоруссии, встречены отходы от изготовления пряслиц из розового шифера (5 кусков), брак производства (рис. 49), заготовки шиферного сланца, что наводит на мысль о существовании здесь в XI в. мастерской. Ранее такие находки были известны из района Овруча, а ныне найдены в Киеве [29] и Суздале [30].

Стеклянные изделия из городов представлены украшениями (бусы, браслеты, перстни), тонкостенной посудой, обломками плоских оконных стекол. Ю. Л. Щапова высказывает предположение о производстве

стеклянных браслетов в Полоцке[31]. В крупных городах изготовлялись тоже изделия из привозного янтаря.

Мы не располагаем письменными источниками, которые говорили бы о существовании в городах Полоцкой земли цехов ремесленников в той форме, в которой они известны в странах Западной Европы (цеховые уставы). В древнерусских городах, видимо, были другие не столь определенно выраженные формы развития свободного бесцехового ремесла.

2. ТОРГОВЛЯ И ПРИВОЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Одновременно с отделением ремесла от сельского хозяйства развивалась торговля, осваивались пути сообщения. Вопрос о древних водных путях, волоках и сухопутных дорогах на территории Белоруссии, включая водоразделы Днепра и Западной Двины, Днепра и Немана, подробно освещался в литературе[32].

Особенным местом городов являлся торг, где велась торговля и взимались торговые пошлины. Торг — принадлежность как крупных, так и малых городов. В уставных грамотах князя Ростислава Мстиславича (1136—1150 гг.), определяющих размер феодальных поборов, говорится, что с Копыси причитались: «перевоз» — пошлина за переправление товаров и людей, вероятно, через реку (4 гривны), «торговое» — с привозившихся на городской торг товаров (4 гривны), «корчьмити» — пошлина с корчмы[33]. Эти сведения дают представление о жизни города первой половины XII в., где был торг, корчма, обеспечивался перевоз товаров.

Городские ремесленники производили изделия на заказ и для продажи на рынке. Город был связан со своей округой, откуда доставлялись сельскохозяйственные продукты и сырье. Среди населения волости находили сбыт изделия городских ремесленников. Район сбыта изделий городских мастеров охватывал сотни километров[34].

В городах Киевской Руси, судя по 48 статье «Пространной Русской Правды», различались два вида торговых операций: «купля» — внутренняя торговля и «гостьба» — торговля иноземная (« куплю куны или в гостьбу»)[35]. Существовали торговые связи городов Полоцкого княжества с другими землями Руси и зарубежными странами. Много изделий поставлял Киев. Выделяются две группы товаров южного импорта в крупные города. К первой принадлежали овручский шиферный сланец, амфоры, грецкий орех, доставляемые днепровским путем, ко второй — кавказский самшит, привозимый волжским путем.

Количество шиферных пряслиц, обнаруженных в городах Полоцкой земли, исчисляется сотнями. В одном только раскопе (1959 г.) на замчище в Минске их было 234. В Полоцке на Верхнем замке пряслиц 451, на Лукомльском городище — 222. Пряслица в основном изготовлены из розово-красного шифера, залегавшего вблизи Овруча на Волыни, немногочисленны пряслица из серого шифера. Шиферные пряслица по форме боченковидные, битрапецоидные и дисковидные. Эти изделия сосредоточивались главным образом в городах и на поселениях Древней Руси, расположенных близ важных в торговом отношении водных магистралей[36]. Пряслица из розово-красного шифера, изготовленные в окрестностях Овруча, находили широкий рынок в связи со значительным спросом на них и доставлялись в различные районы купцами-коробейниками. Шиферный сланец употреблялся как декоративный материал в храмах и обнаружен при раскопках остатков культовых сооружений в Полоцке, куда он привозился с юга, надо полагать, из Киева.

Толстостенные красноглиняные амфоры, называемые на Руси корчагами, найдены в Полоцке, Минске, в меньшем количестве в Витебске, Лукомле, Орше, Борисове, Заславле, Логойске и относились к типам, известным в других городах Руси. Они доставлялись из византийских городов северного и западного побережья Черного моря, где изготовлялась тара для перевозки жидких продуктов — вина, оливкового масла и др.[37] Со своим содержимым амфоры импортировались в центры Руси (в первую очередь в Киев). Из Киева, вероятно, вывозились корчажцы, найденные в Копыси и Друцке. Раскопки в Полоцке, где обнаружены 187 обломков и одна раздавленная амфора, подтвердили, что в результате татаро-монгольского нашествия и разгрома Киева в 1240 г. ввоз сюда амфор полностью прекратился.

Из Киева в города Полоцкой земли привозились изделия из стекла. Ю. Л. Щапова полагает, что в Друцк большинство стеклянных браслетов поступало из Киева, значительно меньше из Полоцка и Смоленска[38]. Киев поставлял некоторые типы стеклянных бус, тонкостенную посуду, оконное стекло. В Борисове найден типичный кубик из мозаики синего цвета, какие употреблены в Киевской Софии. Бронзовые кресты энколпионы — продукция южнорусских мастеров — найдены в Друцке, Минске, Полоцке и иных городах. В Борисове оказалось золотое трехбусинное височное кольцо (серьга киевского типа). Из Киева поступала белоглиняная посуда с зеленой поливой, крашеные яйца «писанки». Такая посуда найдена в Минске, Друцке, Полоцке[39], Витебске, а «писанка» — в Лукомле. В Киеве существовало торговое подворие полочан «у двора Брячьславля» (1068 г.)[40].

Из Восточной Прибалтики, а может и из других мест, привозился янтарь, преимущественно в необработанном виде. В Полоцке найдено 22 куска янтаря. В меньшем количестве янтарь обнаружен в Минске, Лукомле, Витебске. Из юго-восточной Прибалтики попадали на территорию Белоруссии бронзовые подковообразные фибулы с утолщенными концами и нередко украшенные растительным или геометрическим орнаментом[41]. Такие фибулы найдены в Браславе, Минске, Логойске, Борисове. В Минске обнаружен фрагмен виллайне — своеобразной одежды (наплечного покрывала) латгалов XII в.[42]

Соль могла привозиться в города Полоцкой земли как из юго-западных княжеств Руси (через Киев), так и Новгородской земли (через Новгород, Псков), где она добывалась с древнейших времен[43].

Полоцкие купцы возили продавать воск в Новгород, там с них взимался сбор «по две гривны кун» от «берковска вощаного»[44] (берковец — мера веса в 10 пудов).

Можно составить некоторое представление о весовой системе в Полоцкой земле. В Друцке найдены четыре гирьки-разновеса, форма двух гирек боченкообразная. На малой гирьке набито шесть точек. Две чашечки от весов выгнуты и имеют диаметр 6—7 см. Серебряная платежная гривна (98,4 г) по форме напоминает новгородские гривны. Массивная железная гиря от безмена из Логойска весит 2250 г. Почти столько весит гиря XI—XII вв. Кукенойса. В мастерской кукенойского бронзолитейщика-ювелира были три серебряные продолговатые слитка денежных гривен весом 101—102 г.[45] Они напоминают так называемые западнорусские, или литовские, палочкообразные слитки и соответствуют нормативам русской северной весовой системы. Это подтверждают также некоторые слитки из Полоцкого клада 1910 г. весом около 100 и 200 г.[46]

Из письменных источников известно, что варяги хорошо знали Полоцк в IX—XI вв. и бывали в нем как «гости» (купцы), а иногда в качестве наемников-дружинников у полоцких князей [47]. Нумизматические и иные данные, включая материалы с территории Полоцкой земли, показывают, что русско-скандинавские связи были довольно развитыми [48].

Дальняя (внешняя) торговля являлась источником удовлетворения потребностей в металлическом сырье. Уже не раз отмечалась связь между размещением монетных кладов и древнерусских городов [49]. Большинство кладов арабских дирхемов тяготеет к бассейнам судоходных рек, где располагались города и происходил обмен [50]. Западная Двина использовалась в качестве важного транзитного пути, во всяком случае со второй трети IX в.[51] В Белоруссии клады дирхемов концентрируются вдоль течения Днепра и Западной Двины [52], т. е. по одному из отрезков «пути из варяг в греки». Близ Полоцка (д. Козьянки) найден один из крупнейших кладов в Восточной Европе (не менее 7600 монет), зарытый в 30-е годы X в. [53] Примечательна концентрация кладов и находок единичных монет в отдельных районах Белоруссии. Клады куфических монет IX—X вв. сосредоточены возле Полоцка, Витебска, Лукомля, Друцка, Минска, Могилева [54]. Клады и единичные находки западноевропейских денариев конца X—XI вв. концентрируются тоже близ Полоцка. Их много в районе Лукомля и Друцка. Клады IX—XI вв.— свидетельство роста экономики Руси, формирования ее городов. В XII—XIII вв. был «безмонетный» период, в обращении на Руси употреблялись денежные слитки — средства крупных платежей [55]. Полагают, что при мелких торговых сделках роль разменной монеты выполняли шкурки пушного зверя, к которым прикреплялись свинцовые пломбы. Пломбы найдены в Витебске (5), Полоцке (1), Минске (1), Друцке (1).

Украшения из сердолика и горного хрусталя — продукт восточной торговли — поступали из Средней Азии [56]. Сердоликовые бусы (бипирамидальные, призматические, 14-гранные, монетообразные) обнаружены на поселении на Менке, в Витебске, Полоцке, Заславле, а несколько хрустальных бусин X—XI вв.— в Витебске (рис. 50, *1, 2*). Обломки фаянсовой посуды, производимой в Иране, найдены в Полоцке и Лукомле. В Полоцке, Минске и других городах встречаются гребни, изготовленные из самшита, который произрастал в лесах северных склонов Кавказа и на его Черноморском побережье, откуда ввозился на Русь волжским путем. Тем же путем попадали в Полоцк и Кукенойс раковины каури, морские моллюски, родиной которых был район Мальдивских островов в Индийском океане.

К предметам южного происхождения относятся древесина и грецкие орехи (скорлупа), найденные в Полоцке и Минске, и фрагмент узорчатой византийской ткани (Минск). Торговля с Византией осуществлялась главным образом днепровским путем [57]. Необычной находкой Минского замчища является обломок костяной ложечки для причастия в виде фигурки святого, привезенной из Франции [58] В Браславе встречен фрагмент мазовецкого сосуда, куда он попал из Польши [59].

У городов Полоцка, Витебска, Смоленска были устойчивые взаимные торговые связи. Этим объясняется сближение их торговых интересов, что выразилось в заключении договоров с Ригой. Города боролись за торговые пути на Западной Двине, защищали права купечества. Полоцкие князья раньше смоленских стали заключать договоры с Ригой и Готским берегом. В «Хронике Ливонии» говорится о договоре Полоцка с немцами в 1210 г. при неопределенном участии Смоленска [60]. Впервые Запад-

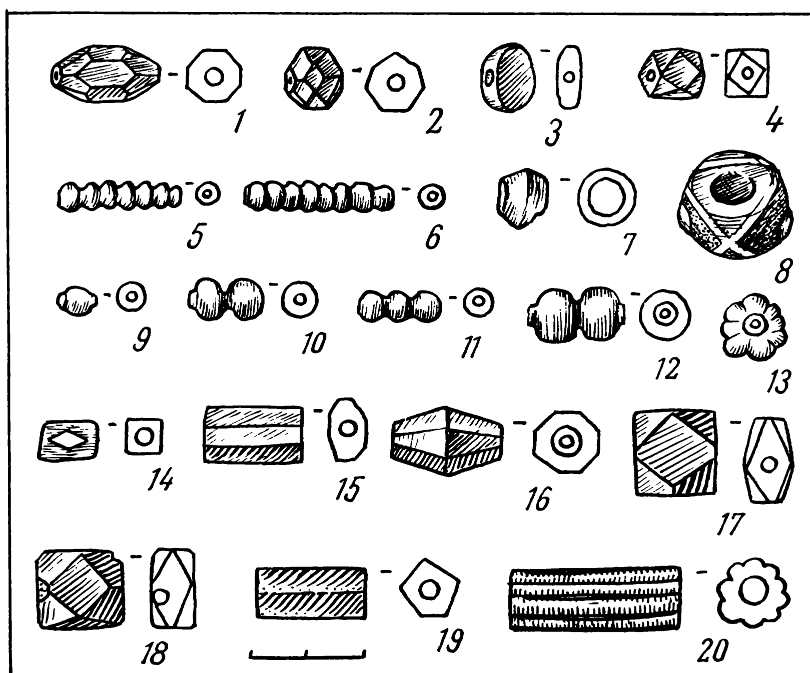

Рис. 50. Бусы X—XI вв. *1—7* — из Витебска; *8—20* — с поселения на Менке; *1—2* — хрусталь; *3*, *4*, *15—18* — сердолик; *5—14*, *20* — стекло; *19* — шифер

ная Двина была объявлена свободной для плавания купцов на всем протяжении в договоре Полоцка с Ригой и Орденом в 1212 г. Важную роль сыграл для торговли договор («Правда») Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. Он распространялся также на Полоцк и Витебск. По договору немецким купцам разрешался проезд в Полоцк, Витебск, Смоленск, русским купцам — в Ригу, на Готланд, в Любек. Русские купцы имели право на оптовую и розничную торговлю. В договоре речь идет о транспортировке товаров, их разгрузке и перегрузке, в том числе на волоке, о порядке разрешения споров, о праве торговать в кредит и пр. [61] Данный договор послужил основой для организации торговли на Западной Двине в последующее время. В грамоте полоцкого князя Изяслава (около 1265 г.) после ссылки на договор («как было при первых князьях полочьских») приводится статья старого соглашения: «Полочаном и Видьбляном вольное торгованье в Ризе, на Готьском береге, и в Любьце» [62].

Сведения о торговле в Витебске есть в документе конца XIII в. Все, поступавшее в город для продажи, называлось «товар». Соль, привозимая немецкими «гостями», продавалась мешками («продал человеку мех соли») и взвешивалась на весах. Витебский князь Михаил Константинович велел «кликати сквозе торг: гость со гостем не торгуй», т. е. приезжим купцам запрещалось продавать друг другу товар в Витебске. Торговля была оптовой. За товар платили слитками, иногда называемыми «изроями». Немецкий купец хотел за них «девкы купити» [63]. По-видимому, речь идет о купле-продаже холопов.

О товарах, вывозимых из Полоцкой земли до XIII в., нет сведений.

Скорее всего ими были предметы традиционного вывоза из Руси: меха, кожи, воск, мед, а также рабы [64].

В Полоцке в середине XII в. существовала купеческая корпорация наподобие объединения купцов при церкви Иоанна Предтечи на Опоках в Новгороде (Иванское сто), намеком на что историки справедливо считают известие Ипатьевской летописи о братчине в Полоцке [65]. Купечество играло немалую роль в жизни города.

3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

По земледелию Полоцкой земли получено большое количество новых вещественных источников. Особо важна находка зерен озимой ржи IX в. на городище у д. Свила Первая, о чем уже говорилось выше. Значение озимой ржи все более возрастало. В XI—XII вв. она становится главной хлебной культурой.

В лесной полосе долгое время сохраняло свое значение подсечное земледелие и его разновидность на удаленных от селений участках — лесной перелог. Подсечно-огневое земледелие требовало больших площадей и играло значительную роль. На городище в Лукомле в слое XIII в., среди обугленного зерна встречены орудия подсечного земледелия. Почти рядом лежали железная мотыга и массивный нож-косарь длиной 26 см. Такие косари найдены на городище в Логойске и Усвятах (рис. 52, *7*). В лесной полосе с ее малоплодородными почвами переход от подсеки к полевому земледелию был сложным и осуществлялся на протяжении длительного времени.

На Менском поселении найдены наконечники пахотных орудий — наральники без плечиков. Один из них не был в употреблении (рис. 52, *2*). Такие орудия VII—X вв. известны в лесной полосе (Старая Ладога) [66]. В XII—XIII вв. в Полоцкой земле основным типом пахотного орудия была соха. Железные сошники XII—XIII вв. обнаружены в Лукомле, Минске, Орше, Друцке, Логойске, Полоцке. Как правило, они несут на себе следы сработанности, некоторые сошники сломанные. В детинце Логойска найдены три сошника (целиком сохранился один), а на городище в Лукомле в слое обугленного зерна — два сошника, вложечные один в другой.

Серпы, служившие для уборки урожая, обнаружены в нижнем культурном слое Лукомля и Витебска и относятся к третьей четверти I тыс. н. э. Наибольшее количество серпов XII—XIII вв. с Минского замчища (20 экз.). Несколько серпов известно из детинца Друцка, городища Борисова, складной серп XIII в. из Полоцка. Для сенокошения употреблялись косы-горбуши, найденные в Минске (4 экз.), Полоцке (4), Лукомле, Друцке [67]. В Полоцке обнаружено цепье.

В Полоцке и Витебске найдены зерна проса в слое конца X в., а на Менке — крупные зерна пшеницы X—XI вв. Значительно больше зерен культурных растений, особенно ржи, в культурном слое XI—XIII вв. Причина такого явления в увеличении населения городов, а также в возрастании значения ржи как продовольственной культуры. В культурном слое XIII в. в Полоцке найдено огромное количество зерен бобов, гороха, чины, ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса.

В слоях конца XI—XIII вв. часты находки озимой ржи. Она составляет 53% от общего количества зерна. Выращивалась и яровая рожь. Второе место после ржи занимает яровая пшеница (24%). Пшеница Минского замчища в отличие от мелкой новгородской крупная, такую

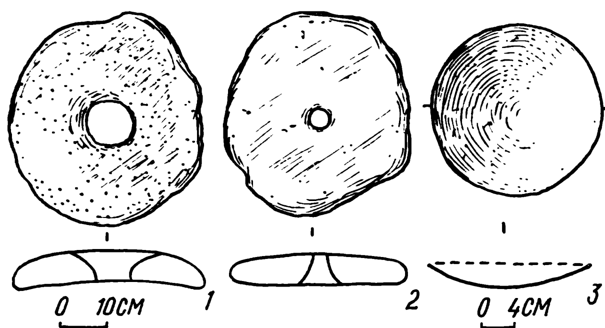

Рис. 51. Лукомль. *1*, *2* — каменные жернова; *3* — железная сковородка (XIII в.)

высевали ранее жители поселений на Менке. На замчище найдены зерна овса, овощных бобов, конопли, льняное семя [68].

В слоях XI—XII вв. Браслава по количеству зерен первое место занимает рожь (47%), затем — ячмень (36%), овес (13,5%), пшеница мягкая (2,5%) и совсем немного гречихи и гороха [69].

Значительное количество зерен различных сельскохозяйственных культур выявлено в детинце Друцка. В XI в. озимая рожь в окрестностях Друцка не была широко распространена (ее зерна составляют примерно 10%). Среди зернового материала XII в. количество ржи возрастает до 17%. Н. А. Кирьянова отмечает высокий процент ячменя в находках и полагает, что это случайное явление, обусловленное условиями раскопок [70].

Большое количество зерна найдено на городище в Лукомле. Зерно мололи на месте, что подтверждают многочисленные жернова.

Значительная примесь сорняков в семенном материале из раскопок Минска, Полоцка, Друцка, Браслава и других городов — результат длительного севооборота семян на старопахотных землях. Большая засоренность полей присуща паровой системе земледелия [71].

В общей оценке сельского хозяйства есть основания говорить об успехах районов лесной полосы в развитии полевого пашенного земледелия, о достижениях в освоении двупольной, а может быть, и трехпольной системы земледелия. Подсека постепенно вытеснялась, но ввиду малой урожайности старопахотных почв, требовавших удобрения, она еще долгое время была необходимой системой земледелия [72].

На Лукомльском городище в слоях XIII в. найдено 17 каменных кругов от мукомольных жерновов. Они высечены из гранитных валунов и принадлежат жерновам одного типа (рис. 51, *1, 2*). Их толщина 5—7, 7—8 см, поперечник 35—50 см, форма круглая или овальная. Верхние круги с вогнутой рабочей поверхностью имеют внутри отверстие 6—8 см. Нижние с выпуклой поверхностью и сквозными отверстиями посередине, диаметром 3 см. Это простой тип ручных жерновов, в которых верхний круг надевался на вертикальный штырь и вплотную прилегал к нижнему. Камни от жерновов обнаружены в Заславле, Копыси, Полоцке. В Минске их 19 штук. В городах пользовались ручными мельницами, в которых регулировался зазор между каменными кругами. В Борисове и Лукомле найдены железные втулки (порхлицы), которые вставлялись в верхний жернов — верховод ручной мельницы (рис. 52, *4*). Конструкция такого жернова описана Б. А. Рыбаковым [73]. Костяные порхлицы известны из Лукомля, Минска и других городов.

В Полоцке обнаружены двуручные дубовые песты длиной 80 см, в Минске — ножные ступы.

Хлеб на Руси хранили в клетях и ямах. В качестве тары для сельскохозяйственных продуктов употреблялись деревянные бочки. Детали от них X в. встречены в Витебске и Полоцке. В слое XIII в. в Полоцке было днище от бочки с прилипшим к нему зерном огурца. Клепки и днища XII—XIII вв. обнаружены в большом количестве в Минске и Полоцке, Витебске.

Население городов занималось земледелием. Несомненно, часть зерна из раскопок привозилась в города из ближайшей округи, где располагались села.

Жители городов занимались огородничеством и садоводством. Основное орудие труда при этих работах — лопата (заступ). Употреблялись и мотыги. Лопаты, сделанные из одного куска дерева, найдены в Полоцке. Общая их длина 80—90 см, рабочей части 20—30 см. Плоскости лопат плавно заострены к нижнему краю. Верхний край рабочей части с одной стороны срезан косо, а со второй — прямо. Железных оковок у лопат не оказалось. Они служили для разработки мягкого грунта. В Минске и Друцке найдены оковки от деревянных лопат.

В неурожайные годы города испытывали недостаток хлеба и других продуктов. Это угрожало трудовому населению смертью и обычно сопровождалось эпидемиями. С эпидемией связано сообщение летописи о массовой смертности в Друцке и Полоцке в 1092 г. В. Т. Пашуто проанализировал причины голода в Древней Руси: естественно-географические (засухи, сильные, продолжительные дожди, обильные половодья и др.) и общественно-политические (войны, захват людей в плен) [74]. В Ипатьевской летописи под 1159 г. сообщается, что Ростислав Глебович, будучи изгнан из Полоцка, направился с дружиной в Минск к брату Володарю, забирая по дороге скот и челядь. Феодальные раздоры несли разорение крестьянству и горожанам. Большим бедствием были засухи. В Полоцкой земле в XII в. были очень засушливыми 1127, 1128, 1171 гг.[75] Л. В. Алексеев приводит данные, что примерно за 90 лет (1162—1250 гг.) засухи повторялись 8 раз [76].

Важная отрасль сельскохозяйственных занятий городского населения — животноводство. Характер культурного слоя в детинцах Полоцка, Минска, Друцка убедительно свидетельствует, что в этих городах содержали и разводили много скота. Бесспорное доказательство тому — остатки хлевов и навоз. Мощные слои XIII в. в Полоцке и Минске чрезвычайно насыщены им, что способствовало сохранению оснований деревянных построек. Хлевы выявлены на усадьбах ремесленников и других жителей города. По-видимому, навоз не вывозился на поля или, быть может, частично использовался на огородах.

Сведения о составе стада получены в результате изучения остеологического материала, которое проводили В. И. Цалкин (Друцк, Браслав, Герсике), В. В. Щеглова (Полоцк, Витебск, Лукомль, Минск). Жители Полоцкой земли разводили лошадей, коров, свиней, овец, коз, держали собак, кошек [77].

В городах Полоцкой земли количество костей домашних животных в 4—5 раз преобладает над костями диких животных, а в Минске и Друцке еще более. Исключение составляет Лукомль, где процентное отношение двух групп остеологических материалов почти равно. Во всех случаях материалы происходят из раскопок детинцев, кроме Витебска, где они получены из окольного города (Нижний замок). В видовом составе

домашних животных городов преобладали рогатый скот и домашняя свинья. Их разведение составляло основу животноводства в X—XIII вв.[78]

Коневодство занимало видное место во времена заселения Верхнего замка в Полоцке. В ранних слоях раскопаны значительные скопления костей лошадей. В голодные годы мясо лошадей употреблялось в пищу.

Кости домашних и других птиц немногочисленны. В Лукомле на городище в слоях XI—XIII вв. были кости курицы, глухаря, журавля серого, гуся серого.

Вспомогательной отраслью хозяйства и развлечением для феодальной знати была охота. В Полоцке, Витебске, Лукомле, Минске найдены кости зубра, лося, благородного оленя, косули, кабана, медведя, волка, лисицы, барсука, куницы, выдры, бобра, зайца. Охота — источник получения шкур и мехов, на которые существовал постоянный спрос в других странах. Мясо многих животных употреблялось в пищу.

Основным видом животных, на которых охотились полочане и витебляне на протяжении всего средневековья, был лось. В Полоцке сравнительно много костей волков и бобров. Его жители в одинаковой мере охотились как на мясного, так и на пушного зверя. Наибольший интерес к охоте проявляли обитатели Лукомльского замка. Они часто охотились и употребляли в пищу мясо животных (лось, кабан, зубр), которыми изобиловали окружающие леса [79].

Обилие озер и рек в Полоцкой земле, богатых рыбой, способствовало развитию рыболовства. В Полоцке в постройке XIII в. найдены остатки невода. В Минске, Полоцке, Друцке, Витебске и других городах неоднократно встречены поплавки из толстой коры сосны или бересты, глиняные грузила для сетей, рыболовные крючки.

При раскопках Минска, Полоцка и других городов в слоях XII—XIII вв. попадались блесны для ловли хищной рыбы. Железная блесна из Полоцка имеет общую длину 12,5 см, ширину лопасти 1,8 см. Вся она луженая, серебристо-белая. Две деревянные рогульки служили для наматывания лески от блесны.

Колющие рыболовные орудия XI—XIII вв. представлены железными острогами. В Минске их найдено 6, Логойске — 3, Борисове — 1, Лукомле — 2, Полоцке — 3. Однозубые остроги из Минска, Логойска, Борисова небольшие по размерам, а близ конца, вставляемого в древко, есть упор (рис. 52, *9*). Остроги применялись при ловле крупной рыбы. Жители Полоцкой земли пользовались разнообразными орудиями лова рыбы, широко бытовавшими в Древней Руси. Мясо рыбы являлось продуктом питания населения древних городов. Рыбья чешуя и кости — обычные находки при раскопках всех городов.

Археологические материалы подтверждают узкую специализацию рыболовных орудий, промысловый характер добычи рыбы. В древнерусских городах и ближайшей округе в XIII в. оформилось промысловое рыболовство профессионалов-рыбаков, связанных с городским торгом [80]. Рыбаки-профессионалы — одна из категорий посадского населения в городах [81].

Наряду с охотой и рыболовством горожане в какой-то мере занимались собирательством. Скорлупа лесных орехов — очень частая находка при раскопках городов.

В Полоцкой земле были благоприятные условия для пчеловодства. В пожалованной грамоте князя Онуфрия полоцкому Предтеченскому монастырю говорится о бортных землях этого монастыря [82]. Куски воска найдены при раскопках в Полоцке и Минске.

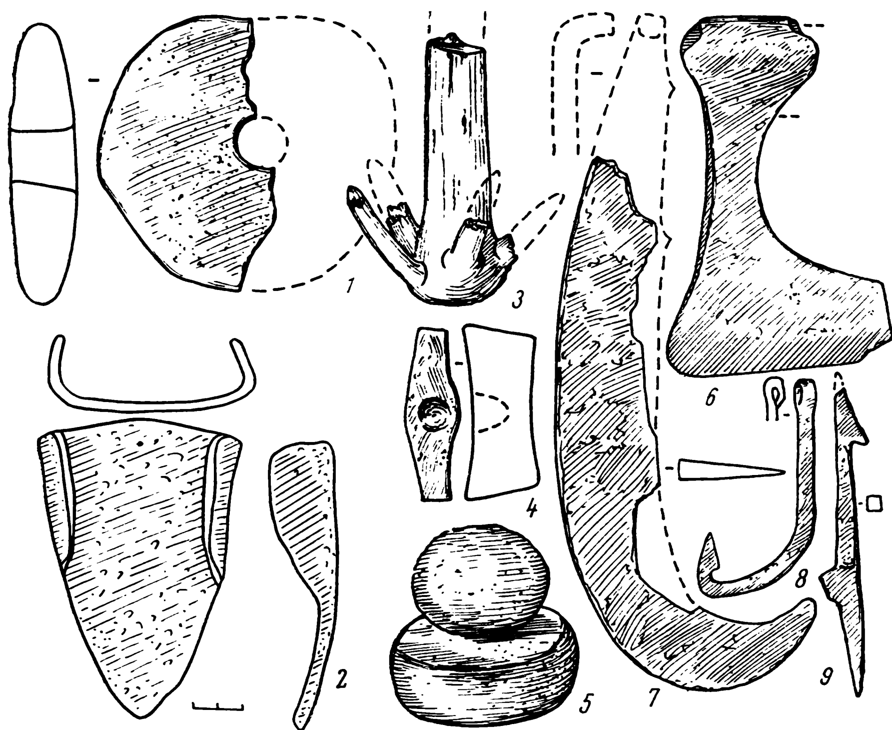

Рис. 52. *1* — глиняный грузик для ткацкого станка X в. из Витебска; *2* — железный наральник IX—X вв. с поселения на Менке; *3* — деревянная мутовка X в. из Витебска: *4* — железная порхлица XII—XIII вв. из Старо-Борисова; *5* — миниатюрная каменная терка XII—XIII вв. из Лукомля; *6*, *7* — топор и косарь из Усвят; *8* — рыболовный крючок XII—XIII вв. (Лукомль); *9* — острога (Старо-Борисов)

Домашнее производство горожан являлось источником получения тканей. Лен, конопля, овечья шерсть были хорошим сырьем для прядения и ткачества. По-видимому, в X—XI вв. ткани изготовлялись на вертикальных ткацких станках. Грузики для них найдены в Витебске (рис. 52, *1*). Затем получает распространение горизонтальный ткацкий станок. Челноки и детали для него обнаружены в Минске, Полоцке, Витебске, Кукенойсе. Большое количество шиферных веретенных пряслиц из построек и дворов горожан XI—XIII вв.— общепризнанное и достаточно известное доказательство занятий прядением и ткачеством.

В Минске, Полоцке, Лукомле и других городах попадаются обрывки древних тканей. Большинство из них — домотканый холст. Нити льняных тканей ровные и тонкие. Ткани простого полотняного переплетения, есть ткани «в елочку», иные окрашены в черный цвет. Войлок найден в Минске, но в особо большом количестве на Верхнем замке в Полоцке, похож на валяную шерсть кустарного изготовления.

Ф. Энгельс отметил, что ремесленник средневекового города «сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д.»[83] Многие данные подтверждают постоянную связь с сельским хозяйством жителей городов Полоцкой земли.

4. ПЛОЩАДЬ ГОРОДОВ И ИХ НАСЕЛЕНИЕ

Современные историки разных стран определяют население средневековых городов по количеству домов, если такое известно, и обычно исходят из коэффициентов 5 (5 жителей на один городской дом или одно хозяйство). О размерах Киева XII—XIII вв. опубликованы такие данные: площадь города 360—380 га (укрепленной части 80 га), количество дворов (средние размеры двора в детинце 200 кв. м) около 9 тыс., население 45 тыс. человек [84].

М. Н. Тихомиров заключил, что общее население Новгорода в начале XI в. равнялось 10—15 тыс., а в начале XIII в.— 20—30 тыс. человек [85]. Это плохо согласуется с тем, что в конце XV — начале XVI в., когда Новгород был одним из крупнейших городов Европы, в нем насчитывалось примерно 20 тыс. жителей [86]. Большие древнерусские города, конечно, были многолюдны. Но сообщения летописей, будто в Смоленске в 1230 г. погибло от мора 30 тыс. человек, а в Новгороде в 1390 г. 80 тыс. человек [87], являются или непомерно преувеличенными, или в них учтены данные также о населении, погибшем в волости.

Применяемый в настоящее время метод определения численности жителей средневековых городов должен взаимно проверяться и дополняться путем установления коэффициента плотности их населения, т. е. определения количества жителей на 1 га городской территории (детинца и посада в отдельности). Интересные результаты получил К. Каплински относительно Таллина второй половины XIV в. Общая численность населения города, по письменным источникам, составляла 5,6—6 тыс. человек. В отдельные времена, по-видимому, в связи с эпидемиями количество населения было намного меньшим. Плотность населения города на протяжении столетия колебалась от 80 до 200 человек на 1 га [88].

На основании источников произведен приблизительный подсчет населения городов Белоруссии в XIV—XV вв. В Бресте в конце XIV в. проживало 2 тыс. человек, в XV в.— 4—5 тыс., а в середине XVI в.— 6—7 тыс. человек. Население Минска, Гродно, Новогрудка составляло предположительно 3—4 тыс., а Полоцка — свыше 10 тыс.[89]

В Полоцке Великий посад занимал около 50 га. Согласно инвентарю 1552 г., здесь располагалось не менее 770 дворов [90] (площадь двора не более 650 кв. м). На 1 га приходилось не менее 15—16 дворов, а плотность населения на Великом посаде была, надо думать, не менее 80 человек. В XII—XIII вв. площадь детинца Полоцка (Верхний замок) не превышала 10 га. Общая площадь посада — 70—75 га. Если принять плотность населения за 80 (для детинца она должна быть больше), то на посаде проживало 5,5—6 тыс. человек. Свыше 2 тыс. жителей могло быть на Верхнем замке.

В IX — начале X в. городище в Витебске занимало 0,75 га, селище — приблизительно 2 га, а в XII—XIII вв. детинец — 4 га, окольный город — 6 га. Общая площадь Витебска не превышала 40 га.

В детинце Минска, по определению Э. М. Загорульского, размер усадьбы составлял до 220—250 кв. м. Площадь детинца 3 га. Следовательно, на замчище могло быть не более 120—130 усадеб, а жителей 600—700 человек (некоторые усадьбы на замчище имели по два жилых дома). В малом городе Борисове площадь детинца равнялась 1 га, а посада — 4 га. Детинец Лукомля мал, но сравнительно большие размеры посада (табл. 3) и характер находок позволяют отнести этот населенный пункт к числу городов.

Таблица 3

Приблизительные размеры городов в XII — XIII вв. и исследованной при раскопках площади (кв. м)*

Город	Размер города			Исследованная площадь		
	детинец	окольный город	посад	детинец	посад или окольный город	всего
Борисов	10000		40000	224	96	320
Браслав	20000			400		400
Витебск	40000	60000	250000		776	776
Герсике	7000		150000	600		600
Друцк	10000	13000		1800		1800
Заславль	15000			300	200	500
Копысь	5000			664		664
Кукенойс	2000	4000	36000	645	633	1278
Логойск	15000			420		420
Лукомль	2500		130000	704	792	1496
Минск	30000			1860	300	2160
Орша	5700			524		524
Полоцк	100000		700000	1400		1400
Усвяты			120000			

* В Полоцке, Витебске, Минске велись систематические наблюдения за земляными работами на площадях, намного превышающих те, которые исследованы при археологических раскопках.

Данных о размерах городов Полоцкой земли в XI в. мы почти не имеем. Известно только, что поселение на Менке в верховье Птичи насчитывало более 30 га.

Можно приблизительно определить коэффициент плотности населения городов Полоцкой земли в XII—XIII вв. Для детинцев, судя по данным раскопок Минского замчища, на 1 га приходилось 200 человек, для посадов (на основании сведений о Великом посаде Полоцка) возможен коэффициент 80—100.

Исходя из этих коэффициентов, а также из размеров городов, приведенных в табл. 3, попытаемся установить количество их населения. В укрепленной части Витебска проживало до 2 тыс. человек, на посадах — 2,5 тыс. Всего город насчитывал до 4,5 тыс. жителей. По тем временам это был крупный населенный пункт. На Лукомльском городище площадью 0,25 га находилось несколько десятков человек. В XII—XIII вв. здесь располагался замок феодала, вокруг замка — посад, насчитывавший более 1 тыс. жителей. В Борисове, в детинце, видимо, проживало 200—250 человек, а на посаде — 500—600. Население небольшого города составляло несколько сот жителей.

Жители Полоцка и Друцка в Ипатьевской летописи (1159 г.) названы «людие» («и ради быша ему людие»). О полочанах сказано, что «одва же установи людье Ростислав, и одарив многыми дарми...»[91] В первом случае название «людие» употребляется безотносительно к сословному положению, во втором случае имеются в виду простые люди, участвовавшие в народном движении и противопоставляемые правящему сословию — боярам-землевладельцам («и мятеж бысть велик в городе в Полчанех»).

Название «люди» в Киевской Руси наряду с общим широким значением имело более узкий смысл: горожане, а иногда рядовая масса горо-

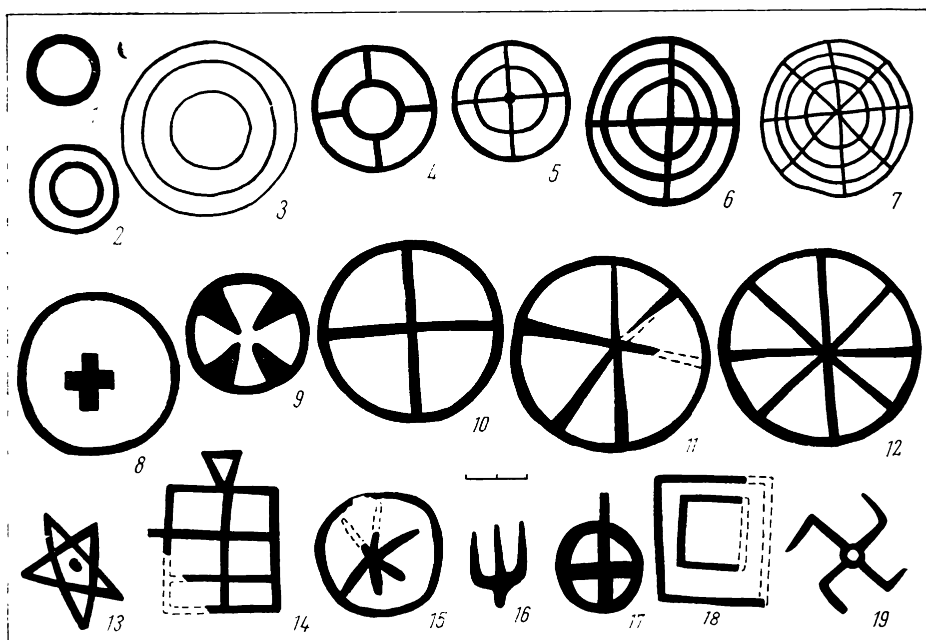

Рис. 53. Гончарные клейма на днищах сосудов конца X—XII в. *1—7, 11* — с поселения на Менке; *8—10, 13* — из Полоцка; *12, 14, 19* — из Заславля; *15* — из Лукомля; *16* — с Менского городища; *17* — из Копыси; *18* — из Старо-Борисова

жан, простые люди, торгово-ремесленное население, включая купцов [92].

В летописи при описании событий 1128, 1151, 1159, 1162, 1167 гг. часто упоминаются «полочане». Встречаются названия «меняне», «дрьючане», «логожаны», «изяславчи», а в актах XIII в. фигурируют «видьбляны» [93]. В большинстве случаев под такими названиями понимаются «гражане» (горожане), как летописец назвал жителей Друцка. Жители городов были каким-то образом организованы. Организация горожан могла быть как военная, так и невоенная. Более полное выражение городская организация находила в общем собрании горожан — вече.

5. УКРЕПЛЕНИЯ, ПЛАНИРОВКА ГОРОДОВ, ЖИЛИЩА

Детинцы городов Полоцкой земли — своеобразные памятники военного зодчества. Большинство их относится к укреплениям, полностью подчиненным защитным свойствам естественного рельефа местности — укреплениям островного (холмового) и мысового типов [94].

К островным укреплениям принадлежат более ранние памятники: Полоцкое городище, Замковая гора в Витебске, городища в Лукомле, Браславе, Герсике. Островное городище расположено на холме, его площадка соответствует естественной форме холма и по всему периметру площадки проходит вал. Это хорошо видно до сих пор в Браславе.

Ряд городищ Полоцкой земли простого мысового типа: городище на Менке, детинцы в Логойске, Копыси, Орше, Борисове, Кукенойсе. Эти городища являются остатками укрепленных поселений, возведенных на мысах подле слияния двух рек или соединения двух оврагов.

Городищ с правильной геометрической формой, не зависящей от рельефа местности, в Полоцкой земле немного. До наших дней наилучшим образом сохранились остатки Друцка, имевшего сложную систему обороны, состоявшую из детинца и окольного города. Друцк был компактно расположен на правом берегу Друти (рис. 33). Площадка детинца в форме неправильного четырехугольника (80×140 м) составляет 1 га и находится на высоте 22 м над уровнем реки. Участок с почти горизонтальной поверхностью обнесен мощным валом (высота 10 м), глубина рвов 6—12 м. С севера к детинцу примыкает окольный город, отрезанный от плато с напольной стороны глубоким рвом. Площадь окольного города более 1,3 га (170×100 м). Входы в детинец имеются с северной стороны (из окольного города) и с восточной, обращенной к реке. Дугообразный вал окольного города высотой до 7 м разорван входами в двух местах. Под городскими стенами (на месте современной деревни) был неукрепленный посад, окружавший окольный город с северной, западной и восточной сторон [95]. Его площадь больше всей укрепленной части. Возле посада еще недавно возвышались курганы — остатки городского некрополя. Курганы были и на левом берегу Друти, напротив городища.

Об укреплениях и их значении для обороны города можно судить по данным летописей. Во время борьбы за полоцкий стол 1158/9 г. Ростислав Глебович «с всею братьею» пошел на Рогволода к Друцку. Други́чане «бились крепко» и много людей погибло с обеих сторон. В 1180 г. великий князь Святослав приступил к Друцку, сжег «острог» [96]. Значит, Друцк имел по меньшей мере две линии оборонительных сооружений: кроме детинца, было городское предместье, окруженное укреплениями в виде частокола, поставленного на невысоком вале.

Раскопки, проведенные Л. В. Алексеевым, показали, что первоначально в XI в. застройка детинца носила хаотический характер. После пожара в связи с разгромом города в 1116 г. детинец застраивался медленно и его планировка подчинялась определенной системе. В центре возникла площадь. На юг от нее располагались две узкие извилистые улицы: главная вела к въезду, другая шла вдоль южного вала перпендикулярно к первой. Вблизи был колодец. В XII—XIII вв. застройка южной части детинца, где проживали ремесленники, отличалась особой теснотой. По бокам улиц с бревенчатыми мостовыми находились усадьбы с одной избой (площадь до 16 кв. м) и хозяйственными постройками (одна или две). Небольшие дворы между строениями вымащивались бревнами, а некоторые были крытыми [97].

Своеобразная застройка выявлена в западной части детинца, где отсутствуют признаки улиц и хозяйственных сооружений. Вскрыты остатки двух больших разновременных построек. Не совсем обычны и найденные вещи, среди которых преобладают украшения—широкий серебряный браслет (наруч) со сканью, серебряные нашивные бляшки, две золотые бусины, серебряный перстень с изображением княжеского знака — двузубца. Княжеский знак — трезубец прочерчен на шиферном пряслице, а на другом пряслице есть граффито «къняжинъ». Редкая находка — варган (музыкальный инструмент). Эта территория была частью княжеского двора, который занимал почти половину наиболее укрепленной части детинца [98]. Подтверждается факт, что местонахождение резиденции князя не имело уличной планировки. Комплекс княжеского двора, надо думать, был сложным, состоял из зданий, скомпонованных в разных его сторонах.

К началу XII в. произошли существенные изменения в оборонительных сооружениях Минска, так что укрепления детинца успешно выдерживали удары сильного войска южнорусских князей и их союзников в 1104, 1116 гг. Безуспешными оказались также попытки полоцкого князя Рогволода взять приступом город в 1159, 1160, 1161 гг.[99]

Минск имел сильно укрепленный оборонительными сооружениями детинец (замчище) на правом берегу Свислочи. Обращает внимание его расположение на ровном, сравнительно низком месте. В условиях низкого рельефа значительно легче решался вопрос обеспечения водой населения детинца во время длительной осады. Однако природные факторы защиты были второстепенными. Как подчеркнул Э. М. Загорульский, Минск на Свислочи «являл собой пример нового типа укрепленного поселения, распространившегося на Руси в конце XI — начале XII в., поселения, основу мощи которого составляли искусственные деревоземляные укрепления» [100]. Действительно, возникновение такого типа детинца, как в Минске, должно быть отнесено ко времени не ранее конца XI в.

По своим природным условиям первоначально участок поднимался над уровнем воды в Свислочи не более чем на 2—3 м. Детинец Минска имел округлую форму и своей восточной частью примыкал к Свислочи (ныне здесь Дом физкультуры «Трудовые резервы»). Замчище, по определению Э. М. Загорульского, имело протяженность с востока на запад 300 м, а с севера на юг — 150 м. На существование здесь в прошлом укреплений указывают названия улиц (Замковая, Завальная). Замковая проходила через замок, остальные его окружали, располагаясь подковообразно «за валом», «под замком» [101]. Укрепленный центр города находился при впадении в Свислочь Немиги, исток которой в 3 км юго-западнее замчища. Немига круто поворачивала возле Петропавловской церкви и здесь раздваивалась. Один ее рукав огибал замчище с западной и северной сторон, второй, более короткий, протекал прямо к Свислочи, ограждая замчище с юго-востока. Короткого рукава Немиги нет на планах города 1911 и 1919 гг. В польском географическом словаре XIX в. говорится о двух рукавах Немиги, огибавших замчище, и сообщаются подробности исчезновения одного из них, в результате чего Немига стала течь по одному руслу [102]. Эти сведения не всегда учитывали исследователи, говоря о древнем Минске. Одну из первых попыток реконструировать его территорию сделал В. Р. Тарасенко [103]. Более удачна реконструкция Л. В. Алексеева, но и на ней короткий рукав Немиги отсутствует [104]. Между тем имеются основания считать, что детинец в древности был со всех сторон окружен водой.

Э. М. Загорульскому удалось в нескольких местах выявить основание вала детинца. Вначале ширина вала составляла 12—14 м, а через некоторое время была увеличена почти вдвое. Высота вала, насыпанного из крупнозернистого песка, согласно реконструкции оборонительных сооружений, достигала в среднем 7—8 м. На юго-восточном участке детинца, там, где вал делал поворот, в нижней части насыпи обнаружены массивные бревна, укреплявшие ее. Длинные сосновые бревна положены в основании вала поперек, с расстоянием между ними 0,2—0,4 м. На накат клались продольные бревна на расстоянии 4 м одно от другого. С южной стороны детинца, где на планах Минска XVIII—XIX вв. показан вход в крепость, обнаружены остатки сруба, служившего нижней частью башни ворот. По гребню вала проходила деревянная стена [105]. Возле ворот детинца (на месте площади 8 Марта) располагался древний торг (рынок), он обозначен на старых планах Минска.

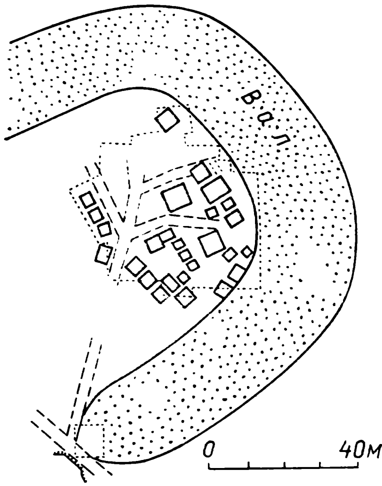

Рис. 54. План застройки восточной части замчища в Минске XII—XIII вв. (по Э. М. Загорульскому)

Несомненное достижение многолетних раскопок в Минске — выявление планировки детинца. Древнейшая из зафиксированных улиц пересекала восточную часть детинца с северо-востока на юго-запад и вела к городским воротам. Затем планировка изменилась. На месте улицы расположилась усадьба, а улица передвинулась западнее. От нее к востоку отошел узкий переулок. Возникла другая улица, которая шла в северо-западном направлении (рис. 54). Ширина бревенчатого настила главной улицы 4 м, остальных 3—3,5 м. Территория детинца разделялась на участки, занятые усадьбами. Целиком раскопаны три усадьбы, границы которых оконтурены частоколом. Площадь усадеб 220—250 кв. м. Одна из них имеет периметр, образуемый постройками, плотно поставленными одна к другой, так что внутри образовался маленький дворик. Это типичная городская средневековая усадьба. Въезд был со стороны улицы. На усадьбе раскопаны 2 жилые постройки и 4—5 хозяйственных [106]. Входили в них со двора.

В детинце при раскопках вскрыты основания примерно 130 жилых и хозяйственных построек преимущественно XII—XIII вв. Некоторые сохранились на несколько венцов. Жилища наземные срубные, однокамерные, но, по всей вероятности, были и пятистенные, разделенные на две половины. Площадь жилищ от 16 до 25 кв. м. Под углами срубов иногда есть камни или закопанные столбы (стулья). В переднем от входа углу справа стояла печь, сделанная из глины на каркасе из прутьев или кольев. В обращенном внутрь помещения углу опечка кое-где заметен след массивного столба. Двери высотой в 1—1,2 м находились близко к потолку и открывались внутрь помещения. Иногда возле жилищ были лестницы входов (крылечки). От верхних частей построек обнаружены бревна фронтонов («самцы» или «лемяги») и деревянные крюки («какошины» или «курицы») [107], свидетельство двускатных крыш с жердями со «слегами» или «сволоками», желобами «охлупнем» или «нахлесткой» и другими деталями старинной кровли [108]. Найденный в Минске «самец» принадлежал очень крутой (до 45°) крыше [109]. Среди построек хозяйственного назначения наряду со срубными встречались сооружения столбовой конструкции и легкие плетневые. Есть сообщение Ипатьевской летописи под 1160 г. о существовании в Минске места заключения — «поруба». Порубы находились на княжеских дворах, где надежно охранялись.

Можно ставить вопрос о существовании в Полоцкой земле полуземляночных жилищ. К их остаткам следует отнести прямоугольные ямы площадью 8—9 кв. м X—XI вв., раскопанные нами на поселении на Менке (рис. 55). Яма от полуземлянки вскрыта на берегу Свислочи в Минске и урочище Николка, а также на городище в Старо-Борисове.

Мощную оборонительную систему, безусловно, должен был иметь Полоцк. Первоначальное укрепление на городище проходило по пери-

Рис. 55. Поселение на Менке (X—XI вв.). Общий вид VIII раскопа и ям в материке (1975 г.)

метру сравнительно небольшой площадки. Обширный детинец города XI—XIII вв. и последующего времени (Верхний замок по документам XVI в.) имел деревянную крепостную стену в семь башен. Следует полагать, что по меньшей мере некоторые из них являлись очень древними или они возведены на месте древних подобных сооружений. С трех сторон укрепленный центр был защищен реками, с четвертой — рвом. Линия обороны окольного города (Великого посада), вероятно, проходила по речке, которая впадала в Западную Двину в 1,2 км восточнее устья Полоты [110]. Общая укрепленная площадь Полоцка в XII—XIII вв. могла составлять 58—59 га [111].

В Полоцке на Верхнем замке раскопано более 70 оснований срубных наземных построек — жилищ, хлевов, производственных сооружений. Бревенчатая изба XI—XIII вв. в плане близка к квадрату со сторонами от 3 до 5 м, рублена в обло. Сруб иногда покоился на деревянных подкладках и имел завалинку. Глинобитная печь в жилом помещении устраивалась на столбовом опечке и топилась по-черному. Пол делали из тесин на лагах. Двери находились очень высоко. Хлевы по площади превосходили иногда жилища. Обнаружены остатки дренажной канавы.

Основным типом рядового жилища в городах Полоцкой земли XI—XIII вв. была бревенчатая изба, что следует из сводки археологических материалов [112]. В качестве строительного материала, как правило, использовали дерево хвойных пород (чаще сосну). На Руси распространенность деревянных жилищ (особенно в лесной полосе) зависела от ряда их удобств в условиях холодного климата, сырой весны и осени по сравнению с каменной застройкой в городах стран Запада: Италии, Греции, Франции и др., жители которых могли обходиться каменными домами. Деревянные дома было проще утеплять и обогревать.

В «Повести временных лет» под 1092 г. речь идет об улицах в Полоцке, а дома и строения названы «хоромины», «хоромъ». В Радзивилловской летописи они изображены двухэтажными, квадратными в плане, с четырехскатными крышами [113].

Весьма интересно исследование П. А. Раппопорта на Верхнем замке в Полоцке остатков каменного княжеского терема (4,7×4,2 м) с примыкающей пристройкой (2,5×2,4 м). Терем сооружен в XII в., а позже к нему было пристроено деревянное здание [114]. Терем, имевший два-три этажа,— принадлежность хором князей.

В детинце города находился двор князя и владельческие дворы дружинников, что следует из сообщения летописи о Друцке. Княжеский двор в Друцке был сравнительно небольшим, ибо общая площадь всего детинца составляла 1 га, на которой могло проживать 200—250 человек.

Двор феодала в совокупности со всеми постройками и хозяйственными угодьями иногда в источниках называется домом. В житие Евфросиньи Полоцкой говорится о домах полоцких феодалов: князья и бояре «ехаша в домы своя» [115].

В архитектуре западных земель Руси, отошедших к Великому княжеству Литовскому, еще в XVI в. продолжали существовать пережитки глубокой старины. В Полоцкой ревизии 1552 г. на замке упоминается «грыдня с сеньми чорная». Во дворах феодалов эти архаичные одноэтажные строения служили столовыми [116].

В источнике конца XIII в. в Витебске названы «клеть» для хранения товаров, материалов и других ценностей, «ыстобка», т. е. изба, «подворие» для купцов или гостиный двор, мост, видимо, через Витьбу [117].

Одно из древних значений термина «улица» — проход между рядами домов. Улицы в городах были узкими (ширина самой большой улицы в Минске 5 м), извилистыми, вымощенными бревнами. В Полоцке, а также в Витебске, Заславле, Браславе самая большая улица называлась Великой улицей.

Города Полоцкой земли имели достаточно надежные по тем временам оборонительные сооружения, необходимые для того, чтобы выполнить одну из важных функций средневекового города — обеспечить безопасность его жителей. Основным планировочным элементом городов были улицы, которые обычно на протяжении столетий сохраняли свое направление и местоположение, о чем свидетельствуют остатки уличных мостовых, вскрытых раскопками. Планировка феодальных городов отличалась стабильностью, а застройка детинцев — особой плотностью.

6. НЕКРОПОЛИ

До принятия христианства на Руси возле древнейших городов возникали курганные некрополи. Огромную территорию они занимали в Киеве и его окрестностях [118]. Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что в IX—X вв.

население Чернигова хоронило умерших на выездных путях из города. Кладбища состоят из нескольких отдельных групп, которые раскинуты на большом пространстве, а вниз по Десне тянутся на 18 км [119]. Крупнейший Гнездовский могильник, насчитывающий несколько тысяч курганов, с полным основанием считают некрополем древнего Смоленска [120]. Спор идет о том, где располагался первоначальный город.

Наличие курганов в Полоцке подтверждает его план 1579 г., на котором показаны круглые насыпи вдоль правого берега Западной Двины [121]. Именно здесь при земляных работах был найден меч X в. [122] Курганные могильники в окрестностях Полоцка есть до сего времени [123].

Е. Р. Романов в 1888 г. писал о курганах в Лукомле, расположенных в два ряда на окраине Проклятого поля. Он раскопал один курган с двумя трупоположениями [124]. Курган может быть датирован по найденному чекану и наконечникам копий, которые относятся к XI в. [125]

Ко времени начала наших работ в Лукомле от курганной группы сохранились две насыпи и остатки еще двух курганов. Памятники расположены в 1 км на юго-восток от городища (рис. 6, *3*). В 1966 г. нами исследованы два кургана, насыпанных из гравия. В первом кургане — впускное погребение (трупоположение) XI в. на глубине 1,2 м от вершины. Возле скелета были наконечник копья, небольшой боевой топор, два бронзовых кольца, подковообразная пряжка, нож с костяной рукоятью, на которой награвирован княжеский знак — трезубец [126]. Свидетельство захоронения в деревянном гробу — 11 кованых гвоздей. Насыпь второго кургана повреждена, на глубине 1,5 м была груда человеческих костей [127].

В 1969 г. школьники на небольшой глубине случайно нашли скелет человека и при нем наконечник копья XI в. Видимо, здесь когда-то был курган. Железный наконечник имеет общую длину 42,5 см. На короткой втулке после расчистки с обеих сторон выявлена инкрустация, выполненная серебром (рис. 56). Напомним, что Е. Р. Романов при раскопках кургана обнаружил возле погребения с топором-чеканом наконечник копья, «трубчатая часть которого оббита серебряною проволокою» [128]. Втульчатые наконечники копий, украшенные серебряной или золотой инкрустацией,— частая находка на территории Латвии. Они известны также в Эстонии, Финляндии, Англии, Польше, Северной Германии. Наибольшее их количество в Швеции, особенно на Готланде [129]. В Лукомле был дружинный курганный могильник.

На берегу Лукомльского озера в 6—7 км от городища раскинулись 3 курганных могильника близ д. Слободка, насчитывающих 143 кургана. Нами исследовано 30 насыпей X—XI вв. Из вещевых находок наиболее интересен боевой топор-чекан и серебряная подвеска из монеты, чеканенной в Англии Этельредом II (978—1016) гг.). Самая большая курганная группа (105 насыпей) X — начала XI в. сооружена на месте селища третьей четверти I тыс. н. э.

Остались малоизученными могильники XI—XII вв. в окрестности Орши, ныне не существующие. В 2,5 км от Оршанского городища на берегу Днепра в урочище Дубки было 30 курганов и возле бывшей д. Грязивец в 4,5 км от городища — 169. Курганный могильник близ Борисова состоял из 6 групп, в которых в 1928 г. насчитывалось 204 насыпи. А. Н. Лявданский справедливо считал их захоронениями древних жителей Борисова [130].

Наилучшим образом изучен могильник вокруг Заславля из 6 курганных групп, насчитывавший свыше 300 курганов. Могильник изучали

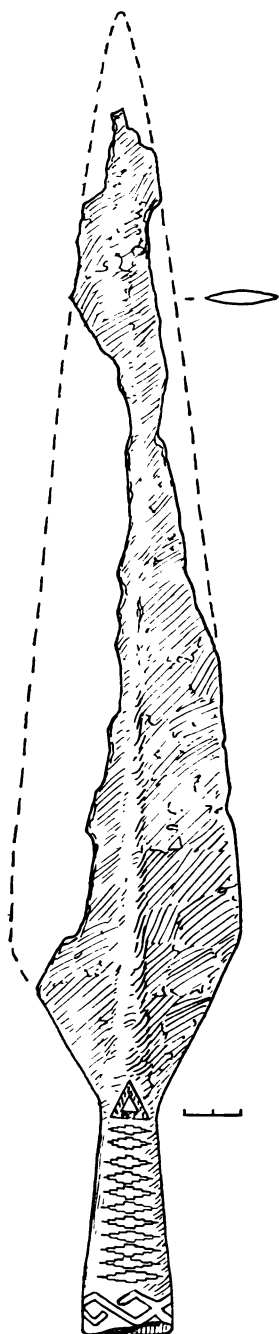

Рис. 56. Наконечник копья XI в. (Лукомль)

многие археологи на протяжении столетия. Мы располагаем сведениями о раскопанных более чем 90 курганах. В большинстве случаев умершие лежат по славянскому обычаю головой на запад, но иногда мужчины положены головой на восток. В женских погребениях найдены стеклянные бусы (в отдельных захоронениях их количество исчисляется сотнями), горшки, бронзовые браслеты, перстни, браслетообразные височные кольца, в небольшом количестве металлические зерненые бусы, шиферные пряслица; в мужских — наконечники копий, топоры, ножи, кресала, пряжки, деревянные ведра, горшки. На днище горшка есть княжеский знак — двузубец. В мужских погребениях сравнительно часто встречается оружие (топоры, наконечники копий). Ранние погребения относятся к концу X в., масса курганов возводилась на протяжении XI в., некоторые, быть может, в начале XII в. [131] Согласно вещевому материалу, основным населением Изяславля были кривичи.

Городские курганные могильники отличались от деревенских. Они рассредоточены близ городов в разных местах. Есть некоторая специфика в инвентаре. Встречаются княжеские знаки на вещах, чаще бывают монеты, куфические или западноевропейские, больше предметов вооружения, деревянные ведра, вероятно, с медовым хмельным напитком.

До принятия христианства в курганах хоронили князей. По терминологии «Повести временных лет», некрещеные князья покоятся в «могилах», как Аскольд и Дир, Олег, Святополк и др., а крещеные — «в гробе» или «в раке» [132].

Обычай погребать князей в храмах установился в Киеве с конца X в. Ближайшая к церкви территория занималась погребениями родственников и приближенных к княжескому роду лиц.

В «Повести временных лет» после сообщения о полоцких князьях под 1001 г. «Преставися Изяслав, отец Брячиславль сын Володимир», и под 1003 г. «преставися Всеслав (брат Брячислава.— **Г. Ш.**), сын Изяславль, внук Володимерь» и пропусков в описании событий 1004—1006 гг. помещено известие под 1007 г.: «Пренесени святии в святую Богородицю» [133]. Непонятно, о каких святых идет речь, но, возможно, более правильный текст в Новгородской четвертой летописи: «принесени си в святую Богородицю» [134], т. е. эти упомянутые выше князья (Изяслав и Всеслав) были перенесены в Богородицкую церковь (старую) в Полоцке.

Князей и других высших представителей господствующего класса погребали в каменных гробницах и саркофагах, сложенных из шиферного сланца, какие найдены в Турове [135]. Многочисленные куски такого камня обнаружены при раскопках храмов XII в. в Полоцке, а близ Спасской церкви среди руин собора открыты погребения полоцких епископов в каменных гробницах [136]. О минской княгине Анастасии, вдове князя Глеба, в летописи сказано, что она похоронена в Киеве и «положена бысть в Печерьском манастыри с князем в гробе» [137]. Она завещала этому монастырю все свое имущество.

В Минске на берегу Свислочи в заполнении внутреннего пространства нижней части храма вскрыто 21 погребение (2 захоронения было вне храма) в гробах ящичного типа, сделанных из массивных хорошо отесанных досок на шипах, без гвоздей. Гробы в плане прямоугольные, в сечении квадратные. Крышки и боковые стенки обернуты берестой. Подобные гробы обнаружены на древнем городском кладбище при раскопках в Москве [138]. Костяки лежали головой на запад со скрещенными на груди руками без вещей. В некоторых случаях сохранились остатки одежды, на ногах кожаная обувь (башмаки, вышитые нитками). Это христианские погребения знатных жителей Минска второй половины XII — начала XIII в. Кладбище посещали родственники, о чем свидетельствует дощатая вымостка для подхода к этому месту [139]. Неслучайно и то, что рядом с одним погребением найден золотой браслет (вес 75,4 г).

По городским некрополям прослеживаются изменения погребального обряда от захоронений в курганах (вплоть до конца XI в.) к захоронениям по христианскому обычаю, который в городах распространился ранее, чем в деревне.

7. ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА

Полоцк был третьим городом Древней Руси после Киева и Новгорода, в котором существовал кафедральный Софийский собор, построенный в середине XI в. Полоцкая София близка к Киевской и Новгородской по структуре и многим конструктивным деталям. Полоцкая София является упрощенным вариантом Киевской Софии. Новейшими исследованиями ленинградских ученых в 1976 и 1977 гг. установлено, что Полоцкая София имела снаружи западную галерею и башню, аналогичную той, какая была у Новгородской Софии для входа на П-образные полати (хоры). Особенность семиглавого полоцкого храма — дополнительное членение (вима) в восточной части интерьера.

В 1964 г. М. К. Каргер закончил изучение руин храма-усыпальницы начала XII в. в Полоцке, близ Спасской церкви. По богатству украшения интерьера фресками, мозаиками, разнообразными майоликовыми плитками он во многих отношениях не уступал собору Софии [140]. О новаторстве прославленного полоцкого зодчего Иоанна при сооружении стремящейся вверх ступенчатой композиции здания свидетельствует конструкция всемирно известной Спасской церкви, где появился первый образец кокошников. Как теперь установлено, закомары и кокошники церкви имели килевидное завершение[141]. Открытие в Полоцке на детинце в 1967 г. одноглавого княжеского храма с полуциркульной средней апсидой и двумя апсидами по ее сторонам—прямоугольными снаружи и полуциркульными внутри — еще одно подтверждение, что новый тип храма, разработанный в Полоцке, послужил базой для многочисленных вариантов в монументальном зодчестве Смоленска [142].

Необходимым условием для возведения каменных сооружений являлось наличие высокого уровня ремесла и развитой городской жизни. Известны случаи, когда полоцкие мастера вели монументальное строительство в других городах, например, в Новогрудке, что подтверждает открытие в новогрудской Борисоглебской церкви XII в. галереи, сложенной из плинфы в технике кладки со скрытым (утопленным) ее рядом, которая была основной для Полоцкой земли в это время [143].

Храмы XII в. в Витебске и Минске имеют свои отличия в системе кладки. Стены Благовещенской церкви в Витебске сложены из хорошо отесанных квадров местного известняка. Между их горизонтальными рядами находится по два-три ряда плинф. Такая кладка редко употреблялась в сооружениях Киевской Руси, но широко распространена в Византии и на Балканах. М. К. Каргер полагал, что она была занесена в Витебск, а оттуда в Новогрудок из византийской провинциальной архитектуры, в частности из Крыма [144]. Стены храма в Минске выложены тесаным камнем с заполнением средней части бутом. Изнутри стены облицовывались кирпичеобразными блоками, высеченными из известняка-ракушечника.

История возникновения монастырей и монастырских церквей при них обычно связана с представителями господствующего класса. Так, полоцкая княжна Предслава (в монашестве Евфросинья) основала в Полоцке два монастыря. В женском монастыре была построена на средства ее и родителей Спасская церковь. Затем Евфросинья учредила еще и мужской монастырь, построив другую каменную церковь Богородицы. Она послала в Царьград к императору Мануилу Камнину и патриарху Луке Хрисовергу «дары многоценны» и получила от них выдающееся произведение станковой византийской живописи — икону Богоматери (Одигитрии) «Эфесской» [145].

Монументальная живопись Полоцка почти не изучена. Выдающимися произведениями, сохранившимися до наших дней, являются фрески Спасской церкви Евфросиньевского монастыря [146]. Их следует датировать временем возведения храма, органическим элементом которого они были. Живописные школы обычно тесно связаны с архитектурными, а наличие собственной архитектурной школы в Полоцке — факт доказанный.

К концу XI в. на Руси принял широкий характер культ Бориса и Глеба, убитых своим братом князем Святополком. Их почитание быстро распространилось в Полоцкой земле. Крестительные имена Борис и Глеб получили сыновья Всеслава Полоцкого. В начале XII в. в Бельчицах близ Полоцка возникает Борисоглебский монастырь, церкви которого были украшены фресками [147].

Декоративное искусство восточных славян IX—X вв. отражало языческие магические представления. Элементы старинных верований сохранялись в узорочье ювелирных изделий в последующие столетия, несмотря на распространение христианства. Отсюда понятно, почему изделия X—XI вв. из городов близки к украшениям, известным по раскопкам деревенских курганов языческих времен. Таковы лунницы из Копыси, Минска, Друцка, плоские стилизованные фигурки животных, так называемые «коньки», распространенные в курганах (чаще смоленских кривичей) [148] и обнаруженные в Витебске, Лукомле, Усвятах (рис. 22, *3*), Минске, Логойске, Друцке, на поселении на Менке (рис. 28, *3*). Характер этих украшений-амулетов довольно устойчив, хотя они стилистически не совсем однородны. Обращает внимание значительное количе-

ство в женском уборе монетовидных подвесок с солярной символикой, что подтверждают материалы Полоцка[149]. В Полоцке найден кошелек, на котором в технике тиснения выполнены три розетки.

Украшения, служившие амулетами, не исчезли в период христианства, а пополнились новыми видами. Б. А. Рыбаков в своих работах показал историческую и семантическую преемственность христианских оберегов от языческих, проследил, что узорочье русских городов существенно отличается от деревенского, отметил различие народной культуры и культуры господствующего класса феодалов[150].

В XII в. получают распространение городские украшения: колты, пустотелые орнаментированные бусины, широкие створчатые браслеты. На изделиях встречается растительный, геометрический, тератологический (изображение фантастических зверей) орнамент. В мире христианских образов можно видеть много форм и изображений, порой заимствованных с Востока или из Византии[151]. Популярными были в композициях декоративного искусства средневековья фигуры птиц и животных, оберегающих «древо жизни». Этот мотив есть и на оловянном колте из Минска (рис. 57).

Любопытны орнаментированные костяные пластины, найденные в Минске, Друцке, Лукомле, а также в Мстиславле, Волковыске[152], которым можно указать многочисленные аналогии среди позднекочевнических древностей евразийских степей[153]. На пластинах гравировкой выполнялись растительные мотивы, фигурки животных. Эти костяные обкладки колчанов указывают на культурные взаимовлияния между западными землями Руси и кочевническим миром.

Раскопки городов Полоцкой земли пополнили коллекцию древнерусских шахмат. Фигура шахматного коня с поселения на Менке XI в.— древнейшая на территории Киевской Руси (рис. 43, *3*). Шахматы XII—XIII вв. найдены в Друцке (5 экз.), Минске (3), Полоцке (3), Витебске (2), Копыси (2), Лукомле (1). В большинстве случаев это абстрактные символические фигуры, вырезанные из кости или выточенные на токарном станке. При изготовлении условных стилизованных фигур местные мастера учитывали восточные образцы. Шахматная ладья из Копыси напоминает арабского средневекового «руха» (персидское название фантастической птицы)[154]. Иначе выглядели изобразительные шахматы «с личиками». Шахматная фигура в виде сидящего человека со скрещенными на груди руками обнаружена на городище в Лукомле. Находки шахмат — подтверждение высокого уровня культуры древнего населения.

Произведения мелкой пластики исполнены рельефной резьбой по камню. Выдающимся памятником является иконка из Полоцка с изображением св. Константина и св. Елены[155]. Не совсем обычна в древнерусской каменной пластике двусторонняя иконка XII в. или рубежа XII—XIII вв. с Минского замчища. На одной ее стороне поясное изображение богоматери (известное под названием Агиосоритиссы или Халкопратийской)[156], на другой — апостола Петра. Этот же иконографический тип богоматери представлен на свинцовой иконке-вставке XIII в. из Турова[157]. Свинцовая печать из Полоцка[158] служит единственным примером изображения Агиосоритиссы в рост в древнерусской сфрагистике (на византийских печатях оно встречается). Иконка из Минска с изображением Николы и архидиакона Стефана, благославляемых Спас-Эммануилом, имеет свои особенности. Т. В. Николаева усматривает в пропорциях укороченных фигур с большими головами черты народного

Рис. 57. Оловянный колт начала XIII в. (Минск)

творчества [159]. Можно говорить об отличительных признаках мелкой пластики городов Полоцкой земли, подтверждением чему служат памятники с изображением богоматери Халкопратийской.

В истории древнерусского прикладного искусства исключительное место занимает вкладной крест Ефросиньи Полоцкой, изготовленный мастером Лазарем Богшей в 1161 г. для Спасской церкви женского монастыря. Подробное исследование реликвии принадлежит Л. В. Алексееву [160]. Произведя ее изучение, Т. И. Макарова констатировала: «Лазарь Богша по мастерству не знает себе равных в ряду русских эмальеров. Его искусство может считаться вершиной русского эмальерного дела» [161].

Исследовательница высказывает мысль о возможности изготовления Богшей или его учениками других выдающихся произведений. Но ее предположение, будто Лазарь Богша был мастером не полоцким, а киевским, достаточно не подкреплено. Искусствовед В. М. Василенко пришел к иному выводу: «По стилю он (крест) несколько отличается от киевских эмалей, представляя как бы «полоцкую» эмалевую школу» [162].

По наблюдениям языковеда Л. М. Шакуна, в надписи на кресте в некоторых случаях отразились особенности местного диалекта, например: в форме «пискупъ» (епископ) и в характерной для письменных памятников западных земель Руси замене «е» на «ѣ» перед слогом с исчезнувшим редуцированным гласным. В какой-то мере местным по происхождению можно считать написание «злото», «дрѣво» [163].

К предметам мелкого художественного литья относятся энколпионы. Эти складные двустворчатые кресты в XI—XIII вв. были распространены преимущественно среди горожан. Литые бронзовые энколпионы (или их фрагменты) найдены в Друцке (3 экз.), Минске (2), Полоцке (1). Они были сделаны, вероятно, в Киеве, но некоторые могли быть изготовлены местными мастерами по киевским моделям. Один энколпион из Минска и два других из Друцка имеют изображения, выполненные чернью. В Витебске при земляных работах близ Благовещенской церкви в 1964 г. найдена бронзовая створка иконки-складня с изображением многофигурной сцены из евангельского цикла и надписью вверху «Рождество Христово» (рис. 58, *2*). Аналогичное изделие обнаружено близ д. Мышковичи (Кировский район Могилевской области). Сведения о вышеупомянутых предметах мелкого художественного литья с указанием аналогий опубликовал Л. В. Алексеев [164].

Каждое княжество-земля вносили свой вклад в развитие древнерусской культуры, в которой выделялись варианты, возникали местные школы архитектуры, прикладного искусства. Процесс создания местных очагов культуры усилился в период феодальной раздробленности.

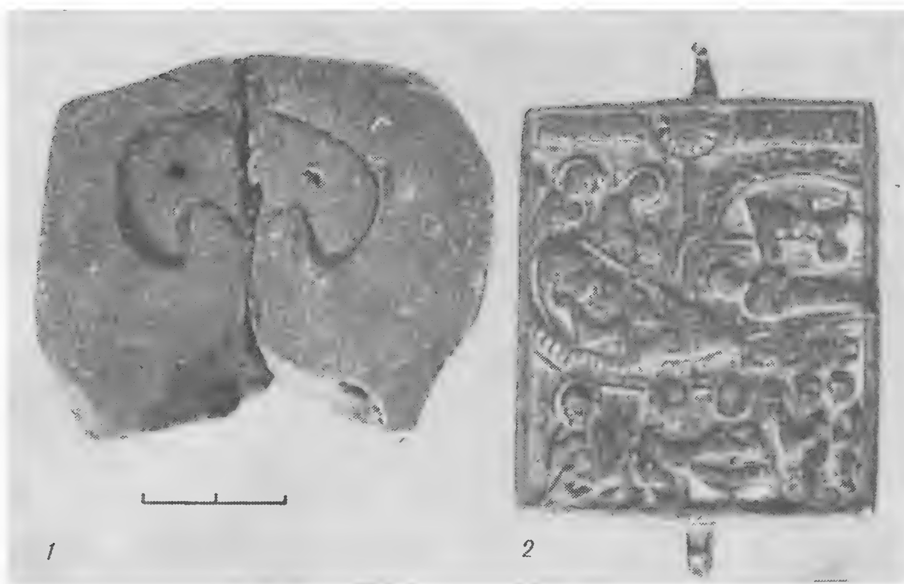

Рис. 58. Витебск, Нижний замок. *1* — каменная литейная форма VI—VIII вв.; *2* — бронзовая иконка

Рукописных книг XII—XIII вв. до нас дошло немного. В «Повести временных лет» есть ценные сведения о Полоцке и других городах Полоцкой земли. Незаменимым источником по истории Полоцкого и других княжеств служит Ипатьевская летопись. Имеются сведения о существовании Полоцкой летописи, утраченной в XVIII в., которую использовал В. Н. Татищев, работая над своей «Историей Российской».

М. Н. Тихомиров писал: «Развитая городская жизнь предстает перед нами, когда мы развернем чуть ли не единственный дошедший до нас памятник полоцкой литературы XII столетия — житие Евфросиньи Полоцкой... Как ни ограничен кругозор автора жития только церковными интересами, даже его краткие замечания дают картину жизни средневекового города» [165]. Евфросинья временно пребывала в Софийском соборе, где «и нача книгы писати своими руками». Затем епископ Илья переводит ее в свое село, объясняя это тем, что София — церковь соборная, где «вси человеци (люди.— **Г. Ш.**) собираются». Княжна Звенислава Борисовна «принесе всю свою утварь златую и порты многоценныя в монастырь», при котором Евфросинья создала небольшую школу для обучения грамоте девочек. В Сельце мастер Иоанн «приставник над делатели церковными», т. е. возглавлявший целую артель строителей, возводит новую Спасскую церковь. В Полоцке работают ювелиры, украшающие произведения искусства «златом и камением многоценным». Интересны слова, встречаемые в житии: «лопата на гумне лежить», «жернова», «всю землю полоцкую», а также мирские женские имена Городислава, Звенислава [166].

Металлические застежки от переплетов книг обнаружены при раскопках в Минске, Друцке. Инструменты для письма (писала) найдены в Минске (6 экз.), Друцке (3), Браславе (2) [167], Копыси (1), Полоцке (2). Наиболее ранняя надпись помещена на свинцовой печати полоцко-

Рис. 59. Надпись XI в. на кирпиче из Полоцкой Софии

го князя Изяслава (конец X в.), передающая русскими буквами греческое звучание его имени [168]. Граффити XII в. есть на пряслицах из Витебска, Друцка [169]. Надписи на трех пряслицах из Полоцка нечитаемы.

Важнейшее значение имеет найденная при реставрационных работах в Софии плинфа с древнерусской надписью. Надпись сделана по сырой глине на широкой стороне кирпича (рис. 59). В середине надписи есть два знака, которые являются буквами-цифрами: под титлом «Ч» (в виде чашки на высокой ножке), означающее 90, и «фита» в форме овала со средней линией, имеющая числовое значение 9 [170]. Без указанных цифр надпись читается «а явно» [171].

Речь идет о количестве плинф. На 99-й штуке сделана надпись-пометка, означающая, что в наличии есть 99 плинф, т. е. очередная — сотая. Трудно сказать, почему все же указано не число 100. Надпись строительного характера. Особая ценность ее в том, что она сделана древнерусским «плинфотворителем» середины XI в. Это служит убедительным подтверждением участия древнерусских мастеров в строительстве Полоцкой Софии.

По другим надписям мы можем судить об именах, распространенных в Полоцкой земле, среди которых есть христианские (календарные): София, Евфросинья, Георгий, Василий, Борис, Лазарь, Константин, Петр, Гавриил. Встречаются имена мирские: Изяслав, Воинег. Известные по летописи имена полоцких князей Рогволод, Брячислав, Всеслав являются специфическими полоцкими именами. Бытовая лексика эпиграфических надписей с территории Полоцкой земли представлена общеупотребительными на Руси словами «помози», «бабино», «пряслень», «къняжинъ». В надписи XII в. на стене Киевской Софии: «Воинег писал Журяговиць полоцянин» определено местожительство ее автора — город Полоцк, ибо сам он называет себя «полоцянин» [172]. В Витебске при обследовании руин Благовещенской церкви на западном портале выявлены остатки древних фресок и граффито (XIII в.) — рисунок святого

воина с копьем и щитом. Высота фигуры 20 см [173]. Над рисунком процарапана надпись в три строки, которая начинается словами «м(еся)ца июля».

В Витебске найдена берестяная грамота конца XIII в., в которой некий Степан просит Нежилу, чтобы тот продал одежды и купил «жита за 6 гривен». Грамота подробно интерпретирована Б. А. Рыбаковым [174]. В берестяной грамоте из Новгорода говорится о «Гавъко Полоцанино» [175].

В Полоцкой земле находились «Борисовы камни» с благопожелательными надписями, увековечившими имя полоцкого князя Бориса Всеславича. Близ д. Дятлово в Оршанском районе располагался «Рогволодов камень» высотой до 3 м, на котором в 1171 г. была высечена надпись по приказу Бориса — сына друцкого князя Рогволода-Василия [176].

В начале XIII в. появляются письменные памятники с более или менее систематическими признаками белорусского языка (смоленско-полоцко-витебские грамоты и торговые договоры) [177]. Высоко развитая для своего времени культура Древней Руси, ее фольклор, письменность, литература, искусство, архитектура послужили той основой, на которой развивалась культура трех братских восточных славянских народностей — русской, украинской, белорусской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические материалы свидетельствуют, что в конце I тыс. н. э. на территории Северной Белоруссии (в Подвинье и соседних районах Верхнего Поднепровья) дальнейшее развитие получили земледелие и различные отрасли скотоводства. Большие перемены происходили в развитии торговли и ремесла. Важное значение для дальней торговли приобрел путь «из варяг в греки». С ростом производительных сил усилилось общественное разделение труда, что привело к отделению ремесла от сельского хозяйства и к возникновению городов.

Наиболее древние города Полоцкой земли находились в Подвинье, размещались друг от друга на расстоянии более 100 км (Полоцк, Витебск, Лукомль, Браслав, Усвяты). Древнейшие центры полоцких кривичей сооружены на важных водных магистралях. Существенное значение для происхождения и развития городов в раннефеодальный период имела Западная Двина. Города, возникавшие в районах верхнего Поднепровья (верховья Свислочи, Березины, Друти), группируются в южной части Полоцкой земли. Они защищали пути, ведущие внутрь Полоцкого княжества и к его столице, составляя как бы пограничные линии обороны, частью которых были болотистые и лесистые места.

Предвестники древнейших городов появились в IX—X вв. Эти «грады» отличались от других типов поселений своими укреплениями, тем, что они были постоянно населены (в отличие от прежних городищ, убежищ банцеровско-тушемлянской культуры), являлись административными центрами, резиденциями знати. При дальнейшем развитии раннефеодального общества укрепленные населенные пункты, обрастая торгово-ремесленными посадами, превращались в города в социально-экономическом понимании. Такие процессы происходили в Полоцкой земле в XI—XII вв.

Условной первоначальной датой в истории каждого древнего города можно считать наиболее раннее непосредственное или даже косвенное сообщение письменного источника, если существование населенного пункта подтверждено материалами археологических исследований. Такими датами для городов Полоцкой земли являются: Полоцк — 862, Витебск — 974, Заславль — около 985, Друцк — 1001, Усвяты — 1021, Копысь — 1060, Минск — 1067, Орша — 1067, Браслав—по косвенным данным 1068, Лукомль — 1078, Логойск — 1078, Борисов — 1102.

Поселения-протогорода в одних случаях превращались в города позже года их первого упоминания в источниках, что можно видеть на примере Полоцка, который стал городом не ранее середины X в.— примерно на столетие позже, чем упомянут в летописи. В Орше и Копыси на детинце практически нет культурного слоя XI в., и трудно говорить, что они могли быть городами тогда, когда впервые появляются на страницах летописей. Отсюда следует важность археологических раскопок для определения времени становления городов. Немногие пункты были

городами, когда они впервые названы в источниках. Таков Витебск, ставший городом во второй половине X в., и, вероятно, Минск (на Менке).

В период феодальной раздробленности (XII—XIII вв.) шел дальнейший рост городов. Они являлись торгово-ремесленными, административными, культурными центрами, пунктами средоточия военных сил. Крупные города, окрепшие к этому времени, содействовали дальнейшему политическому дроблению Древней Руси. Подлинными хозяевами городов оставались феодалы.

Города были тесно связаны с окружающей «волостью», «землей» или «областью». Город и «волость» в административном и правовом отношении были едиными, что видно на примере Полоцка и его «земли».

Города Полоцкой земли XII — начала XIII в. невелики по площади (от 15—20 до 80 га) и количеству жителей (от нескольких сот до нескольких тысяч человек). В XII—XIII вв. площадь детинцев крупных городов Полоцкой земли составляла: в Полоцке 10 га, Витебске до 4 га, Минске 3 га. Детинцы малых городов были небольшие — от 0,5 до 1 га (Орша, Копысь, Борисов). Самые малые размеры городища в Лукомле — 0,25 га. Однако относительно большая площадь посада (13—15 га) и характер находок, обнаруженных при раскопках, позволяют причислить этот населенный пункт к числу городов.

В связи с ростом и развитием городов происходило их смещение, изменение местоположения центральной и иных частей города, что отражало важные этапы их формирования. В Полоцке переносился детинец, Борисов сместился на несколько километров от своего первоначального местоположения. Подобное явление наблюдается в Усвятах. Для понимания таких фактов особое значение имеет вопрос о взаимосвязи между прекращением существования значительного населенного пункта в верховье Птичи на Менке во второй половине XI в. и возникновением примерно в это время в 16 км отсюда при впадении Немиги в Свислочь мощных деревоземляных укреплений обширного детинца Минска.

Материалы археологических раскопок и сообщения письменных источников позволяют представить довольно пеструю картину жизни древних городов X—XIII вв. западных земель Руси. В городах Полоцкой земли широкое распространение получили ремесла — кузнечное, ювелирное, кожевенно-сапожное, деревообрабатывающее, косторезное, гончарное и др. Значительное развитие ремесла и торговли не меняло характера натурального хозяйства Древней Руси. На примере крупных городов (Полоцк, Минск, Витебск), не говоря уже о малых, можно видеть связь населения города с сельским хозяйством. Многие материалы о сельскохозяйственных занятиях горожан получены с территории укрепленных центров городов. Тем не менее не сельское хозяйство определяло экономическую жизнь крупных городов, а ремесло и торговля. Эти города не могли существовать без постоянной связи с округой, население которой участвовало в товарообмене.

Древнерусские города имеют по сравнению с городами Западной Европы как общие, так и отличительные черты. Во всех случаях отделение города от деревни было сложным и длительным процессом. К. Маркс считал, что в Германии он происходил в IX—XII вв.[1] Примерно тогда складывались и развивались города на территории Северной Белоруссии. Мы не располагаем данными о том, что в городах Полоцкой земли, включая Полоцк, в период феодальной раздробленности оформились цехи ремесленников в том значении, какое они имели в западноевропей-

ском городе еще до XIV в. Видимо, в городах Полоцкой земли существовали свои формы организации бесцехового ремесла.

Материальная культура городов западных земель Руси, представленная в археологических памятниках (тип жилищ и печей, покрой обуви, орнаментированные и неорнаментированные бытовые вещи, типы ремесленных изделий и техника их изготовления), говорит об однородности культуры древнерусских городов. Некоторые местные особенности прослеживаются в керамике, монументальной архитектуре, прикладном искусстве. Наблюдается влияние культуры балтов в археологическом материале особенно раннего периода становления городов (Браслав, поселение на Менке).

Важнейшим результатом произведенных археологами раскопок на территории Полоцкой земли являются исследование 14 древних городов, которые известны по письменным источникам, определение характера городского культурного слоя, изучение укреплений и планировки городов (где это было возможно), повсеместное обнаружение огромного вещевого материала, дающего представление о занятиях горожан, ремесле, торговле, быте, произведениях мелкой пластики.

Некоторые из древнейших городов, процветавших в XII—XIII вв., позже не попали в сферу экономического развития, они постепенно приходили в упадок (Лукомль, Заславль, Друцк). Процесс выдвижения одних городов и отмирания других был закономерным результатом новых условий экономического развития земель на территории Белоруссии в последующие столетия.

Города Полоцкой земли играли важную роль в хозяйственной, политической, культурной жизни западных земель Древней Руси, население которых впоследствии составило основу белорусской народности.

Когда работа находилась в наборе, Минский археологический отряд Института истории АН БССР производил широкие раскопки городища на р. Менке и в Минске (на Свислочи). Получены новые данные, подтверждающие как преемственность в развитии материальной культуры этих двух населенных пунктов, так и более древний характер культурного слоя эпохи раннего феодализма на р. Менке.

На малом и большом городищах на Менке вскрыта площадь 900 кв. м при мощности слоя до 2 м. Обнаружено ядро вала, который проходил с напольной стороны малого городища и сооружался после прекращения существования поселка культуры штрихованной керамики. В самом древнем напластовании найден амулет I в. н. э. из египетского фаянса с рельефным изображением крылатого божества.

Напластования X—XI вв. эпохи Киевской Руси зафиксированы на обоих городищах. К этому времени относятся шесть днищ от глиняных сосудов с выразительными отпечатками княжеских знаков — трезубцев. Всего на городище аналогичных днищ найдено 14. Бронзовый наконечник меча — еще одно подтверждение пребывания зажиточной части населения, возможно дружинников, на городище.

Особое значение имеет находка бронзовой литой иконки XI в. Она послужила прототипом каменного образка XIII в. с изображением св. Николы и св. Стефана, обнаруженного в 1957 г. на Минском замчище. Эта глубоко символичная иконография долго держалась в Минске, доказательством чему служит иконка с городища на Менке.

На малом и большом городищах в слое XI в. повсеместно встречаются толстостенные амфоры и особенно часты находки кусков розового шиферного сланца, что указывает на постоянные связи этого населенного пункта с южными землями Руси. Горелое зерно с керамикой XI в.— свидетельство большого пожара.

На городище жизнь различной степени интенсивности была с I по XIX в., временами она почти полностью замирала, а затем возрождалась. Третья четверть I тыс. н. э. представлена обломками керамики типа верхнего слоя Банцеровского городища, а IX — начало X в.— обломками славянской керамики с орнаментом роменского и боршевского типов. Редки материалы XII—XIII и XIV—XV вв. Но в верхних пластах множество находок XVII—XVIII вв. (изразцы, кирпич, неполивная и поливная бытовая керамика, стеклянные изделия, монеты).

В Минске, на правом берегу Свислочи, в 1978 г. впервые произведены раскопки на территории Верхнего города (район площади Свободы и Музыкального переулка). Среди материалов XIV—XVIII вв. есть единичные обломки керамики XII—XIII вв., что свидетельствует о наличии здесь редко заселенных поселений в период феодальной раздробленности, когда рядом на Свислочи существовал обширный детинец (замчище) Минска — города, имевшего важное значение в древней истории Белоруссии.

Интересные данные исследований поселений на Менке в верховье Птичи, их сопоставление с материалами раскопок Минского замчища и близлежащих территорий проливают свет на сложную проблему возникновения городов Полоцкой земли и заслуживают отдельной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

[1] Дубінскі С. А. Бібліяграфія па археалогіі Беларусі і сумежных краін. Мн., 1933, с. 159, № 3517.
[2] Бібліяграфія па гісторыі Беларусі. Феадалізм і капіталізм. Мн., 1969, с. 71—72, № 720—724, 732—734.
[3] Отряд по изучению городов Полоцкой земли работал под руководством автора. В нем участвовали в разные годы В. В. Богомальников, Р. В. Боровой, А. Н. Брек, А. А. Выржиковский, Л. В. Дучиц, Ю. А. Заяц, М. И. Лошенков, В. А. Назаренко, В. Е. Соболь, а также студенты Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького, Гомельского государственного университета.
[4] Археологические материалы, собранные при раскопках городов Полоцкой земли, хранятся в Государственном музее БССР (Минск), Минском областном краеведческом музее (Молодечно), Полоцком краеведческом музее, Витебском областном краеведческом музее, Институте истории Академии наук БССР.

Глава I

[1] Северная Белоруссия — основная часть северной половины территории Белорусской ССР, расположенная на север от Минска. В раннефеодальный период здесь находилась Полоцкая земля. Некоторые ученые под этим термином понимают только Витебскую область или Белорусское Поозерье, а районы возле Минска относят к средней Белоруссии.
[2] Очерки по археологии Белоруссии, ч. I. Мн., 1970, с. 184—224.
[3] Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М., 1963, с. 29, 30, 33; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 48—53; Русанова И. П. Славянские древности VI—VIII вв. М., 1976, с. 68—71; Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн., 1977, с. 70.
[4] Штыхов Г. В. Поселения VI—VIII вв. в окрестности Витебска.— В кн.: НОСА, ч. III. К., 1975, с. 67.
[5] Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины.— Тр. ПОКЭ, т. 1, 1959, с. 278—302; Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии, вып. 2. Мн., 1971, с. 12, 31—91; Побаль Л. Д. Археалагічныя помнікі на берагах Заходняй Дзвіны.— ПГКБ. 1974, № 3, с. 20—22.
[6] Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Мн., 1978, с. 139, рис. 47, *16—19*.
[7] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. Мн., 1972, с. 25—27.
[8] Поболь Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье.— В сб.: РВД. Л., 1974, с. 159, 180.
[9] Тимощук Б. О. Слов'янскі гради Північної Буковини. Ужгород, 1975, с. 32—34; его же. Слов'яни Північної Буковини V—XI стст. К., 1976.
[10] Мітрафанаў А. Р., Каробушкіна Т. М. Археалагічны помнік расказвае.— ПГКБ, 1975, № 4, с. 38.
[11] Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы.— В сб.: ИИСБН. М., 1972, с. 18.
[12] Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 297, 305; Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 30.
[13] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II, с. 20—23.
[14] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20.
[15] Мельничук С. М. Витебская область. Географический очерк. Мн., 1962, с. 39.

[16] Мітрафанаў А. Р., Каробушкіна Т. М. Археалагічны помнік расказвае, с. 40.
[17] Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 174—175.
[18] См. параграф «Сельское хозяйство и промыслы» в этой книге.
[19] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. М., 1966, с. 86—87; его же. Полоцкая земля.— В сб.: ДК. М., 1975, с. 216.
[20] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 65.
[21] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II, с. 22—24, рис. 7 и 8.
[22] См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 43—48; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 109—124.
[23] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— МИА, 1960, № 92, с. 8, 30.
[24] Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А. Манеты Арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі.— ПГКБ, 1973, № 4, с. 35.
[25] Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии, с. 12.
[26] ПСРЛ, т. 1. М., 1962, стб. 221, 301.
[27] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 252; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977, с. 52—67.
[28] ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стб. 493.
[29] ПСРЛ, т. 1, стб. 248.
[30] ПСРЛ, т. 2, стб. 495, 496.
[31] ПСРЛ, т. 2, стб. 492, 493.
[32] Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 76, 181, 273, 265—269, 368.
[33] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977, с. 36.
[34] Житие блаженныя Еуфросинии...— В кн.: Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Мн., 1959, с. 74, 76, 77, 79.
[35] «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 376.
[36] Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.—Л., 1963, с. 174, 175, 186.
[37] Новосельцев А. П., Пашуто В. Г., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 250.
[38] ПВЛ, ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950, с. 511—531.
[39] Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 13, 32—41.
[40] ПСРЛ, т. 1, стб. 248.
[41] ПВЛ, ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, с. 443; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, с. 143.
[42] Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 133, 134.
[43] См. параграфы «Витебск» и «Лукомль».
[44] Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода.— ИС, 1971, № 2, с. 61; Алешковский М. Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории.— В кн.: Реставрация и исследование памятников культуры, вып. 1. М., 1975, с. 23.
[45] Алексеев Л. В. Полоцкая земля.— В сб.: ДК. М., 1975, с. 207—212.
[46] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 83, 132.
[47] Сербаў І. А. Археалагічныя помнікі Ушацкага раёна Полацкай акругі.— Працы, т. II, с. 204.
[48] Буров В. А. Усвятский волок по археологическим данным.— ВМУ, серия IX, 1975, № 4, с. 81.
[49] По соседней д. Строчицы памятник известен в литературе под названием «Строчицкого городища», но лучше городище называть по реке Менке — Менским городищем.
[50] ПВЛ, ч. I, с. 145.
[51] Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 102.
[52] ПСРЛ, т. 2, стб. 491, 874, 875.
[53] Довженок В. И. Землеробство Древньоі Русі. К., 1961, с. 220—221.
[54] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, с. 124.
[55] Рабинович М. Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 30.
[56] Жучкевич В. А. Топонимика Белоруссии. Мн., 1968, с. 49.
[57] Сядоў В. В. Старажытнаруская тапанімія на беларускай тэрыторыі.— В кн.: Пытанні беларускай тапанімікі. Мн., 1970, с. 21, 22.
[58] Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений.— КСИА, 1967, № 110, с. 5.
[59] Черепнин Л. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России.— «Коммунист», 1975, № 1, с. 64.
[60] Куза А. В. Русские средневековые города. Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975, с. 65.

61 Археологія Украіньскоі РСР, т. III. К., 1975, с. 180; Історія Украіньскоі РСР, т. 1. К., 1977, с. 299.
62 Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 44.
63 Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX—1917 г.). М., 1974, с. 71, 132, 151, 351.
64 Стам С. М. Некоторые тенденции в современной буржуазной историографии средневекового города.— «Средние века», 1975, № 38, с. 75.
65 Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957, с. 105.
66 Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 18.
67 Греков Б. Д. Избранные труды, т. 1. М., 1957, с. 69.
68 Zaki A. Najstarsze miasta Małopolski. Kraków, 1967, s. 1—27.
69 Алексеев Л. В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения начальной истории и топографии).— СА, 1977, № 1, с. 83—103.
70 Каргер М. К. Новгород Великий. Л.—М., 1961, с. 11.
71 Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 51.
72 Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Полацкай акрузе.— Працы, т. II, с. 171, 172.
73 Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Барысаве.— Працы, т. II, с. 254, 259.
74 Игнатьев Р. Деревня Студянка, место переправы Наполеона через р. Березину.— Минские губернские ведомости, 1877, № 30.
75 Гісторыя Мінска. Мн., 1967, с. 68.
76 Сапунов А. П. Усвят (местечко Витебской губернии) и святыня его. Витебск, 1889, с. 8, 29.
77 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 476.
78 Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних».— ИЗ, 1952, № 40, с. 237.
79 Куза А. В. Русские раннесредневековые города, с. 64.
80 Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. К., 1896; Довнар-Запольский М. В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. К., 1891.
81 Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли, с. 27, прим. 163.
82 Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии, с. 208.
83 Драгун Ю. І. Да пытання аб летапісным Одрэску.— «Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна», серыя III, 1977, № 1, с. 19—22.
84 Карамзин Н. М. История государства Российского, т. II. СПб., 1842, с. 134.
85 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 184.
86 Ходаковский З. Пути сообщения в Древней Руси.— «Русский исторический сборник». М., 1837, т. I, кн. 1, с. 37.
87 Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Мн., 1974, с. 13.
88 Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины, с. 300, прим. 161.
89 ПСРЛ, т. 2, стб. 292.
90 Там же, стб. 496.
91 Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 184.
92 Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 157, прим. 3.
93 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 183, 184.
94 Сементовский А. М. Белорусские древности. СПб., 1890, с. 55.
95 Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии, с. 363.
96 Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, т. X. Мн., 1974, с. 89.
97 Очерки по археологии Белоруссии, ч. II, с. 94.
98 ПСРЛ, т. 1, стб. 298, 299.
99 ПСРЛ, т. 2, стб. 293.
100 Алексеев Л. В. Полоцкая земля.— В сб.: ДК. М., 1975, с. 221.
101 Татищев В. Н. История Российская, т. III. М.—Л., 1964, с. 76.
102 Ермаловіч М. Тацішчаўскія звесткі пра Беларусь.— ПГКБ, 1976, № 2, с. 35.
103 Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1. М., 1959, с. 519.
104 ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, с. 231, 300, 426.
105 Там же, с. 362, 366.
106 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 476.
107 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 184.
108 Зверуго Я. Г. Работы Верхненеманского отряда.— АО—1972. М., 1973, с. 361.
109 Загорульский Э. М. Древний Минск. Мн., 1963, с. 13, 14; Сокол М. Т. Судь-

ба двух городов в истории исследования «Песни о полку Игореве».— Вопросы отечественной историографии и источниковедения, вып. 2. Днепропетровск, 1975, с. 164—168.
[110] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 81, рис. 14.
[111] Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, 1967, № 140, с. 92.
[112] Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Мн., 1974, с. 250.
[113] Дучиц Л. В. Раскопки на Белорусско-Латвийском порубежье.— АО—1976. М., 1977, с. 403, 404.

Глава II

[1] ПСРЛ, т. 1, стб. 20.
[2] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975, с. 21—33.
[3] Колчин Б. А. Дендрохронология древнего Полоцка.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 262—266; Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977, с. 66—69, 111.
[4] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 56—103.
[5] Арциховский А. В. Городские концы в Древней Руси.— ИЗ, 1945, кн. 16, с. 3; Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов.— В кн.: Русский город. М., 1976, с. 17—31.
[6] Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов, т. II. Мн., 1960, с. 196.
[7] Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1858, с. 140—141.
[8] Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905, с. 1—27.
[9] ПСРЛ, т. 1, стб. 215, 229.
[10] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, с. 145—158; Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 77—82.
[11] Значение понятия «волость» в связи с «поземельными основами древнерусского государства» рассматривает Л. В. Черепнин. (ИЗ, 1972, № 89, с. 366—369).
[12] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1895, с. 1394—1395.
[13] Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1935, с. 21.
[14] ПСРЛ, т. 1, стб. 377—378.
[15] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963, с. 30.
[16] Сергеевич В. Русские юридические древности, т. 2. СПб., 1900, с. 7.
[17] ПСРЛ, т. 1, стб. 298; ПСРЛ, т. 2, стб. 292—293.
[18] ПСРЛ, т. 2, стб. 493.
[19] ПСРЛ, т. 32. М., 1975, с. 193.
[20] Алексеев Л. В. Полоцкая земля.— В сб.: ДК. М., 1975, с. 222, прим. 91.
[21] Витебская старина, т. I. Витебск, 1883, с. 642.
[22] ПСРЛ, т. V, в. 1. Л., 1925, с. 123.
[23] ПСРЛ, т. 2, стб. 692; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. I, с. 574, 575, 727,728; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. К., 1895.
[24] Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мн., 1972, с. 129.
[25] Stryjkowski M. Kronika Polska, Litevska, Zmódzka i wszystkiej Rusi, t. II. Warszawa, 1846, s. 14, 58.
[26] Витебская старина, т. I, вклейка между с. 622 и 623. В примечании к плану Витебска конца XVIII в. есть опечатка: Замковая гора обозначена цифрой «11» (вместо «12»), а пруд «12» (вместо «11»). Не учтя этого, Л. В. Алексеев сделал реконструкцию центральной части Витебска, где на месте Замковой горы появился ров, а для городища места, по существу, не оказалось. (Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 168, рис. 40.)
[27] Сементовский А. Памятники старины Витебской губернии. СПб., 1867, с. 34.
[28] Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Віцебскай акрузе.— Працы, т. II, с. 94.
[29] Левко О. Н., Кулагин А. Н., Бубенько Т. С. Исследования Витебского отряда.—АО—1976. М., 1977, с. 409—410.
[30] Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 77.
[31] Штыхов Г. В. Бусы из Витебска.— В кн.: ТДКАБ. Мн., 1969, с. 127—131.
[32] Штыхаў Г. В. Там, дзе пачынаўся горад.— ПГКБ, 1974, № 2, с. 29.
[33] Каргер М. К. Раскопки руин церкви Благовещения в Витебске.— АО—1968. М., 1969, с. 355.
[34] Ханенко Б. И. Древности русские, кресты и образки. К., 1899, табл. 8, рис. 103,
[35] Stryjkowski M. Kronika..., t. II, s. 14, 58.

[36] Алексеев Л. В. К истории и топографии древнейшего Витебска.— СА, 1964, № 1, с. 108.
[37] Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Віцебскай акрузе, с. 94.
[38] Штыхаў Г. В., Лебедзеў Г. П. Старажытны горад на Віцьбе.— «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1974, № 4, с. 47, рыс. 2.
[39] Никифоровский Н. Я. Странички из недавней старины города Витебска. Витебск, 1899, с. 4.
[40] Сапунов А. П. Чертеж города Витебска 1664 года. Витебск, 1910, с. 5.
[41] Красьнянскі В. «Чарцёж» места Віцебску 1664 г. як дакументальны помнік да гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва. Запіскі аддзела гуманітарных навук, кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва, т. I. Мн., 1928, с. 39—93.
[42] Белоруссия в эпоху феодализма, т. I, с. 77.
[43] Алексеев Л. В. К истории и топографии древнейшего Витебска, с. 109.
[44] Оглоблин Н. Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-й половине XVI века. СПб., 1880, с. 59.
[45] Ипатьевская летопись сообщает под 1180 г. о Лукомльском городище на р. Суле (Полтавская область).
[46] Stryjkowski M. Kronika..., t. II, s. 75, 76.
[47] ПСРЛ, т. 29. М., 1965, с. 325.
[48] Каваленя А. З. Археалагічныя росшукі ў вярхоўях Друці, Усяж-Бук і Лукомкі.— Працы, т. III, с. 189, мал. 3.
[49] Сведения 1873 г. о городищах и курганах.— ИАК, вып. 5. СПб., 1903, с. 58.
[50] Романов Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году.— Тр. МАО, т. 13. вып. 1. М., 1889, с. 146, примечание.
[51] Тараканова С. А. Псковские городища.— КСИИМК, № 62, с. 41, рис. 20.
[52] Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В сб.: РВД. Л., 1974, с. 189, рис. 5, 9.
[53] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 58, рис. 7.
[54] Штыхов Г. В. Раскопки в Северной Белоруссии.— АО—1971. М., 1972, с. 403.
[55] Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 годах.— В сб.: ДБ. Мн., 1969, с. 334—345.
[56] Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии, с. 127, рис. 35, *1, 2*; рис. 52, *17*.
[57] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II, с. 19, рис. 6; 1—2.
[58] Очерки по археологии Белоруссии, ч. I, с. 249, рис. 84, 12—14.
[59] Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 годах, с. 332, рис. 7, *4, 5*.
[60] Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975, с. 65.
[61] Кузнецов В. А. Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 154, рис. 2.
[62] Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности № I—XXIII. СПб., 1907, с. 145, 146; Белицкий Е. К истории Лукомльского монастыря Сенненского уезда Могилевской губ. Виленский календарь на 1908 год.
[63] Романов Е. Еще два клада близ деревни Лукомля.— ИАК, прибавление к выпуску VI. СПб., 1903, с. 73.
[64] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 15, 64, 79.
[65] Сапунов А. П. Усвят (местечко Витебской губернии), с. 8, 29.
[66] Писцовые книги Московского государства, ч. I. Писцовые книги XVI века, отделение II. СПб., 1877, с. 445.
[67] Романовь Е. Р. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский. Могилев, 1898, с. 187, 188.
[68] Станкевич Я. В. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, № 76, с. 214—219, табл. XXVIII, 3.
[69] Там же, с. 322.
[70] Микляев А. М., Миносян Р. С. Работы северо-западной экспедиции Государственного Эрмитажа.— АО—1970. М., 1971, с. 4.
[71] Пользуюсь случаем выразить благодарность учительнице истории Усвятской средней школы Т. П. Смирновой за предоставленную возможность изучить подъемный материал с Юрьевых гор в 1971 г.
[72] Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889, с. 123.
[73] Сапунов А. П. Река Западная Двина. Историко-географический обзор. Витебск, 1893, с. 98—99.
[74] Буров В. А. Усвятский волок по археологическим данным, с. 84.
[75] Сапунов А. П. Река Западная Двина, с. 372—373.
[76] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, с. 151.
[77] Хроника Быховца, с. 34, 36.

[73] Stryjkowski M. Kronika..., t. II, s. 86.
[79] Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, с. 128—129.
[80] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 40.
[81] Белоруссия в эпоху феодализма, т. I. Мн., 1959, с. 132.
[82] Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. СПб., 1890, с. 24; Otton Hedemann. Historja powiatu Braslawskiego. Wilno, 1930, s. 9.
[83] Алексеев Л. В. Раскопки Древнего Браслава.— КСИА, 1960, № 81, с. 96, 105.
[84] Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии, с. 35.
[85] Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава, с. 103.
[86] Там же, с. 98.
[87] Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв.— СА, 1960, № 12, с. 67.
[88] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 177, рис. 45.
[89] Покровский Ф. В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Труды IX АС в Вильне, т. I. М., 1895, с. 183, рис. 56.
[90] Там же, с. 214, рис. 63.
[91] Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии, с. 129.
[92] Уртан В. Связи населения Латвии со славянами во второй половине I тысячелетия.— Arheologija un etnografija, VIII. Rīga, 1968, g. 33.
[93] Латвийский Генрих. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938; Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л., 1945, с. 15, 16.
[94] Пашуто В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 102.
[95] История Латвийской ССР. Рига, 1971, с. 34.
[96] Латвийский Генрих. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, с. 92.
[97] Татищев В. Н. История Российская, кн. III, с. 201—204; Лыжин Н. П. Два памфлета времени Анны Иоанновны.— ИАНОРЯС, т. VII. СПб., 1858, с. 49—64; Сапунов А. Достоверность отрывка из Полоцкой летописи, помещенного в «Истории России» Татищева под 1217 г.— ЧОИДР, 1898, кн. 3 (186), разд. V, с. 8—10; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 1. М., 1966, с. 601.
[98] Стубавс А. Археологические раскопки 1961 года в Кокнесе.— ТДСАЭЭ. Рига, 1962, с. 52.
[99] Стубавс А. Археологические раскопки на городище Кокнесе в 1965 году.— ТДСАЭЭ. Рига, 1966, с. 28, 29.
[100] Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 87.
[101] Ширинский С. С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова.— В кн.: Славяне и Русь, с. 215—223.
[102] Стубавс А. Я. Археология в Советской Латвии (1945—1967 гг.).— СА, 1967, № 4, с. 115, рис. 8.
[103] Стубавс А. Археологические раскопки в Кокнесе в 1963 году.— ТДСАЭЭ. Рига, 1964, с. 62, 63.
[104] Мугуревич Э. М. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв., с. 78, табл. XIV.
[105] Штыхов Г. В. Печать XII в. из Полоцка.— СА, 1965, № 3, с. 244.
[106] Мугуревич Э. М., Стубавс А. Я. Экономические связи населения низовьев Даугавы с Русью в период раннего феодализма (X—XII вв.).— В кн.: Тезисы докладов и сообщений конференции по истории экономических связей Прибалтики с Россией. Рига, 1966, с. 4, 5.
[107] Латвийский Генрих. Хроника Ливонии, с. 114.
[108] Сапунов А. Река Западная Двина, с. 468.
[109] Balodis F. Jersika. Rīga, 1940.
[110] Balodis F. Jersika, g. 39—69.
[111] Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв., с. 68, 71.
[112] Oskars Kalejs. Jersikas senkapi. Senatne un maksla, II. Rīga, 1940, g. 11—29.

Глава III

[1] Малая Советская Энциклопедия, т. 6. М., 1937, с. 925.
[2] Тарасенко В. Р. Древний Минск.— В кн.: Материалы по археологии Белоруссии. Мн., 1959, с. 186.
[3] Осмоловский М. С. Минск. Практика советского градостроительства. М., 1952, с. 7; «Беларусь», 1952, № 5, с. 14.
[4] Тарасенка В. Р. Адкуль прыйшоў Мінск.— «Маладосць», 1967, № 1, с. 132—134.
[5] ПВЛ, ч. 1, с. 312.

[6] Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, с. 25.
[7] Кудряшов К. В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948, с. 79, 80.
[8] Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 268; Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии, с. 233.
[9] Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв.— Уч. зап. ГСУ, т. I, вып. 3. Саратов, 1923, с. 20.
[10] Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, с. 23, 138. (Одно из имений Чапских было около д. Прилуки в верховьях Птичи.)
[11] Расстояние от городища на Менке до замчища на Свислочи в Минске составляет 16,7 км.
[12] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 147, 148.
[13] Загорульский Э. М. Археология Белоруссии, с. 179.
[14] Загорульский Э. М. Об укреплениях Городищенского замка.— Вопросы истории. Межвузовский сборник, вып. IV. Мн., 1977, с. 90—97.
[15] Ткачев М. А. Прорезка вала городища на р. Менке.— В кн.: ТДКАБ, Мн., 1969, с. 193—198.
[16] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. Мн., 1975, с. 104.
[17] Ширинский С. С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова.— В кн.: Славяне и Русь, с. 218, рис. 3.
[18] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 365.
[19] Розенфельдт Р. Л. К вопросу о гончарных клеймах.— СА, 1963, № 2, с. 129.
[20] Штыхов Г. В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей.— В сб.: ДБ, Мн., 1966, с. 251.
[21] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 48, рис. 32.
[22] Павлова К. В. Раскопки курганов у дер. Городиловка.— КСИА, 1973, № 135, с. 59—61, рис. 16, *10, 11;* Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка.— КСИА, 1965, № 104, с. 92.
[23] Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, с. 144, 145, табл. VI, *3;* VII, *5.*
[24] Цветное фото этих бус, сделанное В. М. Жилевичем, см. в ПГКБ, 1977, № 1.
[25] Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 33, с. 167, рис. 5, *9.*
[26] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 180.
[27] Покровский В. Ф. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии, с. 214, рис. 63.
[28] Mugurēvičs Ē. Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi. Rīga, 1977, tabula LIV, 9.
[29] Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43, с. 90, рис. 14, *5.*
[30] Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве.— СА, 1961, № 4, с. 91—102.
[31] Lietuviu liaudies menas. Vilnius, 1958, il. 429.
[32] Lietuvos TSR archeologijos atlasas, kn. IV, Vilnius. 1978, žemél 49.
[33] Latvijas PSR archeologija. Riga, 1974, tabula 57, 2.
[34] Гуревич Ф. Д. Грамотность горожан древнерусского Понеманья.— КСИА, 1973, № 135, с. 32, рис. 7, *3.*
[35] Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 112, 113.
[36] Игнатьев Р. Курганы и городища в Минской губернии.— «Минские губернские ведомости», 1879, № 1, 2, 5, 6, 8, 10, 11, 14, 17, 18.
[37] Сербаў І. А. Археалагічныя раскопкі ў аколіцах Менска ў 1925 г.— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1927, с. 195—231.
[38] Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1, с. 307, прим. 180.
[39] ПСРЛ, т. 1. стб. 248.
[40] ПСРЛ, т. 2, стб. 445, 493—495; Арабский географ Идриси на карте 1154 г. поместил «цветущий город» Мунишка, в котором следует видеть город Минск. (Откупщиков Ю. В. Из древней гидронимики.— «Acta Linguistica», 1974, t. XXIV, s. 289).
[41] Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, с. 386.
[42] Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю, с. 135.
[43] Тарасенко В. Р. Древний Минск, с. 211.
[44] Загорульский Э. М. Древний Минск. Автореф. канд. дис. Мн., 1962, с. 17.
[45] Щапова Ю. Л. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя.— СА, 1969, № 4, с. 102—105.
[46] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 203—307.
[47] Тарасенко В. Р. Древний Минск, с. 204, 213, 221.

48 Загарульскі Э. М. Археалагічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска.— «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1960, № 4, с. 55.
49 Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, с. 80, 87, 103, рис. 85.
50 Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 154.
51 Юшко А. А. Раскопки кургана XI—XII вв. у с. Покров Московской области.— КСИА. № 110, с. 50, 52, рис. 16, *6*.
52 Алексеев Л. В. Древний Мстиславль.— КСИА, 1976, № 146, с. 47, рис. 12—16.
53 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв., с. 56, табл. 18, *1, 2;* табл. 23, *1*.
54 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2. М.—Л., 1966, с. 59, 134.
55 Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка, с. 92 и рис. 34, *11, 13*.
56 Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 50—55.
57 Ханенко Б. И. и В. И. Древности Приднепровья, вып. V. К., 1902, табл. IX, № 240.
58 Тарасенко В. Р. Древний Минск, с. 250.
59 Там же, с. 214, рис. 12.
60 Загорульский Э. М. Древний Минск, с. 51—103.
61 Егоров Ю. А. К вопросу о градостроительной истории Минска в XVII, XVIII и первой половине XIX в.— «Весці АН БССР», 1955, № 3, с. 15—34.
62 Тарасенко В. Р. Древний Минск, с. 206, 247, 256; Штыхаў Г. В. Аб паходжанні Мінска.— «Полымя», 1967, № 5, с. 184, 185.
63 Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв., с. 33, рис. 10, *22*.
64 Егоров Ю. Градостроительство Белоруссии. М., 1955, с. 85.
65 Дубінскі С. А. Бібліяграфія па археалогіі Беларусі і сумежных краін, с. 116—119.
66 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., рис. 27.
67 Загорульский Э. М. Раскопки в Минске.— АО — 1974. М., 1975, с. 385.
68 Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю, с. 125.
69 Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР.— АЕ—1965. М., 1966, с. 162.
70 Сведения 1873 г. о городищах и курганах, с. 45.
71 Каваленя А. З. Археалагічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі, с. 190, 191.
72 Алексеев Л. В. Работы в древнерусском Друцке и его округе.— АО — 1967. М., 1968, с. 256.
73 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 152.
74 Алексеев Л. В. Работы в древнерусском Друцке и его округе, с. 257.
75 Алексеев Л. В. Раскопки в Друцке.— АО — 1965. М., 1966, с. 169.
76 Сергеева З. М. Раскопки курганов в Толочинском районе.— КСИА, 1972, № 129, с. 61—64; ее же. Раскопки курганов на Друцком волоке.— КСИА, 1974, № 139, с. 49—52.
77 ПСРЛ, т. 2, стб. 494—496.
78 Там же, стб. 494—496, 519.
79 Хроника Быховца, с. 72, 75.
80 Карамзин Н. М. История государства Российского, кн. I, в. 1—4. СПб., 1842, с. 125, 126.
81 Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. с. 155—158; Миронович И. Рогнеда и судьба ее потомков в городе Изяславле. Вильна, 1888, с. 8; Штыхаў Г. В. Ажываюць сівыя стагоддзі. Мн., 1974, с. 119.
82 Этот рассказ есть также в «Радзивилловской или Кенигсбергской летописи» (СПб., 1902, с. 163, 164) и проиллюстрирован миниатюрами.
83 ПСРЛ, т. I, стб. 300, 301.
84 Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 64, прим. 8.
85 Смолицкий В. Г. Былина о Дунае. Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 43.
86 Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв., с. 209, 214.
87 Татищев В. Н. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 141, 142.
88 ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стб. 112, 113.
89 Россия. Верхнее Поднепровье и Белоруссия, т. IX. СПб., 1905, с. 516, 517.
90 Даўгяла З. І. Заслаўе на Міншчыне.— Працы, т. I, с. 110—111.
91 Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., Л., 1967, с. 93.
92 Ляўданскі А. Н. Археалагічныя раскопкі ў м. Заслаўі Мінскай акругі.— Працы. т. I, табл. IV, *12, 13, 16, 18*.
93 ПСРЛ, т. 2, стб. 293.

[94] Там же, стб. 496.
[95] Tyszkiewicz K. Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej.— «Teka Wileńska», 1858, 6, s. 85—137.
[96] Штыхов Г. В. Заславль в свете раскопок 1967—1968 гг.— В кн.: ТДКАБ. Мн., 1969, с. 138.
[97] По терминологии литовских реставраторов, это «ренессансская кладка», появившаяся на территории Великого княжества Литовского в конце XVI в.
[98] Гилеп В. А. Некоторые сведения о памятниках Заславля.— В кн.: ТДКАБ. Мн., 1969, с. 143.
[99] Штыхов Г. В. Исследования в Витебской и Минской областях.— АО — 1970. М., 1971, с. 315.
[100] Загрышаў У. П., Мілючэнкаў С. А. Легенды і быль старажытнага Заслаўя.— ПГКБ, 1977, № 2, с. 21.
[101] Существует мнение, что система укреплений Заславльского замка относится к середине XVI в. (Ткачоў М. А. Замкі Беларусі. Мн., 1977, с. 51).
[102] Адамович С. А., Гилеп В. А. Раскопки в Заславле.— АО—1972. М., 1973, с. 358.
[103] Ляўдански А. Н. Археалагічныя раскопкі ў м. Заслаўі Мінскай акругі, с. 86—87.
[104] Baliński M. i Lipiński T. Starożytna Polska, t. IV. Warszawa, 1886, s. 680.
[105] Лемцюгова В. П. Беларуская айканімія. Мн., 1970, с. 92.
[106] Алексеев Л. В. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в.— СА — 1967, № 4.
[107] Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Смоленск, 1926, с. 193, прим. 3.
[108] Tautavicius. Vilniaus pilies kokliai (XVI—XVII a.). Kaune, 1969, s. 43.
[109] ПСРЛ, т. II, стб. 292.
[110] ПСРЛ, т. I, стб. 403.
[111] Москалевич Р. Логойск, его историческая судьба в церковном и гражданском отношении.— «Вестник Западной России», т. 2, кн. 4. Вильна, 1870, с. 6.
[112] ПСРЛ, т. V, вып. 1. Л., 1925, с. 132.
[113] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, с. 153; ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 47.
[114] ПСРЛ, т. 9. М., 1965, с. 91.
[115] ПСРЛ, т. 2, стб. 282—283.
[116] Щапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.— АЕ — 1962. М., 1963, с. 37—47; Поппэ А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии.— АЕ — 1965. М., 1966, с. 59.
[117] Смоленские грамоты XIII—XIV веков, с. 79.
[118] Полное собрание законов Российской империи. Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839, рис. 178.
[119] Россия, т. IX, с. 468.
[120] Алексеев Л. В. Памятники железного века в среднем течении Западной Двины, с. 312, табл. X. Опубликованная здесь таблица сосудов из городища «Копысь» должна относиться к городищу «Кисели» (Дымокуры), где в 1950 г. тоже производились раскопки.
[121] Міхайлоўскі Л. Пятроўскі вал.— «Беларусь», 1951, № 7, с. 30.
[122] Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии, с. 64.
[123] Загорульский Э. М. Открытия в Копыси.— «Неман», 1973, № 1, с. 190—191.
[124] Загорульский Э. М. Раскопки в Копыси.— АО — 1972. М., 1973, с. 359
[125] Яніцкая М. М. Беларускае мастацкае шкло. Мн., 1977, с. 17.
[126] В заметке, помещенной в журнале «Крывіч» (1923, № 6), высказано предположение, будто «Артсана», которая упоминается в арабских источниках, является Оршей.
[127] Татищев В. Н. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 84.
[128] Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IX, СПб., 1821, с. 72, прим. 225.
[129] Барсов И. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 184.
[130] Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 101.
[131] Орша. Историко-экономический очерк. Мн., 1967, с. 11, 12.
[132] Археографический сборник, т. IV. Вильна, 1868, с. 248.
[133] Ляўдански А. Н. Археалагічныя доследы ў Аршанскай акрузе. Працы, т. II, с. 31, 45.
[134] Штыхов Г. В. Археологические раскопки в Орше и Логойске.— В кн.: Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Мн., 1967, с. 386—388.
[135] Драгун Ю. И. Археологическое изучение детинца древней Орши.— В кн.: Доклады научной конференции аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Серия исторических наук. Мн., 1967, с. 213.

[136] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, с. 85, рис. 69, 4.
[137] Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 117, с. 175.
[138] Драгун Ю. И. Социально-экономическое развитие белорусского города в XI—XVIII вв. (по материалам Орши). Автореф. канд. дис. Мн., 1969, с. 10.
[139] Дубінскі С. А. Чаркасоўскае гарадзішча пад Оршай.— Працы, т. II, с. 71—79.
[140] Ляўданскі А. Н. Курганны магільнік каля в. Чаркасова Аршанскай акругі.— Працы, т. II, с. 68, табл. VI, 25, 26.
[141] Татищев В. Н. История Российская, т. II, с. 123.
[142] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, с. 232, 245, 300, 362, 426.
[143] Данилевич В. Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV столетия, с. 72.
[144] Даўгяла З. І. Барысаўскі замак.— Працы, т. II, с. 265, 266.
[145] Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии. Мн., 1977, с. 51, 52.
[146] Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Барысаве.— Працы, т. II, с. 254, 259.
[147] Buczek Karol. Dzieje kartografii Polskiej od XV do XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1863.
[148] Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень (Княжа Гора). К., 1968, с. 88, табл. XI, 1—5.
[149] Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, с. 30, табл. 48.
[150] Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955, с. 149, рис. 7.
[151] Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии, с. 164.
[152] Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв.— СА, 1961, № 3, с. 72, 73.

Глава IV

[1] Алексеев Л. В. Раскопки в Друцке.— АО—1965. М., 1966, с. 168.
[2] Загорульский Э. М. Древний Минск. Мн., 1963, с. 53—54.
[3] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 56—57.
[4] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 122.
[5] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, с. 78.
[6] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1. М.—Л., 1966, с. 86, 94.
[7] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 140—141.
[8] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. М., 1966, с. 84.
[9] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3. Л., 1971, с. 16.
[10] Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф. Древнейшие города Белоруссии. Мн., 1966, с. 34.
[11] Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава, с. 96, 105.
[12] Штыхов Г. В. Раскопки в Логойске в 1968 г.— В кн.: ТДКАБ. Мн., 1969, с. 124, рис. 3, 11.
[13] Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. М., 1973, с. 104, № 36—64.
[14] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 175, рис. 43, 20.
[15] Тараканова С. А. Псковские городища.— КСИИМК, 1956, № 62, с. 41, рис. 20.
[16] Штыхов Г. В. Исследования в Витебской области.— АО — 1973. М., 1974, с. 384.
[17] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 63, 64.
[18] Загорульский Э. М. Археология Белоруссии, с. 190.
[19] Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 126, рис. 22.
[20] Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг.— СА, 1962, № 3, с. 35.
[21] Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги.— СА, 1950, № XIV, с. 203.
[22] Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян. К., 1965, с. 84.
[23] По материалам раскопок курганов в Подмосковье такие сосуды иногда называют «керамикой курганного типа» (Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVII вв. М., 1968, с. 1, прим. 1).
[24] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 82.
[25] Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 124.
[26] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, с. 181, 363, 364.
[27] Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения днепровского лесостепного Левобережья.— СА, XVI, с. 32, 35, рис. 19.
[28] Штыхов Г. В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи.— СА, 1963, № 4, с. 240, 241.
[29] Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А., Зоценко В. Н. Исследования Киевского подола.— АО — 1976. М., 1977, с. 286.
[30] Седова М. В. Что показали археологические раскопки.— В кн.: Суздалю — 950 лет. Ярославль, 1977, с. 68.

[31] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 118, 167, 171.
[32] Данилевич В. Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV ст. Юрьев, 1898; Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 83—100; Жучкевич В. А. Дороги и водные пути Белоруссии. Историко-географические очерки. Мн., 1977, с. 22—36.
[33] Смоленские грамоты XIII—XIV веков, с. 76.
[34] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 481.
[35] Памятники русского права, вып. 1. М., 1952, с. 113, 159.
[36] Мальм В. А. Шиферные пряслица и их использование.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 198.
[37] Малевская М. В. Амфоры Новогрудка XII—XIII вв.— В кн.: ТДКАБ. Мн., 1969, с. 185—191.
[38] Щапова Ю. Л. Стеклянные браслеты Полоцкой земли.— КСИА, 1965, № 104, с. 49.
[39] Макарова Т. И. Поливная посуда. М., 1967, с. 48.
[40] ПСРЛ, т. 2, стб. 160, 349.
[41] Сергеева З. М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси.— КСИА, 1977, № 150, с. 34—37.
[42] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II, с. 162, рис. 64.
[43] Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866, с. 69, 70.
[44] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Издание подготовил Щапов Я. Н. М., 1976, с. 162.
[45] Стубавс А. Некоторые археологические находки 11—13 веков из городища Кокнесе.— В кн.: Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn, 1966, lk. 171, 172.
[46] Медведев А. Ф. О новгородских гривнах серебра.— СА, 1963, № 2, с. 114
[47] Штыхов Г. В. К вопросу о пребывании норманнов в Полоцке.' Тезисы докладов шестой Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, часть I. Таллин, 1973.
[48] Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.).— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России (IX—XX вв.). Л., 1970, с. 79, 80.
[49] Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 25, 26.
[50] Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 149.
[51] Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки.— ВГ, сб. 20. М., 1950, с. 226; Свердлов М. Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX—XI вв.— ИВГО, 1969, т. 101, вып. 6, с. 542; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в.— Вспомогательные исторические дисциплины, т. VIII. Л., 1976, с. 105.
[52] Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Мн., 1977, с. 56.
[53] Рабцэвіч В. Н.. Стуканаў А. А. Манеты Арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі.— ПГКБ, 1973, № 4, с. 33—39.
[54] Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Мн., 1968, с. 18, 19; Его же. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области.— «Нумизматика и эпиграфика», т. V. М., 1965, с. 123; т. IX, 1971, с. 92.
[55] Потин В. М. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 98—101.
[56] Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 33, с. 154, 155.
[57] Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси.— СА, 1977, № 3, с. 142.
[58] Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966, с. 27—29.
[59] Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава, с. 103.
[60] Латвийский Генрих. Хроника Ливонии, с. 124.
[61] Муравская Е. Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XIV вв.— «Известия Академии наук Латвийской ССР», 1961, № 2; Усачев Н. Н. О внешней торговле Смоленска в IX—XIV веках.— МИСО, вып. VII. М., 1970, с. 314.
[62] Русско-ливонские акты. СПб., 1868, с. 13; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв., с. 36.
[63] Белоруссия в эпоху феодализма, т. I, с. 76, 78.
[64] Шекера І. М. Київська Русь в XI ст. у міжнародних відносинах. К., 1967, с. 21, 27.
[65] Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 126—127.
[66] Миролюбов М. А. Пахотные орудия Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, 1972, вып. 14, с. 120—121, рис. 2, 1, 3.
[67] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II, с. 62, рис. 18.

68 Коробушкина Т. Н. Материалы по земледелию XI—XIII вв. из раскопок Минска.— В сб.: БД. Мн., 1967, с. 397, 400, 402.
69 Кирьянов А. В. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава.— КСИИМК, 1960, № 81, с. 107.
70 Кирьянова Н. А. О находках зерен сельскохозяйственных культур при раскопках городища Друцк.— СА, 1972, № 3, с. 356.
71 Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, 1959, № 65, с. 328, 361. Некоторые историки оспаривают распространенность паровой зерновой системы в XI—XIII вв. в нечерноземной полосе (Шапиро А. А. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 48, 49).
72 Петров В. П. Подсечное земледелие. К., 1968, с. 205, 207; Громов Г. Г. Русская материальная культура XVII века.— ВИ, 1975, № 4, с. 106—107.
73 Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 421—422.
74 Пашуто В. Т. Голодные годы в древней Руси.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Мн., 1962, с. 66, 67.
75 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, с. 33.
76 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 69.
77 Там же, с. 116.
78 Щеглова В. В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века.— В сб.: ДБ, Мн., 1969, с. 407, 408.
79 Там же, с. 414.
80 Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси.— Матеріали XIII конференції інституту археології АН УРСР. К., 1972, с. 315.
81 Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965, с. 389.
82 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 1, с. 109.
83 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 473.
84 Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Киева. К., 1972, с. 174.
85 Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 139.
86 Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 33.
87 Урланис Б. П. Рост населения в Европе. М., 1941, с. 83.
88 Каплински К. Ремесленники в социальной структуре Таллина в XIV веке.— «Известия АН ЭССР», общественные науки, 1975, № 24/1, с. 57—59.
89 Гісторыя Беларускай ССР, т. 1, с. 152.
90 Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905, с. 1—27. В документе показано не все население Полоцка (не названо купечество и боярство).
91 ПСРЛ, т. II, стб. 494.
92 Пашуто В. Т. О мнимой соборности Древней Руси.— В кн.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1969, с. 165; Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 27.
93 Белоруссия в эпоху феодализма, т. I, с. 57—63, 74.
94 Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 90—93.
95 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 149, 151.
96 ПСРЛ, т. 2, стб. 620, 621. В Новгородской летописи об этом под 1181 г.
97 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 154.
98 Аляксееў Л. В. Старажытны Друцк.— ПГКБ, 1973, № 3, с. 19.
99 ПСРЛ, т. 2, стб. 496, 505, 512.
100 Загорульский Э. М. Древний Минск, с. 26.
101 Там же, с. 16.
102 Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych Krajów Słowiańskich, t. VII. Warszawa, 1886, s. 89—90.
103 История Минска. Мн., 1957, с. 15.
104 Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв., с. 145, рис. 27.
105 Загарульскі Э. М. Мінскі замак.— ПГКБ, 1970, № 2, с. 26.
106 Загорульский Э. М. Древний Минск, с. 40—41.
107 Там же, с. 34—37.
108 История культуры Древней Руси, т. 1, с. 213.
109 Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 181, 182.
110 Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 32, рис. 17.
111 Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель, с. 94.
112 Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975, с. 97, 111.
113 Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, с. 124.

114 Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке.— АО — 1976, М., 1977, с. 401.
115 Житие блаженныя Еуфросинии ..., с. 74.
116 Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв., с. 258, 259.
117 Белоруссия в эпоху феодализма, т. 1, с. 77.
118 Голубева Л. А. Киевский некрополь.— МИА, 1949, № 11, с. 103; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, с. 134—230.
119 Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11, с. 51.
120 Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 75.
121 Коркунов М. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. и тогдашние планы города Полоцка и окрестных крепостей.— ЖМНП, 1837, ч. 15, с. 235—249.
122 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 32.
123 Штыхаў Г. В. Вывучэнне курганаў Полацкай зямлі (Х—пачатка XII ст.).— У зб.: Беларускія старажытнасці. Мн., 1972, с. 227—231.
124 Романов Е. Р. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году.— Тр. МАО, т. 13, вып. 1. М., 1889, с. 147, 148.
125 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 84, 112, табл. XI, 8.
126 Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг.— В сб.: ДБ, 1969, с. 323, 346, рис. 24.
127 В 1970 г. четыре насыпи нами восстановлены.
128 Романов Е. Р. Старина доисторическая Северо-Западного края. Вильна, 1908, с. 29.
129 Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв., с. 45, 48.
130 Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Барысаве.— Працы, т. II, с. 256—261.
131 Ляўданскі А. Н. Археалагічныя раскопкі ў м. Заслаўі Мінскай акругі.— Працы, т. I, с. 86—87; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 141.
132 Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 7.
133 ПВЛ, ч. I, с. 88.
134 ПСРЛ, т. 4. Пг., 1915, с. 97.
135 Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII века в Турове.— КСИА, 1965, № 100, с. 131, 136.
136 Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке.— СА, 1977, № 1, с. 245, рис. 5.
137 ПСРЛ, т. 2, стб. 492.
138 Шаляпина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. В сб.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 146.
139 Тарасенко В. Р. Древний Минск, с. 228, 229.
140 Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке, с. 244, 245.
141 Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке, с. 400, 401.
142 Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков.— В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 23.
143 Раппопорт П. А. О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII веке.— Труды Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Серия «Архитектура», вып. 3. Л., 1970, с. 18—21.
144 КСИА, 1977, вып. 150, с. 83.
145 Житие блаженыя Еуфросинии ..., с. 77.
146 Монгайт А. Л. Фрески Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 137; Штыхаў Г. В. Полацкія фрэскі XII стагоддзя.— ПГКБ, 1970, № 1, с. 29—32.
147 Воронин Н. Н. Бельчицкие руины.— «Архитектурное наследство», 1956, № 6 с. 12.
148 Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов. В кн.: Славяне и Русь. М., 1966, с. 152, рис. 1.
149 Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф. Древнейшие города Белоруссии, с. 18.
150 Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1971, с. 6, 26.
151 Василенко В. М. Русское прикладное искусство. М., 1977, с. 246, 247.
152 Алексеев Л. В. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии.— СА, 1962, № 4, с. 197—209; Штыхаў Г. В., Захарэнка П. Н. Старажытныя скарбы Беларусі. Мн., 1971, № 27 и 28.
153 Малиновская Н. В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей. В кн.: Города Поволжья в средние века. М.. 1974, с. 132—133.

154 Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975, с. 46—48, 78, 86, 87, 92.
155 Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 111—114.
156 Иконографическое определение памятника произвел искусствовед В. Г. Пуцко.
157 Лысенко П. Ф. Свинцовые иконки из древнего Турова.— СА, 1967, № 1, с. 281, 282, рис. 1б.
158 Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв., с. 116, рис. 60, 3.
159 Нікалаева Т. В. Скарбы мастацтва.— ПГКБ, 1972, № 1, с. 60.
160 Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в.— СА, 1957, № 3, с. 224—242.
161 Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1976, с. 72—73.
162 Василенко В. М. Русское прикладное искусство. М., 1977, с. 279, 286.
163 Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1963, с. 70, 72.
164 Алексеев Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии).— СА, 1974, № 3, с. 205—209, 217.
165 Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975, с. 185.
166 Житие блаженыя Еуфросинии ..., с. 75—81.
167 Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв., с. 66, 67.
168 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, с. 41, 166.
169 Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии.— КСИИМК, 1955, вып. 57, с. 129—132; его же. Еще три шиферные пряслица с надписями.— СА, 1959, № 2, с. 242—245.
170 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 9; Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. К., 1976, с. 189, 194.
171 При расшифровке надписи автор пользовался консультацией С. А. Высоцкого.
172 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. 1. К., 1966, с. 59.
173 Штыхов Г. В. Раскопки в Витебске и его окрестностях.— АО—1972. М., 1973, с. 371.
174 Дроченина Н. Н., Рыбаков Б. А. Берестяная грамота из Витебска.— СА, 1960, № 1, с. 282, 283.
175 Янин В. Л. Я послал тебе бересту М., 1975, с. 230.
176 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 33.
177 Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, с. 27, 73 ,74.

Заключение

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 404.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
АО — Археологические открытия (сборник)
АС — Археологический съезд
Асб. ГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БД — Белорусские древности (сборник)
ВГ — Вопросы географии
ВМУ — Вестник Московского университета
ВИ — Вопросы истории
ГФР — Города феодальной России (сборник)
ДБ — Древности Белоруссии (сборник)
ДК — Древнерусские княжества X—XIII вв. (сборник)
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАК — Известия императорской Археологической комиссии
ИАНОРЯС — Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИИСБН — Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья (сборник)
ИЗ — Исторические записки
ИС — История СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО — Материалы по изучению Смоленской области
НОСА — Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции)
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПГКБ — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПРАЦЫ, т. I — Запіскі аддзела гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры, кн. 5. Працы кафедры археалогіі, т. I. Мн., 1928
ПРАЦЫ, т. II — Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай акадэміі навук, кн. 11. Працы археалагічнай камісіі, т. II. Мн., 1930
ПРАЦЫ, т. III — Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай акадэміі навук, т. III. Мн., 1932
РВД — Раннесредневековые восточнославянские древности (сборник)
СА — Советская археология
ТДКАБ — Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии
ТДСАЭЭ — Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
Уч. зап. ГСУ — Ученые записки государственного Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете

ОГЛАВЛЕНИЕ

Георгий Васильевич Штыхов

ГОРОДА ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ (IX — XIII вв.)

Редактор А. С. Пекарский
Обложка и художественное редактирование
В. В. Савченко
Технический редактор И. П. Тихонова
Корректор Л. И. Дейкун

ИБ № 419

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. Сдано в набор 22.06.78. Подписано в печать 18.09.78. АТ 12186. Формат 70×100[1]/[16]. Бум. тип. № 1 (энц.) Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 10,0. Усл. печ. л. 12,90. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 4800 экз. Зак. 846. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.